

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Чертыков В.К., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ответственный секретарь:

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Члены редакционной коллегии:

Кискидосова Т.А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ковалева О.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чебокакова И.М., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чистобаева Н.С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Редактор переводов:

Мечтанова Д.И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:

Абумова О.Д., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия

Арбачакова Л.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Ахматова М.А., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия

Бакчиев Т.А., Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика

Борисов А.А., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Булгутова И.В., Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Россия

Гергилев Д.Н., Сибирский федеральный университет, Россия

Даван Тая, Университет Внутренней Монголии, Китайская Народная Республика

Дацпышен В.Г., Институт демографических исследований РАН, Россия

Донгак У.А., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Ефимова Л.С., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия

Ефремов Н.Н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Жаркын Турсун, Институт древней истории Академии общественных наук, Китайская Народная Республика

Жумагулов С.Б., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Зарбалиев Х.М., Азербайджанский государственный университет языков Азербайджанской Республики, Азербайджанская Республика

Карамашева В.А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Килуновская М.Е., Институт истории материальной культуры РАН, Россия

Кузьмина Е.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Курас Л.В., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Кызласов И.Л., Институт археологии РАН, Россия

Магай Жером, Музей доисторической антропологии, Княжество Монако

Мамбеталиев К.И., Международный университет Ала-Тоо, Кыргызская Республика

Peer-reviewed academic journal
№ 3(39) 2023

The journal is published quarterly

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

Valery K. Chertykov, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Executive secretary:

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Members of the Editorial Board:

Tatyana A. Kiskidosova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Olga V. Kovalyova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Irina M. Chebochakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Translator-reviser:

Diana I. Mечтанова, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:

Olga D. Abumova, N. F. Katanov Khakass State University, Russia

Lyubov N. Arbachakova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Mariyam A. Akhmatova, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russia

Talantaaly A. Bakchiev, National Academy «Manas», Kyrgyzstan

Andrian A. Borisov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Irina V. Bulgutova, D. Banzarov Buryat State University, Russia

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University, Russia

Taya Dawan, University of Inner Mongolia, China

Vladimir G. Datsyshen, Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia

Uran A. Dongak, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Lyudmila S. Efimova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Nikolai N. Efremov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jarkyn Tursun, Institute of Ancient History of Chinese Academy of Social Sciences, China

Sagymbai B. Zhumagulov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

Habib M. Zarbaliyev, Azerbaijan State University of Languages of the Republic of Azerbaijan, Azerbaijan

Viktoriya A. Karamasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Marina E. Kilunovskaya, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Russia

Evgeniya N. Kuzmina, Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonid V. Kurash, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jerome Magail, Museum of Prehistoric Anthropology, the Principality of Monaco

Kuban I. Mambetaliev, Ala-Too International University, Kyrgyzstan

Морозова О.Н., Амурский государственный университет, Россия
Мыльникова Л.Н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия
Нам И.В., Томский государственный университет, Россия
Николаева Н.Н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия
Ооржак Б.Ч., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия
Осава Такаши, Университет Осаки, Япония
Раджабов К.К., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан
Семенова В.Г., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия
Слюсаренко И.Ю., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия
Соегов Мурадгелди, Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана, Туркменистан
Султангареева Р.А., Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Россия
Тэн Хай, Датунский университет, Китайская Народная Республика
Уртегешев Н.С., Институт филологии СО РАН, Россия
Функ Д.А., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Хамдамов У.А., Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан
Хуббитдинова Н.А., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия
Цагаан Турбат, Национальный университет Монголии, Монголия
Цэдэндамбын Батбаяр, Институт истории и этнологии Академии наук Монголии, Монголия
Чугункекова А.Н., Хакассский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия
Шапауов А.К., Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан
Шульга П.И., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Olga N. Morozova, Amur State University, Russia
Lyudmila N. Mylnikova, Institute of Archaeology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Iraida V. Nam, Tomsk State University, Russia
Natalya N. Nikolaeva, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Bailak Ch. Oorzhak, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia
Takashi Osawa, Osaka University, Japan
Kahramon K. Radjabov, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Valentina G. Semyonova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia
Igor Yu. Slyusarenko, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Muratgeldi Soyegov, Magtymguly Institute for Language, Literature, and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Turkmenistan
Rozaliya A. Sultangareeva, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia
Teng Hai, Shanxi Datong University, China
Nikolai S. Urtegeshev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Dmitry A. Funk, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia
Ulugbek A. Khamdamov, Institute for Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Nerkes A. Khubbitdinova, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia
Turbat Tsagaan, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia
Batbayar Tsedendambyn, Institute of History and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia, Mongolia
Alyona N. Chugunekova, N.F. Katanov Khakass State University, Russia
Alibi K. Shapauov, Shoqan Ualikhanov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan
Pyotr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Учредители:

Министерство образования и науки Республики Хакасия
 ГБНИУ РХ «Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23
 ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
 Телефон: +7 (3902) 22-31-71
 www.sayan-altai.ru
 Email: chertykov@sayan-altai.ru

Техническая поддержка:

Бадаев В.Г.
 Email: badaev@sayn-altai.ru

ISSN 2304-7488

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098
 © Министерство образования и науки Республики Хакасия, 2023
 © ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2023

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования
 Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-48678)

Founders:

Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia
 Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:

23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation
 Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
 Tel.: +7 (3902) 22-31-71
 www.sayan-altai.ru
 Email: chertykov@sayan-altai.ru

Technical support:

Vladislav G. Badaev
 Email: badaev@sayn-altai.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index
 The electronic version of the journal is available on the platform of the Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Каташев М. С.**
Вооруженное антибольшевистское выступление
крестьян в Горном Алтае в 1921–1922 гг.:
особенности и основные этапы 4
- Печерский В. А.**
Борьба с экономической преступностью
в Красноярском крае в послевоенный период
(1945–1952 гг.) 16
- Чертыхов В. К.**
Этнографические исследования хакасов
П. Е. Островских в 1894 г. 29

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

- Кызласов А. С.**
Вклад достойного сына Калмыкии Церен-Доржи
Номинханова в изучение устной разговорной речи
хакасов 38
- Номинханов Ц.-Д.**
Хакасская топонимика как источник истории
хакаского народа 43
- Чебоचाкова И. М.**
Работа над рукописью «Толковый словарь
хакаского языка» (2 том): проблемы, терминология,
результаты 59

Фольклористика

- Жураева М. Ю.**
Размышления об исторических основах узбекских
народных загадок 67
- Каландарова Д. А.**
Исследование вариантов эпоса «Алпамыш» 73

Литературоведение

- Кужугет Ш. Ю.**
Сатирическая поэзия Б. Ховенмея 77
- Чочиева А. С.**
Символический образ огня в хакаской поэзии
второй половины XX века 83

ЮБИЛЕИ

- Чебоचाкова И. М.**
М. Д. Чертыкова – исследователь
хакаской лексики 88
- Челтыгмашева Л. В.**
Литературоведческое наследие А. Г. Кызласовой 97

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- Maxim S. Katashev**
Armed anti-bolshevist output insurrection
peasants in Gorny Altai in 1921–1922: features
and main stages 4
- Vladimir A. Pechersky**
Struggle against economic crime
in the Krasnoyarsk region during the post-war period
(1945–1952) 16
- Valery K. Chertykov**
P. E. Ostrovskikh's ethnographic studies
of the Khakass in 1894 29

PHILOLOGICAL SCIENCES

Linguistics

- Artyom S. Kyzlasov**
Contribution of the worthy son of Kalmykia Tseren-
Dorji Nominkhanov to the study of the Khakass' spoken
language 38
- Tseren-Dorji Nominkhanov**
Khakass toponymy as a source of history
of the Khakass people 43
- Irina M. Chebochakova**
Work on the manuscript «The explanatory dictionary
of the Khakass language» (volume 2): problems,
terminology, results 59

Folklore studies

- Muniz Yu. Juraeva**
Consideration of the historical bases of Uzbek
folk riddles 67
- Dilafroz Ab. Kalandarova**
Research of versions of epic «Alpamysh» 73

Literary studies

- Shenne Yu. Kuzhuget**
B. Khovenmei's satirical poetry 77
- Alyona S. Chochieva**
The symbolic image of fire in Khakass poetry in the
second half of the 20th century 83

JUBILEE

- Irina M. Chebochakova**
M. D. Chertykova – researcher
of Khakass vocabulary 88
- Larisa V. Cheltygmasheva**
A. G. Kyzlasova's literary heritage 97

ВООРУЖЕННОЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1921–1922 гг.: ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

М. С. Каташев

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, 649000, Россия; email: kms_37@mail.ru

В статье на основе имеющейся литературы и ведомственных архивных источников представлена попытка обобщить и показать новые факты из истории крестьянского повстанческого движения в Горном Алтае в 1921–1922 гг. («бандитизма»). Освещены ход боевых действий, этапы и основные события повстанческого движения, показаны программа и лозунги повстанцев. Подтверждена точка зрения о том, что одной из основных особенностей повстанческого движения в Горном Алтае являлось широкое участие в отрядах коренного алтайского населения.

Ключевые слова: Горный Алтай, продовольственная политика, крестьянское повстанческое движение, коренное население.

ARMED ANTI-BOLSHEVIST OUTPUT INSURRECTION PEASANTS IN GORNY ALTAI IN 1921–1922: FEATURES AND MAIN STAGES

Maksim S. Katashev

S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics, 6 Socialist Str., Gorno-Altai, 649000, Russia; email: kms_37@mail.ru

Based on the available literature and departmental archival sources, the article presents an attempt to summarize and show new facts from the history of the peasant insurrectionary movement in Gorny Altai in 1921–1922. («banditry»). The course of hostilities, stages and main events of the insurgent movement are highlighted, the program and slogans of the insurgents are shown. The point of view is confirmed that one of the main features of the rebel movement in the Altai Mountains was the wide participation of the indigenous Altai population in the detachments.

Keywords: Gorny Altai, food policy, peasant rebellion, indigenous population.

Введение

История крестьянского повстанческого движения («политического бандитизма», «белого бандитизма») в Горном Алтае получила достаточно подробное освещение в отечественной историографии. Одним из первых ее рассмотрел новосибирский исследователь В. Д. Демидов [Демидов, 1970]. Автор охарактеризовал его как продолжение Гражданской войны между советской властью и уцелевшими колчаковцами, а «бандитскому движению» дал оценку как антинародному выступлению против советской власти. Ход боевых

действий подробно исследован М. А. Богдановым. Автор на основе архивных источников Центрального государственного военно-исторического архива восстановил картину боевых действий частей ЧОН против «бандитов» в Горном Алтае в 1921–1922 гг. [Богданов, 1972]. Указанные исследователи выдерживали господствующую в советской историографии точку зрения об антинародности и реакционности крестьянского повстанческого движения. В условиях тех лет не шло речи об анализе основных программных положений повстанцев, целей и мотивов их вооруженной борьбы против большевиков. С изменением

политического строя в стране стало возможным изучение ранее закрытых архивов, результатом чего стал всплеск исследований по истории Гражданской войны на региональном уровне.

В начале 1990-х гг. оживилась книгоиздательская деятельность. В это время алтайское республиканское издательство «Ак-Чечек» переиздало работы П. Я. Гордиенко [Гордиенко, 1994], который в 1920–1922 гг. занимал руководящие должности в аппарате Горно-Алтайского уездного партийного комитета РКП(б) и Л. П. Мамета [Мамет, 1994], профессора Коммунистического университета народов Востока (КУТВ). Л. П. Мамет опирался в своем исследовании на документальные материалы Ойротского историко-партийного архива. Автор большое значение придавал национальному моменту в развитии классовой борьбы в Горном Алтае. Гражданская война в Горном Алтае в значительной степени носила национальные особенности и имела, по мнению автора, во многом межнациональный характер. Такие выводы повлекли разгром книги в периодической печати и жесткую партийную критику за преуменьшение роли классовой борьбы в Гражданской войне в Горном Алтае. Большой научный интерес представляют копии документов-воззваний повстанцев («бандитов»), выступивших против большевиков в 1921–1922 гг. Как и для П. Я. Гордиенко, все это впоследствии трагически отразилось на судьбе Л. П. Мамета – он был репрессирован в годы «Большого террора» и погиб в заключении.

В 2000-е гг. появились статьи, посвященные этапу крестьянского повстанческого («бандитского») движения в 1921–1922 гг. [Бармин, 2002; Русанов, 2002; Иванова, 2006]. На основе нового архивного материала авторами вводятся в научный оборот новые факты о продналоговой политике большевиков и ходе боевых действий. Приводятся и ранее засекреченные факты о насилиях военных в отношении коренного алтайского населения.

Большой интерес представляют публикации горно-алтайского историка А. А. Болдуева с подробным анализом нормотворческой деятельности гражданских властей повстанцев

на территории Уймонского края [История Горного Алтая, 2000, с. 102, 103].

В данной статье ставится задача расширить картину истории крестьянского повстанческого движения в Горном Алтае за счет привлечения некоторых документов государственных и ведомственных архивов.

Основная часть

К середине 1921 г. в крестьянской среде недовольство военно-коммунистической политикой достигло своей высшей точки. К этому времени крестьянские волнения охватили всю территорию страны. Зимой 1921 г. восстала Западная Сибирь, вести о вооруженном выступлении дошли и до Алтая.

В Горно-Алтайском уезде еще до начала продналоговой кампании, в июле 1921 г., началась повсеместная организация повстанческих отрядов. Первое выступление совершилось в тех же местах, где зарождалось партизанское движение против А. Колчака – в Черноануйской и Куяганской волостях. Ранее всех выступили крестьяне села Белый Ануй. В июле они разогнали продотряд и организовали «Первый повстанческий Горно-Алтайский полк», избрав командиром председателя сельсовета, бывшего партизана Федоса Тырышкина [Богданов, 1972, с. 137].

Действия властей меняли настроения крестьянства и провоцировали его на вооруженное выступление. Так, в начале августа 1921 г. население Уймона резко отнеслось к воззванию Кайгородова совместно выступить против советской власти, пообещав эмиссарам есаула «снести голову» недавнему врагу, если он окажется в их краях [Богданов, 1972, с. 136]. Но уже через несколько недель Уймон превратился в один из центров вооруженного выступления крестьян против большевиков.

На большей части территории уезда начались активные боевые действия, которые носили слаженный характер. Повстанцы, объединив свои отряды, перешли в наступление. Им удалось занять ряд волостей и участок стратегически важной транспортной артерии Горного Алтая – Чуйского тракта на участке от Теньги до Ини [Демидов, 1996, с. 106].

Численность объединенных сил повстанцев доходила до 400 чел. Но взять крупные центры волостей, где находились армейские части, повстанцы не смогли. В конце августа другая группа повстанцев численностью до 500 чел. заняла Уймонскую долину – еще один бывший центр антиколчаковского движения [История Горного Алтая, 2000, с. 129]. Летом на территории Горного Алтая, по данным органов ВЧК, оперировали отряды: Тырышкина из Белого Ануя численностью до 150 чел., Орлова – до 70 чел., Пьянкова из Белого же Ануя – до 50 чел., Тужлея в Ябогане – до 120 чел., Соснина из Усть-Кана – до 25 чел., отряд братьев Медведевых из с. Кырлыка в количестве до 20 чел., Санарова и Головина из Талицы и Чечулихи – до 30 чел.¹

Синхронность локальных выступлений в Горном Алтае обусловили те же причины, которые были характерны для всего повстанческого движения в Сибири: крайняя степень озлобленности населения, «поставленного продработниками на грань жизни и смерти и, в конечном счете, вставшего на путь вооруженного сопротивления» [Шишкин, 2011, с. 136].

Тем временем бывший командующий колчаковскими частями в Горном Алтае есаул А. П. Кайгородов, обосновавшийся в Западной Монголии, принял решение перейти границу. В сентябре–октябре его отряд численностью до 500 чел. провел ряд боев в приграничных районах Горного Алтая. Однако кайгородовцы еще не имели достаточно сил для успешного противостояния регулярным войскам Красной армии. Потерпев ряд поражений, А. Кайгородов ушел в горы [Демидов, 1996, с. 105]. Действия повстанческих отрядов нередко сопровождалось жестокими расправами над коммунистами и сельскими активистами [Демидов, 1970, с. 77].

События августа–сентября положили начало очередному этапу гражданской войны в Горном Алтае. К концу 1921 г. Кайгородову удалось объединить все разрозненные отряды под своим единым командованием.

Социальный состав повстанцев был разнородным. Как и в целом по Сибири, в их числе находились представители разных социальных групп: старожилы, новоселы, кулаки, середняки, бедняки [Шишкин, 2011, с. 136]. В ряде волостей среди повстанцев преобладали середняки и бедняки [История Горного Алтая, 2000, с. 136, 137]. Например, в Бешпельтирской волости, основное население которой составляли алтайцы, большая часть повстанцев была представлена бедняками, владевшими по одной лошади и корове, или вовсе безлошадными. Волревкомы составляли списки имущества граждан, примкнувших к повстанцам для дальнейшей конфискации имущества. Так, в составленных списках на 21 гражданина Убинской волости, «ушедших в банду», имели рабочих лошадей в количестве: 5 рабочих лошадей – 1 чел., 3 рабочих лошади – 6 чел., 1 рабочей лошади – 7 чел. Не владели рабочим скотом – 4 чел.² В условиях Горного Алтая, где скотоводство занимало ведущую роль в хозяйстве населения – как оседлого земледельческого, так и кочевого, однолошадные хозяйства относились к бедняцким слоям. Еще один интересный пример. В аналогичном списке по Куюмской волости, составленном в конце декабря 1921 г., все из пяти граждан, примкнувших к «бандитам», имели в своих хозяйствах лишь по 1 рабочей лошади. Так, Павел Кучияков (в будущем – известный алтайский писатель Павел Кучияк, классик алтайской литературы) имел лишь избу, скота и иного имущества не было (в примечании значилось: «больше ничего нет»). Имущество одного из его братьев – Петра – состояло из 1 коровы, 1 рабочей лошади, котла, хомута. Другой брат, Иван имел 1 корову. Проживали братья Павла, в отличие от него, в юртах. Председатель волревкома, ознакомившись со списком имущества граждан волости, ушедших в «банду», наложил резолюцию: «Не конфисковывать имущество как у бедных»³.

Особенностью повстанческого движения являлось широкое участие в его рядах алтайского населения. По информации ВЧК, наци-

¹ Архив УФСБ по Республике Алтай (далее АФ УФСБ РА). Ф. 9. Д. 502. Л. 19 об.

² Государственный архив Республики Алтай (далее – Госархив РА). Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 32. Л. 3, 5.

³ Госархив РА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

ональный состав всех «банд», действовавших в Горном Алтае, распределялся в примерном соотношении следующим образом: в «банде» Кайгородова русских – 80%, «инородцев» – 20%. В «банде» Кармана Чекуракова – «до 90% из инородцев, и около 10% русских». «Банда» Ташкинова состояла на 100% из «инородцев». В «банде» Семенка число «инородцев» составляло 70%, остальные русские, «банда» Колесникова состояла на 85% из русских, 15% «инородцев», «банда» Товара Чекуракова состояла на все 100% из «инородцев»¹.

Руководители отрядов зачастую являлись офицерами: есаул А. Кайгородов, сотник В. Славарецкий, прапорщик П. Кучуков (из «инородцев»). Немало офицеров служили в качестве «спецов» в штабах повстанцев: есаул Пудовкин, поручики Сокольский, Блинов, подпоручики Сыромятников, Астафуров, Мясников, прапорщик Аяшев [Денчик, Модоров 2009, с. 29, 30]. С другой стороны, лидерами повстанческого движения были и бывшие партизанские вожаки, которые пользовались авторитетом среди местного населения: Федос Тырышкин, а также бывший унтер-офицер, командир эскадрона в партизанской дивизии И. Я. Третьяка Ларион Колесников. Большую роль в антибольшевистском повстанческом движении в Горном Алтае сыграли представители коренного населения. На средней Катуні действовали отряды ранее служившего в колчаковской милиции С. В. Тадышева (Семенка) и командира колчаковской дружины П. Кучукова. В центральном Алтае развернули вооруженную борьбу богатые скотоводы Тожулей Ташкинов, братья Карман и Товар Чекураковы. В Улагано-Чулышманском районе были организованы отряды В. Кусургашева.

Партийно-политические взгляды повстанцев сводились к одной цели – уничтожению единовластиа коммунистов, отмены продналогов [Гордиенко, 1994, с. 100, 104; Мамет, 1994, с. 107, 109; Демидов, 1996, с. 106, 107; История Горного Алтая, 2000, с. 136, 137]. В целом же политические устремления повстанцев будет правильнее охарактеризовать как «антикоммунистические, имевшие целью установление советской власти демократического типа, сво-

бодной от диктата одной коммунистической партии» [Шишкин, 2011, с. 139].

Наиболее полно и четко цели повстанцев были сформулированы в «Программе Сводного Русско-инородческого партизанского отряда», возглавляемого А. П. Кайгородовым. Указанная Программа рассекречена и опубликована, и получила название в отечественной литературе как «Программа Кайгородова». В ней излагались основные положения будущего государственного устройства. Его формы виделись повстанческому руководству в демократическом строе, в возвращении всеобщего избирательного права. Оговаривалось, что избирательным правом обладали лишь трудящиеся, которые были заняты физическим или умственным трудом. Стремясь завоевать поддержку среди всех слоев крестьянства, А. Кайгородов провозгласил сохранение всех «завоеваний революции», устранению подлежали лишь ее «крайности».

Под «завоеваниями» революции понималось сохранение за сельским населением Горного Алтая в пользовании ранее захваченных монастырских и свободных кабинетских земель. Незанятые земли намечалось оставить в ведении государства. Развитие кооперации относилось к числу наиболее важных задач государства. В «крупных областях» промышленности и торговли допускалась возможность обобществления. Частнопредпринимательская прибыль ограничивалась путем введения прогрессивного налога. Гражданам гарантировались социальные блага и социальная защита, всеобщее бесплатное образование. Предполагалось ввести территориальный принцип построения армии. Осуждалось «насилованное проведение принципов коммунизма», которое подлежало отмене. Провозглашались «свободный труд» и свобода торговли [Поклонов, 2012, с. 49–50].

Содержание Программы достаточно определенно свидетельствует о политических предпочтениях восставших крестьян. Очевидно, что участники повстанческого движения не ставили под сомнение результаты революции, а именно – аграрное законодательство большевиков, которое наиболее полно изложено в одном из первых декретов советской власти –

¹ АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 24.

Декрете о земле. Подобные идейные установки в крестьянском повстанческом движении в 1921–1922 гг. были характерны для России в целом [Безгин, 2017, с. 11].

В целом же в большинстве отрядов на территории Горного Алтая какие-либо политические идеи не выдвигались. Лозунги повстанцев возникали произвольно, в них отражалась реакция на проводимую налоговую политику. Призывалось отменить продналог и устанавливать «такую власть, которую пожелают сами крестьяне» [Гордиенко, 1994, с. 100]. Чаще других звучали призывы: «Восстановление самостоятельности Алтая», «Долой налог», «Советы без коммунистов»¹. Указанные требования выражали основные интересы и чаяния крестьян и коренного населения, поэтому находили поддержку у местного населения. Это обусловило быстрое пополнение рядов повстанческих отрядов из числа сельского населения.

Активное вовлечение в антибольшевистскую борьбу коренного населения было во многом инициировано лозунгами А. Кайгородова о создании автономии для алтайцев. А. Кайгородов знал алтайский язык, что придавало ему популярности у коренного населения и позволяло пользоваться их поддержкой. Кроме того, он являлся делегатом учредительного съезда в с. Улале в феврале–марте 1918 г., во многом разделял взгляды о необходимости создания автономии алтайского народа.

В октябре–ноябре 1921 г. вооруженные действия повстанцев достигли наибольшего размаха, распространившись на большую часть территории Горно-Алтайского уезда. Несмотря на широту повстанческого движения в Горном Алтае, Сибревком и губернские власти подтвердили свое намерение неуклонного проведения в жизнь продовольственной политики. На октябрьскую кампанию по сбору продналога мобилизовывались ответственные работники и члены партии, им в помощь выделялись армейские части [Гордиенко, 1994, с. 98]. К неплательщикам применялось преследование со стороны народных судов и ревтрибуналов [Крестьянство Сибири, 1983, с. 104].

Жесткие меры властей еще более разжигали недовольство крестьян, что усиливало позиции повстанцев, пополняло их ряды. Настроения населения отражались и на представителях власти, которые в ряде случаев даже переходили на сторону повстанцев. Так, в сводках ВЧК по Алтайской губернии, во время наступления А. Кайгородова в октябре 1921 г., «в 25 верстах севернее с. Шебалино к бандитам ушла комячейка численностью девять человек. Секретарь Ильинского волисполкома арестован за сообщение бандитам сведений о наших частях. Помпредседателя Барагашского волисполкома арестован за укрывательство бандитов» [Советская деревня... Т. 1, 2000, с. 512].

В октябре 1921 г. А. Кайгородов встретился с Лесным полком Ф. Тырышкина. Общая численность повстанческих отрядов достигла 1,5 тыс. человек. Соединившись, недавние враги двинулись в район Белого Ануя-Куягана и заняли его в начале ноября, тем самым перенеся свои операции за пределы Горного Алтая, на территорию соседнего Бийского уезда. Попытки же повстанцев выбить гарнизоны красных по Чуйскому тракту закончились провалом [Демидов, 1996, с. 108, 109].

Успехи повстанцев на начальном этапе своей борьбы во многом были обусловлены поддержкой населения. Так, после нападения отряда Орлова на обоз 185 полка, ряды повстанцев пополнили жители урочищ Кеньга, Тобогой, Каерлык и Ело. Когда в Хабаровку пришла «банда» Тырышкина, к ней присоединилось чуть ли не все мужское население села. Кроме того, к отряду Тырышкина примкнула часть жителей сел Каспа, Яломан и Ело. Отряд оперировал по всей территории современного Онгудайского района и проводил мобилизацию мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет².

Власти, серьезно оценив угрозу со стороны мятежников, предприняли ряд решительных мер по их нейтрализации. С октября 1921 г. Горно-Алтайский уезд был объявлен на военном положении. Укреплялось руководство на уездном и местном уровнях. Несмотря на состоявшуюся выборную кампанию в советы,

¹ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.

² АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 502. Л. 22 об.

к работе они не приступили. Большая часть советов была вновь заменена на ревкомы [История Горного Алтая, 2000, с. 131].

Быстрое продвижение А. Кайгородова вглубь уезда заставило военное командование направить в Горный Алтай регулярные формирования Красной армии. Кроме того, в Горном Алтае действовали части особого назначения (ЧОН), укомплектованные коммунистами Сибири и Горного Алтая. Но в первую очередь в ЧОН призывали бывших красных партизан. К ноябрю 1921 г. уезд был наводнен военными подразделениями.

Укрепление расквартированных в уезде частей Красной армии дополнительными, хорошо вооруженными военными отрядами принесло свои результаты. К этому времени отряд А. Кайгородова вступил в пределы сопредельной Куяганской волости соседнего Бийского уезда. 7 ноября 1921 г. части Красной армии и ЧОН при поддержке артиллерии атаковали под Тоураком отряды Кайгородова и нанесли ему чувствительное поражение [Демидов, 1996, с. 107]. При выходе из окружения потери повстанцев составили около 1 тыс. чел. убитыми, ранеными, пленными.

Неудачи преследовали повстанцев и в других районах. В это же время Семенек, отряд которого действовал на правом берегу Катуня, не стал дожидаться подхода сил А. Кайгородова, и самостоятельно предпринял наступление на с. Улала. Его Закатунский повстанческий полк численностью до 300 чел. [Советская деревня, 2000, с. 512] вышел со стороны Чемала и, укрепленный отрядами сотника В. П. Славарецкого и В. В. Штанакова, через с. Александровку и с. Бирюлю 11 ноября 1921 г. подошел к уездному центру. «Банды» Семенека и Штанакова пополнялись в основном за счет жителей сел Александровки и Верхнего Карагужа¹. Местный гарнизон в оборонительном бою нанес повстанцам Семенека поражение, что положило начало распаду отряда закатунских повстанцев. Отдельные «банды» были рассеяны по урочищам вблизи селений на территории центральной части и северо-востока Горного Алтая

[Демидов, 1996, с. 110; Советская деревня, 2000, с. 546].

В середине декабря 1921 г. остатки отрядов Кайгородова общей численностью до 300 чел., потрепанные в боях, ушли в Аргутское ущелье [Демидов, 1970, с. 79]. К февралю 1922 г. действия повстанцев были ограничены локальными территориями. На третьем этапе повстанческого движения, который можно условно обозначить с декабря 1921 по февраль 1922 гг., повстанческие отряды проводили перегруппировку и собиравание сил после понесенных поражений.

Но боевые действия продолжались. Природные особенности Горного Алтая – горный рельеф местности и тайга – представляли собой удобные условия для ведения эффективной партизанской войны. С конца 1921 г. Горный Алтай оставался единственным регионом Западной Сибири, где продолжалось вооруженное сопротивление крестьян большевистской власти [Крестьянство Сибири, 1983, с. 108, 109].

В докладной записке Ойротского ОГПУ, составленной в 1930 г., общая численность «бандитов» в Горно-Алтайском уезде в 1921–1922 гг. определялась в 8 тыс. чел., не считая «прямых и косвенных пособников». В Горно-Алтайском уезде оперировали 7 крупных «банд», которые насчитывали от 150 до 4000 чел., и 6 мелких численностью от 20 до 65 чел.: в отряде Кайгородова число участников доходило до 4 тыс. чел., Колесникова – 700 чел., Штанакова и Семенека – 1500 чел., Товара Чекуракова – 360 чел., Тужлея Ташкинова – 150 чел., Кармана Чекуракова – 150 чел. Объединенные отряды Орлова, Полякова, Тырышкина составляли около 200 чел. В состав «мелких банд» входили отряды Соснина – до 65 чел., Мандрина – 60 чел., Угрюмова – 50 чел., Фоминых – 40 чел., Барсука – 22 чел., Темдека – 20 чел.²

Повстанческие отряды действовали по всей территории Горного Алтая. Ниже представлены данные Ойротского ОГПУ от 1930 г. о численности повстанческих отрядов («банд») в порайонном разрезе, по административно-территориальному делению Ойротской области на 1930 г.

¹ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 502. Л. 61 об.

² АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 2.16 об.

Таблица 1

Численность участников повстанческого движения в районах Горного Алтая в 1921–1922 гг., чел.

Аймак	Численность населения в районе (на конец 1920 г.)	Численность участников отрядов	Доля участников отрядов в составе населения района, %	Удельный вес в общем числе участников повстанческого движения в Горном Алтае, %
Майминский	12281	400	3,3	5,0
Успенский (Чойский)	11725	300	2,6	3,8
Лебедской (Турачакский)	12430	250	2,0	3,1
Чемальский	5109	1000	19,6	12,6
Шебалинский	10466	600	5,7	7,5
Усть-Канский	7719	1700	22,0	21,4
Онгудайский	8038	700	8,7	8,8
Уймонский (Усть-Коксинский)	10905	2500	22,9	31,5
Улаганский	2848	–	–	–
Кош-Агачский	5149	500	9,7	6,3
Всего	86673	7950	9,2	100,0

Источник: Население Горного Алтая. Статистический сборник. В помощь учителю географии и истории / сост.: А. П. Макошев, А. И. Минаев. Горно-Алтайск: ООП ГАГУ, 1994. С. 15; АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 3, 5, 6, 10–14.

На общем фоне выделялся Уймонский район, который чекисты называли «притонном бандитизма». Здесь было сосредоточено до трети всех крестьянских повстанцев уезда, выступивших с оружием в руках против политики советской власти. Вторым по численности стал Усть-Канский район. Обращает на себя внимание, что указанные территории являлись центрами партизанского движения против власти А. Колчака в августе–ноябре 1919 г. Большое количество «бандитов» чекисты зафиксировали в центре Горного Алтая, в пределах современных Чемальского, Онгудайского, Шебалинского районов.

В таблице приведены сведения о численности населения Горного Алтая на основе поволостных итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. Необходимо пояснить, что в Горном Алтае во время Гражданской войны население зачастую перемещалось с места на место, и данные переписи не могут считаться окончательными и уточненными. При этом нет сведений о половозрастном составе населения, что позволило бы

рассчитать долю повстанцев в общей численности взрослого мужского населения района. И тем не менее представленные данные позволяют хотя бы приблизительно представить относительные данные об участии в повстанческом движении населения Горного Алтая на порайонном уровне. Почти каждый пятый житель, проживавший в пределах современных Усть-Коксинского, Усть-Канского и Чемальского районов, состоял в «бандах». Можно определенно сказать, что на этих территориях значительная часть взрослого мужского населения – не менее трети – была вовлечена в повстанческое движение.

Власти предпринимали попытки разложить повстанческое движение изнутри. Его участникам предлагалось сдаться, добровольно сложившим до 5 января 1922 г. оружие гарантировались жизнь и сохранность имущества, а рядовых повстанцев, оказавшихся в отрядах по мобилизации, отпускали по домам. В результате такой тактики до 500 чел. покинули отряды [Демидов, 1970, с. 80].

Однако в не меньшей степени пополнялись и силы повстанцев новыми участниками. Закрепившись в белках (заснеженных горных хребтах) на Аргуте, А. Кайгородов восстановил связи с повстанческими отрядами, действовавшими фактически по всей территории Горного Алтая. Население, недовольное продовольственной политикой и действиями местных властей, испытывало к повстанцам сочувствие, что позволяло тем после тяжелых поражений вновь восстанавливаться путем привлечения свежих сил [История Горного Алтая, 2000, с. 136]. Командир 62-й бригады А. Галлинг отмечал, что «в ряде случаев мобилизации, проводимые бандитами Кайгородовым, Тырышкиным и другими, находят активный отклик среди населения» [Бармин, 2002, с. 201].

Стремясь снизить накал вооруженного восстания крестьян, власти пытались смягчить тяжесть продналоговой кампании для хозяйств. Реагируя на многочисленные жалобы и учитывая региональную специфику Горного Алтая, Алтайский губисполком своим решением от 11 февраля 1922 г. объявил объектом обложения для скотоводческих хозяйств – скот¹, что избавило скотоводов от обязательства сдавать государству зерновые продукты. Однако на местах усиливалось давление на крестьян, ужесточались требования по исполнению трудовой повинности. Так, 11 февраля 1922 г. на совещании председателей волисполкомов Горно-Алтайского уездного исполкома было подчеркнуто, что каждый трудоспособный гражданин обязан отработать на гужевой повинности 6 дней. На такой же срок он обязан был предоставить свою лошадь на исполнение государственных повинностей. Для привлечения уклонившихся от повинности к ответственности было решено привлекать милицию и суд². Все это вело к отвлечению рабочих рук из хозяйства крестьянства и кочевников.

Информация органов ВЧК приводит характерный пример недовольства среди местного населения политикой власти: для борьбы с повстанцами были созданы местные отряды

самообороны: в с. Туэкта из 30 чел., Онгудае из 50 чел., Ело, Каерлыка, Тобогоя и Кеньги из 45 чел. В отряды было принято большое количество бывших «бандитов», которые повели разлагающую работу. В результате этого отряды примкнули к повстанцам и выступили против регулярных частей Красной армии³. В местах, занятых повстанцами, проводилась мобилизация мужского населения в отряды. Так, Славарецкий и Штанаков, выполняя указания Кайгородова, провели мобилизацию в Чулышманской, Юныргинской, Верх-Бийской и других волостях. Таким способом к февралю 1922 г. численность повстанцев в этих отрядах удалось увеличить до 800 чел. Одновременно пополнили свои формирования в предгорьях Л. Колесников и Ф. Тырышкин [История Горного Алтая, 2000, с. 133]. Вплоть до лета 1922 г. повстанцы не испытывали недостатка в живой силе.

Накопив силы, отряд А. Кайгородова вышел из долины Аргута и в феврале, объединившись с действовавшими отрядами повстанцев, вновь занял ряд населенных пунктов. Гражданская власть в занятом повстанцами Уймонском районе передавалась «Временному районному управлению», которое возглавил меньшевик П. А. Андреев. 20 февраля был проведен «Первый съезд выборщиков Уймонского края», на котором присутствовали 140 делегатов [Гордиенко, 1994, с. 108]. Прежние органы власти перешли в подчинение вновь образованным волостным комитетам⁴. Успехи повстанческих сил в феврале 1922 г. ознаменовали начало нового этапа повстанческого движения, который продолжался до апреля 1922 г.

Война с «бандитами» принимала ожесточенный характер. Используя горную местность, они наносили чувствительные удары частям Красной армии. Местные жители нередко снабжали необходимой информацией повстанцев, которые организовывали засады на опасных участках Чуйского тракта. В такие ловушки попадали целые батальоны, а потери исчислялись сотнями убитых [Гордиенко, 1994, с. 111].

¹ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 883. Л. 21.

² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 883. Л. 5 об.

³ АФ УФСБ РА. Ф. 9. Д. 502. Л. 22 об.

⁴ АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 160.

Боеспособность частей Красной армии зачастую оставалась невысокой. В феврале 1922 г. кайгородовцы нанесли поражение превосходящим силам 186 полка, взяв в плен две роты красноармейцев и пополнив свои боезапасы трофейным вооружением¹. По сводкам повстанцев, в феврале 1922 г. отряд под руководством Семенка в засаде под Едиганом разбил эскадрон регулярных войск². В это же время Т. Чекураков, устроив засаду, разгромил батальон 185 полка, погибли командир батальона, два командира роты и 83 красноармейца³.

Пленных красноармейцев зачастую отпускали обратно к своим [Мамет, 1994, с. 109]. Но в основном военнопленных направляли в Уймонский район, где их распределяли, исходя из хозяйственной необходимости, по земельным обществам и заставляли выполнять «казенные работы»⁴. Однако к захваченным чоновцам отношение было иным, нередко их подвергали мучительным казням.

Повстанцы атаковали продовольственные обозы с продовольствием и имуществом, которые были конфискованы у населения по продналогу, и раздавали его обратно, что усиливало симпатии населения к «бандитам». Так, в феврале 1922 г. отряд Орлова захватил в районе Тоурака 1500 подвод с продуктами, изъятыми в селах Черный и Белый Ануй. Разгром обоза имел большой резонанс и вызвал панику в с. Алтайском, где складировался свезенный со всего уезда собранный у населения хлеб. Опасаясь нападения, продналоговые работники спешно грузили зерно на подводы и отправляли в г. Бийск⁵.

В отличие от антиколчаковского партизанского движения в 1919 г., алтайцы активно пополняли повстанческие отряды. С весны 1922 г. в сводках уездного ревкома неоднократно докладывалось об активности «калмыцких банд»⁶. В донесении ВЧК по Алтайской губернии от 21 марта 1922 г. особо

отмечалось, что «банды Товара Чекуракова, Кармана Чекуракова и Семенюка состоят преимущественно из инородцев». При этом отряды братьев Чекураковых в марте 1922 г. насчитывали в своих рядах 550 бойцов [Советская деревня, 2000, с. 591].

Власти уезда придавали серьезное значение угрозе распространения повстанчества и ужесточили политику в отношении «бандитов». Территория Горного Алтая была разделена на 4 боевых участка, в каждом из которых создавались мобильные истребительные отряды, подготовленные для ведения антипартизанской борьбы, которые комплектовались чоновцами. Одновременно в целях ослабления рядов повстанцев власти неоднократно объявляли амнистию.

В целях изоляции Кайгородова отряды ЧОН в феврале 1922 г. нанесли поражение повстанцам Бие-Катунской группы [История Горного Алтая, 2000, с. 141], рассеяв их отряды. Славарецкий перебрался в район Чемала, а Штанакоев через Чулышман ушел на территорию Тувы [Советская деревня, 2000, с. 803, 810]. Для работы в очищенных от повстанцев волостях решением Алтайского губкома РКП(б) создавались карательные тройки, которые выносили повстанцам суровые приговоры. Захваченные в плен с оружием в руках, как правило, расстреливались. По решению Алтайского губкома РКП(б) при воинских частях создавались такие же тройки, которые руководствовались не соображениями закона, а «революционной совестью» [История Горного Алтая, 2000, с. 141].

Затянувшаяся борьба с повстанцами зачастую давала выход жестокостям, которые проявлялись к мирному алтайскому населению со стороны армейских подразделений⁷ [Русанов, 2002, с. 23; Иванова, 2006, с. 156; Бармин, 2002, с. 201]. Всеобщее ожесточение не способствовало установлению гражданского мира в Горном Алтае.

Между тем А. Кайгородов, потерпев поражения, вновь отступил в Уймонскую долину. Здесь количество повстанцев к этому времени уменьшилось до 800 чел. [История Горного Алтая, 2000, с. 134]. В Уймоне собрались

¹ Госархив РА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 240. Л. 5 об, 6.

² АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 94.

³ АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 143.

⁴ АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 154.

⁵ АФ УФСБ РА. Ф. 2. Д. 2. Л. 143, 159.

⁶ Госархив РА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 93. Л. 14.

⁷ Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 240. Л. 47–52.

«полевые» командиры из других местностей [Демидов, 1996, с. 116; Советская деревня, 2000, с. 591]. Но к апрелю 1922 г. Уймонский район был окружен подразделениями ЧОНа и Красной армии.

Ликвидация отряда Кайгородова была возложена на 1 и 2 истребительные отряды под общим командованием И.И. Долгих. Совершив в начале апреля 1922 г. 40-верстный переход через заснеженный перевал Теректинского хребта, чоновцы ворвались в с. Катанду, где располагался штаб А. Кайгородова, и уничтожили до 500 повстанцев, был убит и сам А. Кайгородов. Уцелевшие «бандиты» были рассеяны. В это же время силами 2-го Бийского кавполка ЧОНа были разгромлены отряды Семенек и П. Кучукова [Кротов, 1974, с. 90, 95]. В апреле 1922 г. сдались властям руководители повстанческого движения в Бие-Катунском районе Семенек, Славарецкий, Штанаков [Советская деревня, 2000, с. 804, 810].

Разгромив основные силы повстанцев, советская власть не решила проблему их полного подавления. Так, за апрель–май 1922 г., по данным Реввоенсовета Сибири, число «бандитов» уменьшилось с 1915 до 557 чел., однако к июлю вновь возросло – уже до 1239 чел. Наибольшее же количество повстанцев в Горном Алтае за время их вооруженной борьбы достигало 5 тыс. чел. [История Горного Алтая, 2000, с. 135, 136]. Однако с ликвидацией кайгородовского отряда повстанческое движение в Горном Алтае вступило в завершающую фазу. Несмотря на продолжающееся сопротивление, оно носило разрозненный характер. Повстанцы и их лидеры стали сдаваться в плен. В течение апреля сдались К. Чекураков, В. Штанаков, В. Словарецкий, Семенек, А. Дудин. К маю на территории Горного Алтая, по армейским сводкам, действовали 7 малочисленных «банд» [Богданов, 1972, с. 147].

Учитывая, что повстанческое руководство постоянно инициировало в своей пропаганде вопрос об автономии алтайского народа, советская власть сама была вынуждена поднимать вопрос о создании автономии. В период марта–июня 1922 г. в уезде развернулась

широкая пропагандистская кампания, которая ставила целью распространить идею образования автономии поддержку среди населения [История Горного Алтая, 2000, с. 126, 141]. Создание в июне 1922 г. Ойротской автономной области не могло не повлиять на политические взгляды алтайцев, которые еще оставались в «бандах».

Руководство автономии предпринимало меры по облегчению социально-экономического положения населения, разоренного войной. По ходатайству Сибкрайздрава Сибревком назначил продовольственную помощь коренному алтайскому населению по больничным нормам. Из-за отсутствия денег у населения и свертывания торговли жители ряда населенных пунктов просили о взимании налога натуральными продуктами, а не деньгами. Сибревком принял во внимание просьбы, поступавшие из Горного Алтая, и ввел для Ойротии перерыв на уплату масляного налога¹.

В результате принимаемых властями мер силы повстанцев таяли. Их командиры стали сдаваться в плен. К ноябрю с «бандитами» в области было покончено окончательно.

Заключение

В повстанческом движении в 1921–1922 гг. на территории Горного Алтая просматриваются следующие этапы. Первый – в августе–октябре 1921 г., когда происходило быстрое становление отрядов, их объединение в единую силу под общим командованием А. Кайгородова. В ноябре 1921 г. – январе 1922 г. повстанцы предприняли наступление в северном направлении на основные административные центры, но потерпели ряд поражений, рассеялись по всей территории Горного Алтая. В феврале–апреле 1922 г. повстанцы вновь объединяются и с новыми силами разворачивают вооруженные действия против регулярных частей Красной Армии и отрядов ЧОН. С апреля, после гибели А. Кайгородова и разгрома его отряда, повстанческое движение

¹ Госархив РА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 303. Л. 6; Госархив РА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 364. Л. 2; ГАО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 109. Л. 85; ГАО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 122. Л. 2.

затухает, и к ноябрю 1922 г. прекращает свое существование.

Как и по всей стране, вооруженное выступление крестьян и коренного алтайского населения в Горном Алтае было направлено против политики советского государства, проводившего изъятие ресурсов из сельской среды внеэкономическими методами. Недовольство мероприятиями в продовольственной сфере, возмущение произволом представителей государственной власти и военных на местах обусловили размах повстанческого движения в Горном Алтае. Состав повстанцев был представлен различными слоями крестьянства, в первую очередь середняками. Значительное место в нем занимали и бедняки. Органы советской власти видели в повстанчестве серьезную угрозу и принимали все меры по его нейтрализации. В борьбе против Колчака партизаны были не одни, их союзником являлась Красная армия, которая, помимо военной поддержки, оказывала и моральное воздействие на партизан, укрепляя их силы, вселяя надежду на скорое освобождение. Повстанцы же, выступившие в 1921–1922 гг. против политики большевиков, оказались один на один против всей государственной машины в лице армии и карательных структур. С ликвидацией отряда А. Кайгородова в апреле 1922 г. повстанческое движение пошло на убыль. Создание автономии алтайского народа в июне 1922 г. и объявление амнистии повстанцев создавало условия для завершения вооруженного сопротивления в Горном Алтае.

Литература

- Бармин В.А.** Формы и методы деятельности советских карательных органов при подавлении народного повстанческого движения в горном Алтае в 1919–1922 гг. // Востокведческие исследования на Алтае. Вып. III. Барнаул: Азбука, 2002. С. 198–205.
- Безгин В.Б.** Лозунги повстанчества как отражение крестьянского менталитета // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6(80). 2017. Часть 2. С. 10–13.

- Богданов М.А.** Разгром кайгородовщины // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 134–149.
- Гордиенко П.** Ойротия. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. 142 с.
- Демидов В.А.** К социализму, минуя капитализм. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1970. 224 с.
- Демидов В.А.** От Каракорума к автономии. Новосибирск: РИО НГУ, 1996. 156 с.
- Денчик С.В., Модоров Н.С.** К вопросу о гражданском противостоянии в Горном Алтае в 1921–1922 гг. и его участниках // Мир Евразии. 2009. № 3(6). С. 28–30.
- Иванова Н. Ю.** Гражданская война на территории Горного Алтая в 1921–1922 гг.: основные тенденции и события // Алтай – Россия: через века в будущее. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. 1. С. 155–157.
- История Горного Алтая.** В трех томах. Т. 2: 1900–1945 гг. / под ред. Н.М. Екеевой, Н.Ф. Иванцовой. Бийск: НИЦ БИГПИ, 2000. 223 с.
- Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг.** / Отв. ред. Н.Я. Гущин. Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.
- Кротов В.Л.** Чоновцы. Москва: Политиздат, 1974. 128 с.
- Мамет Л.П.** Ойротия: очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. 184 с.
- Население Горного Алтая.** Статистический сборник. В помощь учителю географии и истории. Горно-Алтайск: ООП ГАГУ, 1994. 67 с.
- Поклонов В.В.** Важный документ по истории «бандитизма» в Горном Алтае («Программа Кайгородова») // Мир Евразии. 2012. № 1(16). С. 48–50.
- Русанов В.В.** Некоторые аспекты «красного бандитизма» в Горном Алтае (1920–1922 гг.) // Социальные проблемы национальных регионов Сибири в XX веке. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2002. С. 20–24.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939.** Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 864 с.
- Шишкин В.И.** Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х гг. // История сталинизма: крестьянство и власть. М.: РОССПЭН, 2011. С. 129–142.

References

- Barmin V.A.** Formy i metody deyatel'nosti sovetskikh karatel'nykh organov pri podavlenii narodnogo

- povstanchesкого dvizheniya v Gornom Altae v 1919–1922 gg. [Forms and methods of activity of the Soviet punitive bodies during the suppression of the people's insurgency in Gorny Altai in 1919–1922]. In: *Vostokovednye issledovaniya na Altae*. Issue III. Barnaul, Azbuka, 2002, pp. 198–205. (In Russian).
- Bezgin V.B.** Lozungi povstanchestva kak otrazhenie krest'yanskogo mentaliteta [Insurrections logans as a reflection of the peasant mentality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 6 (80), part 2, pp. 10–13. (In Russian).
- Bogdanov M.A.** Razgrom kaigorodovshchiny [Defeat of Kaigorodovism]. *Voprosy istorii*, 1972, no. 7, pp. 134–149. (In Russian).
- Demidov V.A.** K sotsializmu, minuya kapitalizm [Towards socialism, bypassing capitalism]. Novosibirsk, Nauka, 1970, 224 p. (In Russian).
- Demidov V.A.** Ot Karakorum k avtonomii [From Karakorum to autonomy]. Novosibirsk, Novosibirsk State Universoty Publ., 1996, 156 p. (In Russian).
- Denchik S.V., Modorov N.S.** K voprosu o grazhdanskom protivostoyanii v Gornom Altae v 1921–1922 gg. i ego uchastnikakh [On the issue of civil confrontation in Gorny Altai in 1921–1922 and its participants]. *Mir Evrazii*, 2009, no. 3(6), pp. 28–30. (In Russian).
- Gordienko P.** Oirotiya [Oirotiya]. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 1994, 142 p. (In Russian).
- Istoriya Gornogo Altaya** [History of Gorny Altai]. Vol. 2: 1900–1945 / pod edited by N.M. Ekeevoy, N.F. Ivantsovoi. Biisk, Biisk State Pedagogical Institute Publ., 2000, 223 p. (In Russian).
- Ivanova N.Yu.** Grazhdanskaya voyna na territorii Gornogo Altaya v 1921–1922 gg.: osnovnye tendentsii i sobytiya [The Civil War on the territory of Gorny Altai in 1921–1922: main trends and events]. In: *Altai – Rossiya: cherez veka v budushchee*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai State University Publ., 2006, vol. 1, pp. 155–157. (In Russian).
- Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma. 1917–1937 gg.** [Peasantry of Siberia during the construction of socialism]. Novosibirsk, 1983, 389 p. (In Russian).
- Krotov V.L.** Chonovts [Special Forces team]. Moskva, Politizdat, 1974, 128 p. (In Russian).
- Mamet L.P.** Oirotiya: ocherk natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya i grazhdanskoi voyny na Gornom Altae [Oirotiya: an essay on the national liberation movement and the Civil War in Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 1994, 184 p. (In Russian).
- Naselenie Gornogo Altaya. Statisticheskii sbornik. V pomoshch' uchitelyu geografii i istorii** [The population of Gorny Altai. The Statistical Collection. Assistance to a geography and history teacher]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai State University Publ., 1994, 67 p. (In Russian).
- Poklonov V.V.** Vazhnyi dokument po istorii «banditizma» v Gornom Altae («Programma Kaigorodova») [The important document on the history of «banditry» in Gorny Altai («Kaigorodov Program»)]. *Mir Evrazii*, 2012, no. 1(16), pp. 48–50. (In Russian).
- Rusanov V.V.** Nekotorye aspekty «krasnogo banditizma» v Gornom Altae (1920–1922 gg.) [Some aspects of «red banditry» in Gorny Altai (1920–1922)]. In: *Social problems of national regions in Siberia in the 20th century*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai State University Publ., 2002, Pp. 20–24. (In Russian).
- Shishkin V.I.** Vooruzhennoe soprotivlenie sibirskogo krest'yanstva kommunisticheskomu rezhimu v nachale 1920-kh gg. [Armed resistance of the Siberian peasantry to the communist regime in the early 1920s]. In: *History of Stalinism: peasantry and power*. Moscow, ROSSPEHN, 2011, pp. 129–14. (In Russian).

БОРЬБА С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1952 гг.)

В. А. Печерский

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: volody75.75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8969-0604

В статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью правоохранительных органов по борьбе с растратами и хищениями в системе государственной торговли, потребительской кооперации, снабженческих организаций в послевоенный период в Красноярском крае. Подобные преступления причиняли серьёзный ущерб народному хозяйству СССР, и поэтому борьба с ними была одной из приоритетных задач правоохранительных органов. Однако низкая квалификация работников прокуратуры и милиции не позволяла эффективно бороться с экономической преступностью.

Ключевые слова: Красноярский край, послевоенный период, экономическая преступность, растраты, хищения.

STRUGGLE AGAINST ECONOMIC CRIME IN THE KRASNOYARSK REGION DURING THE POST-WAR PERIOD (1945–1952)

Vladimir A. Pechersky

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: volody75.75@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8969-0604

The article considers issues related to the activities of law enforcement agencies to struggle against squandering and embezzlement in the system of state trade, consumer cooperation, and supply organizations during the post-war period in the Krasnoyarsk Region. Such crimes caused serious damage to the national economy of the USSR, and therefore the fight against them was one of the priorities of law enforcement agencies. However, low qualifications of prosecutors and police officers did not make it possible to effectively combat economic crime.

Keywords: Krasnoyarsk Region, post-war period, economic crime, squandering, embezzlement.

Введение

Экономическая преступность – это совершение противоправных действий против государственных экономических отношений и экономических интересов частных лиц.

В военные годы Советский Союз понес колоссальные материальные потери, поэтому борьба с имущественными преступлениями была одним из приоритетных направлений в деятельности судебных и правоохранительных органов. В первую очередь это касалось покушений на государственное имущество. Согласно ст. 131 Конституции СССР 1936 г., «каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя». Исходя из этой конституционной нормы, советское законодательство

особенно строго карало тех, кто стремился пополнить собственный карман за счет имущества государства.

Проблема борьбы с экономической преступностью в исследуемый период отражена в статьях С. М. Емелина [Емелин, 2013, с. 85–89] и Н. А. Носик [Носик, 2009, с. 77–84], В. Ю. Вахрушевой [Вахрушева, 2022, с. 164–165] и в монографии С. А. Холодова [Холодов, 2021].

Основная часть

Весьма распространенным видом преступности в сфере экономики были хищения и растраты. В Красноярском крае эти преступления получили широкое распространение в таких организациях, как Крайрыболовпотребсоюз, Крайкрасторг, Крайлегпром, Красноярский

горторг, трест столовых, отделы рабочего снабжения. Общие данные по этим и другим организациям отражены в приведенной ниже таблице.

Таблица 1

**Количество хищений, совершенных в Красноярском крае
во 2-м полугодии 1945 г. – 1-м полугодии 1946 г.***

Tab 1

**The number of thefts committed in the Krasnoyarsk Region
in the 2nd half of 1945 – the 1st half of 1946.**

Временной промежуток	Выявлено случаев	Причинено материального ущерба в тыс. руб.	Возмещено в тыс. руб.
Третий квартал 1945 г.	364	1397	717,2 (51,3 %)
Четвертый квартал 1945 г.	1085	4516	1555,6 (34,4 %)
Первый квартал 1946 г.	549	22 374	1245,2 (55,6 %)
Второй квартал 1946 г.	722	27 402	2084,2 (39,5 %)

* Таблица составлена по: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-461. Оп. 8. Д. 893. Л. 181.

Число случаев хищений от квартала к кварталу то уменьшалось, то увеличивалось, однако материальный ущерб, наносимый этими правонарушениями, со временем возрастал, что говорит о растущих аппетитах расхитителей социалистической собственности. Возмещение же вреда, нанесенного преступ-

никами, выражалось в достаточно скромных цифрах, и это было показателем малоэффективной работы правоохранительных органов.

Остаток невозмещенного государству ущерба за 1-е полугодие 1945 г. и 1-е полугодие 1946 г. составлял 6597, 4 тыс. руб.

Таблица 2

Остаток невозмещенного ущерба от хищений по различным организациям*

Tab 2

The remainder of the uncompensated damage from embezzlement by various organizations

Организация	Остаток на 1.08.1945 в тыс. руб.	Остаток на 1.08.1946 в тыс. руб.
Крайпотребсоюз	1494	2327
Крайрыболовпотребсоюз	916	1340
Крайкрасторг	350	822
Промкооперация	584,8	752,2
Крайместпром	200,9	466,9
Трест столовых Красноярска	43	349
Крайкоопинсоюз	188,4	190,7
Крайлегпром	24,2	49,2
Красноярский горторг	182	119

* Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 893. Л. 181.

Данные из таблицы №2 подтверждают факт того, что борьба с хищениями велась в крае слабо, отчего государство несло серьез-

ные убытки. В хозяйственных организациях отсутствовали данные о состоянии хищений и растрат и возмещения вреда от таковых. Так,

в краевом рыбном тресте, которому подчинялось 21 предприятие, руководство не считало нужным заниматься этими вопросами, а краевая прокуратура проявляла «неуместную пассивность»¹.

Не лучшим образом обстояли дела с учетом таких преступлений и в органах прокуратуры. В следственном отделе краевой прокуратуры во 2-м полугодии 1945 г. – 1-м полугодии 1946 г. отсутствовал точный учет дел о расхищении и растратах. В ряде дел не указывалось, какие меры были приняты к возмещению ущерба, или попросту не знали – на какую сумму возмещен ущерб².

Серьезные ошибки в ведении документации были вызваны большой загруженностью работников прокуратуры и кадровым кризисом в прокурорских органах, вызванным войной, который не был преодолен в первые послевоенные годы.

Следствием этого стала и волокита при рассмотрении уголовных дел. Проверка, проведенная бригадой прокуратуры РСФСР в краевой прокуратуре в августе–сентябре 1946 г., обнаружила факты волокиты по такого рода делам в Красноярске, Минусинске, Канске и Емельяновском районе.

Здесь следователи прокуратуры не принимали меры к аресту расхитителей и растратчиков и возмещению причиненного их действиями материального ущерба государству³. Подобные действия следователей наносили серьезный ущерб государственным интересам и ставили под угрозу служебное положение прокурорских работников.

Слабая работа региональных прокурорских органов в борьбе с хищениями и растратами была отмечена и в Генеральной прокуратуре СССР. Генпрокурор К. П. Горшенин заметил, что «местные органы прокуратуры ослабили надзор за проведением в жизнь закона от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Часто недопустимо затягивают рассмотрение дел

о расхищении и разбазаривании семян, хлеба, горючего, скота и другого имущества колхозов, МТС и совхозов. А иногда и вовсе проходят мимо фактов преступного расхищения государственной и общественной собственности. Все это дает возможность ворами и жуликам безнаказанно разворовывать государственную и общественную собственность»⁴.

Закон от 7 августа 1932 г. предусматривал самые суровые меры для расхитителей социалистической собственности вплоть до смертной казни. Однако строгость этого нормативного правового акта компенсировалась плохой работой правоохранительных органов.

Генеральный прокурор СССР в преддверии уборочных работ 1946 г. приказал: под личную ответственность районных прокуроров обеспечить усиление прокурорского надзора за исполнением закона от 7 августа 1932 г. и немедленно проводить расследование всех фактов хищения и «разбазаривания» семян, хлеба, горючего, скота и других материальных ценностей в колхозах, МТС и совхозах.

Лиц, виновных в хищениях вышеперечисленного, полагалось арестовывать, предавать суду, выделяя при этом, по своему особому характеру дела для рассмотрения по Закону от 7 августа 1932 г. Надлежало установить строгий надзор за тем, чтобы, помимо привлечения виновных к уголовной ответственности, взыскивать с них в судебном порядке стоимость похищенного.

Константин Петрович обязал прокуроров республик, краев и областей, установить контроль за работой районных прокуроров и ежемесячно докладывать ему о проделанной в этом направлении работе⁵.

Особый приказ прокурора был явным свидетельством того, что дела с экономической преступностью обстояли не благополучно и требовалось новое распоряжение, чтобы поднять прокурорские органы на борьбу за сохранение урожая от посягательств преступников.

Очередной мерой по борьбе с хищениями стала реформа законодательства. 4 июня 1947 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответ-

¹ ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 893. Л. 183.

² Там же.

³ Там же. Л. 186.

⁴ Там же. Д. 1175. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 1175. Л. 1.

ственности за хищение государственного и общественного имущества», который заменил Закон от 7 августа 1932 г. В новом Указе за хищение в особо крупных размерах или совершаемое повторно, или в составе «шайки» полагалось от 8 до 20 лет заключения.

Несмотря на усиление репрессий, количество хищений государственного и общественного имущества продолжало оставаться значительным.

Таблица 3

Суммы растрат в тыс. руб., выявленных в торгующих организациях края*

Tab 3

The remainder of the uncompensated damage from embezzlement by various organizations

Название организации	Выявлено в 1948 г.	В 1949 г.	В 1950 г.	В первом квартале 1951 г.	Во втором квартале 1951 г.
Крайпотребсоюз	3748	4837	3225	722	1175
Крайрыболовпотребсоюз	2343	2308	1826	283	515
Управление местной торговли	2136	3296	2343	495	428
Крайкоопинсоюз	266	270	191	24	15
Крайпромсовет	858,3	773,3	463	89	85
УРС комбината Красноярскуголь	250	536	626	66	154
Крайконтора «Заготзерно»	427	648	822	102	63

*Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 1837. Л. 88–89.

Как видно из приведенной таблицы, борьба с расхищением имущества в разных организациях шла по-разному в 1948–1950 гг. и в 1-м полугодии 1951 г. Если в одних сумма хищений снижалась, то в других, напротив, возрастала. Во многом это зависело не только от правоохранительных органов, но и от руководства самих организаций.

Изучение причин преступности показало, что хищениям и растратам в торгующих организациях способствовали: нарушение закона о внутриведомственном финансовом контроле, невыполнение требований закона о подборе людей на должности, связанные с материальной ответственностью, несвоевременное направление материалов о хищениях и растратах в следственные органы. Прокурорские работники были вынуждены отметить, что «в ряде случаев было прямое покровительство растратчикам и расхитителям собственности»¹.

В большинстве торгующих организаций грубо нарушались требования о проведении документальных и внезапных проверок. В 1950 г. в краевом потребительском союзе план внезапных проверок был выполнен на 91,9%, а в 1-м полугодии 1951 г. – на 82,5%. В системе управления рабочего снабжения комбината «Красноярскуголь» в 1950 г. провели 491 ревизию вместо положенных по плану 720.

На предприятиях промысловой кооперации в 1950 г. Краевой союз промысловой кооперации обязывался провести 135 документальных ревизий, и проведение 540 проверок возлагалось на ревизионную комиссию. Фактически же ревизиями охватили лишь 128 артелей или 88% всех предприятий «Крайпотребсоюза»². Следствием слабой работы ревизирующих органов являлись следующие результаты: на 1 января 1951 г. в следственные органы не было передано материалов о растратах и хищениях на 230 тыс. руб.,

¹ ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 1175. Л. 90.

² Там же. Л. 91.

а на 1 июля 1951 г. – на 367 тыс. руб.¹ Таким образом, прокуратурам приходилось работать не только за себя, но и за ревизоров, и отслеживать нарушения в финансовой сфере.

Следствие по делам о хищениях и растратах не отличалось высоким качеством. По данным следственного отдела краевой про-

куратуры, в 1-м полугодии 1950 г. по делам, расследованным следователями прокурорских органов, оправдано и прекращено дел в отношении 89 лиц, или 2,8% судимых по данной категории дел, во 2-м полугодии 1950 г. – 82 чел., или 2,7%, в 1-м полугодии 1951 г. – 97 чел., или 3%².

¹ Там же. Л. 90.

² Там же. Л. 185.

Таблица 4

Количество оправданных и лиц, в отношении которых были прекращены дела по данной категории дел*

Tab 4

The amount of embezzlement in thousands of rubles identified in the trading

Статья или закон	В первом полугодии 1950 г.	Во втором полугодии 1950 г.	В первом полугодии 1951 г.
Ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. (Хищение государственного имущества, совершаемого повторно, организованной группой или в крупных размерах)	22	20	28
Ст. 4 того же указа (Хищение колхозного имущества, совершаемого повторно, организованной группой или в крупных размерах)	6	18	8
Ст. 109 (Злоупотребление властью)	7	1	10
Ст. 111 (Бездействие власти)	11	7	9
Прочие статьи	12	8	19

*Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 1837. Л. 185.

Главным образом, следователи ошибались в делах о крупных хищениях, где требовалось провести серьезную работу по подсчету расхищенных и растраченных средств. Работники следствия не обладали должными навыками, а квалифицированных экспертов зачастую трудно было найти.

Часто оправдательные приговоры выносились по тем делам, где обвинение строилось только на признании обвиняемыми своей вины или на показаниях только одного свидетеля и не было подкреплено другими доказательствами. Например, по делу Шахматова и других лиц прокуратурой Минусинского района был предан суду экспедитор школы механизации Трошин, обвиняемый в сговоре с председателем сельпов хищении из школы 3089 кг бензина и 1600 кг керосина. Обвинение

Трошина базировалось на показаниях другого фигуранта этого дела – Шахматова и никакими объективными фактами не подтверждалось. Исходя из этого, краевой суд 20 июня 1950 г. оправдал Трошина³.

Опора в подобных делах на признание обвиняемого и показания единственного свидетеля была ненадежным фактором. Мог иметь место самооговор, а свидетель намеревался свести личные счеты или пытался уменьшить степень собственной вины, перекадывая часть ее на другого человека. Одной из основных причин хищений и растрат являлась кадровая проблема. В условиях нехватки квалифицированных работников торговли руководители торговых организаций принимали на должности связанные с материальной

³ ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 1837. Л. 193.

ответственностью случайных людей, порой это выходило боком. Непроверенные работники становились виновниками хищений и растрат.

Курьезный случай в 1950 г. произошел в Черногорске. В местное отделение Хакторга приняли женщину, по документам носившую фамилию Коржова, которая проработав 1,5 месяца, украла 26 тыс. руб. Она скрылась в неизвестном направлении, оставив записку издевательского содержания: «Тов. Хакторг! Оставляю Вам документы, с которыми я приехала и устроилась к Вам на работу на подотчетное лицо, где проработала полтора месяца и меня здесь подработали. Прощайте, не скучайте, и таких на работу не принимайте. Мои грехи – ваша работа»¹. Небрежный подход к набору кадров сказался и в этом казусе.

Сложная обстановка с экономической преступностью наблюдалась во многих местах. В первом квартале 1951 г. краевая прокуратура провела комплексные ревизии прокуратур Ужурского и Каратузского районов и целевые проверки в Шушенской районной и Минусинской городской прокуратурах на предмет выполнения Указа от 4 июня 1947 г. В процессе этих проверок было возбуждено 31 уголовное дело, по которым привлекли к уголовной ответственности 34 чел. По растратам и хищениям государственного имущества подготовили 9 дел, по ним проходило 9 чел., по хищению общественного имущества – 22 дела с привлечением 25 чел.² Региональные прокуратуры тоже не всегда успешно действовали в этом направлении, и требовалось вмешательство вышестоящих органов.

Проверка краевой прокуратуры показала: на 1 января 1951 г. не было передано следственным органам 75 материалов на сумму растрат 230 тыс. руб., в том числе 5 материалов на скрывшихся растратчиков, растративших 8 тыс. руб. Особенно тяжело обстояла ситуация с передачей дел в местных отделениях потребсоюза, так, в Хакасском облпотребсоюзе из 167 выявленных в 1 кв. 1951 г. случаев растраты в компетентные органы

были переданы только 70 материалов³. Через органы потребительской кооперации проходили весьма крупные суммы, и ее руководство не всегда успевало зафиксировать случаи растраты и уведомить о них следствие.

В 1951 г. краевая прокуратура усилила борьбу с растратами и хищениями. Уже в первом квартале 1951 г. отдел общего надзора краевой прокуратуры произвел проверки в Краевом союзе потребкооперации, Красноярском управлении рабочего снабжения Министерства лесной и бумажной промышленности, всего в 200 организациях и 450 колхозах.

В этом квартале по материалам общего надзора городских и районных прокуроров было принесено 8 протестов и внесено 59 представлений, в том числе по вопросам хищения государственного имущества – 5 протестов и 41 представление, общественного имущества – 3 протеста и 18 представлений. Органы прокуратуры возбудили 31 уголовное дело, по которым к ответственности было привлечено 34 чел., из них по растратам и хищениям госимущества – 9 дел с привлечением 9 чел., общественного имущества – 22 дела на 25 чел.⁴

Отслеживание фактов хищений и растрат позволяло прокуратуре выявлять наиболее неблагоприятные в отношении экономических преступлений организации и сосредоточить на них особое внимание.

Краевое управление потребительской кооперации оказалось в центре внимания прокурорских работников. В 1949 г. в системе Крайпотребсоюза выявили 1148 случаев хищения, в результате которых похитили 4942 тыс. руб., на 1 января 1950 г. оставалось не взыскано 2896 тыс. руб. В 1950 г. в потребкооперации края зафиксировали 790 эпизодов хищений, в результате которых в карманы преступников перекочевало 3245,2 тыс. руб.

Наиболее «отличились» в 1950 г. райпотребсоюзы Бирилюсского района, где похитили 193900 руб., Канского – 10500 руб., Назаровского – 159200 руб., Партизанского –

¹ Там же. Л. 210.

² ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 2116. Л. 27–28.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1434. Оп. 12. Д. 102. Л. 2.

62400 руб., Нижне-Ингашского – 87900 руб., и Хакасский облпотребсоюз – 691600 руб.¹

В 29 районных потребительских союзах в 1950 г. растраты и хищения составляли от 26 тыс. до 100 тыс. руб., лишь в 10 районных потребсоюзах они были менее 26 тыс. руб. Растраты и хищения не наблюдались только в собственных хозяйствах райпотребсоюзов².

Через подразделения потребительской кооперации проходили огромные суммы денег, значительная часть которых оседала в карманах нечистых на руку работников потребсоюзов. Слабый надзор за деятельностью потребительской кооперации провоцировал огромные денежные потери.

Экономический ущерб в системе потребительской кооперации усугублялся плохой работой по взысканию растраченных сумм. Из остатка невзысканных средств на 1 января 1950 г. 2896 тыс. руб. и выявленных в 1950 г. 3225 тыс. руб. за 1950 г. взыскали только 1868 тыс. руб., списали 1321 тыс. руб. Особенно плохо взыскивали похищенные суммы в Иланском райпотребсоюзе, где из накопившихся за 2 года 682511 руб. взыскали только 91000 руб. В Ирбейском районе из 310800 руб. удалось вернуть государству лишь 25500 руб. В Шарыповском районе из 811700 руб. взыскали 410300 руб.³

Средства, пропавшие в результате хищений и растрат, зачастую пропадали бесследно. У осужденных не всегда удавалось изъять все присвоенное ими, а следственные органы не проявляли должного рвения в поиске украденного, и недостающие средства приходилось списывать в убыток. Помимо неудовлетворительной работы по взысканию растраченных сумм, слабым местом в борьбе с расхищениями и растратами была несвоевременная передача материалов следственным органам. Это помогало преступникам скрыться от следствия и суда. На 1 января 1950 г. в крае не было передано 75 материалов о растратах и хищениях на 230 тыс. руб., в том числе 5 материалов на скрывшихся растратчиков, растративших 8 тыс. руб.

Передаваемые следственным органам материалы оформлялись неудовлетворительно, поэтому только в четвертом квартале 1950 г. вернули на исправление 20 материалов на 74 тыс. руб.⁴ Уроки прошлого никак не повлияли на работников потребкооперации, и они по-прежнему медлили с передачей материалов компетентным органам.

Вопрос своевременной передачи материалов в следственные органы особо остро стоял в некоторых районах. Так, в Абанском райпотребсоюзе из 39 случаев растрат, выявленных в 1950 г. передали в следственные органы до конца года только 10 материалов, в Назаровском – из 41 было передано 10, в Ужурском из 47 – 10. В Хакасском облпотребсоюзе из 167 выявленных случаев до следственных органов дошло 70 материалов. Вследствие такой нерасторопности правлений и инструкторско-ревизионных аппаратов потребсоюзов из 767 выявленных в 1950 г. случаев растрат и хищений был передан следственным органам только 321 дело или 41 %⁵.

Причиной несвоевременной передачи материалов в следственные органы могла быть как бюрократическая неразбериха в аппаратах местных органов потребкооперации, так и желание скрыть многочисленные факты хищений со стороны руководства.

В потребкооперации нарушались требования об обязательном проведении ежемесячных внезапных ревизий. В течение 1950 г. на предприятиях общественного питания и хлебопечения, на складах и базах, входивших в систему потребкооперации, надлежало провести 34031 ревизию, фактически же провели 31374 ревизии, то есть план выполнили на 92,2 %⁶. Малое количество ревизий позволяло растратчикам скрыть свои проступки.

Некоторые потребсоюзы отставали и в области ревизионной работы. За 1950 г. в Больше-Улуйском райпотребсоюзе план ревизионной работы выполнили на 65 %, в Дзержинском – на 69 %, Саянском и Тасеевском – на 75 %, Хакасском облпотребсоюзе –

¹ ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 12. Д. 102. Л. 2–3.

² Там же. Л. 3–4.

³ Там же. Л. 3–4.

⁴ Там же. Л. 5–6.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же.

на 76 %, Ирбейском райпотребсозе – на 91 %, Иланском – на 95 %, Ужурском – на 97 %.

Ревизии зачастую проводились формально: наличие товаров вносилось в инвентаризационные описи не с фактического остатка товаров на день ревизии, а со слов материально-ответственных лиц. В результате, за плохую работу по организации внезапных ревизий и за допущенную халатность при их проведении сняли с работы 9 инструкторов-ревизоров, а инструкторов-ревизоров Ужурского райпотребсоюза Рейш и Дубрович за допущенные злоупотребления привлекли к уголовной ответственности¹.

Коррупционные связи внутри потребсоюзов мешали нормальному проведению ревизий. Инструкторы-ревизоры иной раз сами вовлекались в хищения и растраты и старались прикрыть материально-ответственных лиц, поэтому ревизии иногда лишь формально назывались «внезапными».

Подбор кадров по-прежнему проводился небрежно и способствовал растратам и хищениям, к работе с материальными ценностями все еще допускались лица, ранее судимые за экономические преступления.

Так, председатель Казачинского райпотребсоюза Хворов принял на должность официантки некую Тищенко, имевшую судимость за растраты и хищения. За 2 мес. своей работы новая официантка растратила 2800 руб.

Бывшую растратчицу Козлову Больше-Муртинское правление сельпо наняло поваром в чайную. За 6 мес. её работы в чайной недосчитались 2800 руб. При этом правление не посчитало нужным передать материалы

на Козлову в следственные органы, а списало убытки, не имея на то никакого права.

Руководители местной потребкооперации нередко покрывали растратчиков. Правление Ирбейского райпотребсоюза ограничилось объявлением выговора и предложением погасить растрату в сумме 2704 руб. кладовщику Трегубу, оставив его в прежней должности, а экспедитору Червякову за растрату 2297 руб. всего лишь вынесли предупреждение, он также остался на этой должности².

Такая кадровая политика была вызвана, с одной стороны, дефицитом квалифицированных работников торговли, многих в прошлом осуждали за экономические преступления, с другой – желанием руководства потребкооперации вовлечь в незаконные операции уже скомпрометированных граждан.

За второй квартал 1951 г. окончили 624 дела о хищениях и растратах государственного и общественного имущества, из них работники прокуратуры – 420, а 204 – сотрудники милиции. Общее количество оконченных производством дел уменьшилось с 647 в первом квартале 1951 г. до 627 во втором квартале 1951 г.³ Изменения в количестве дел, возбужденных по указу от 4 июня 1947 г., были невелики. Таким образом, прокуратуре и милиции не удалось добиться существенного сокращения.

Наибольшее количество хищений и растрат было зафиксировано в следующих организациях:

¹ Там же. Л. 6.

² ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 12. Д. 102. Л. 6.

³ ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 2434. Л. 65

Таблица 5

Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за растраты и хищения по организациям в первом-втором кварталах 1951 г.*

Tab 5

The number of persons brought to criminal responsibility for embezzlement and squandering by organizations in the first and second quarters of 1951

Место совершения преступления	Привлечено человек к ответственности во втором квартале 1951 г.	Привлечено к ответственности в первом квартале 1951 г.
Госторговля	103	68
Потребкооперация	106	126
Промкооперация	21	12
Колхозы	111	127
Финансово-банковские организации	9	18
Лёгкая промышленность	11	21
Пищевая промышленность	26	19
Мясо-молочная промышленность	24	35
Заготзерно	32	28

*Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 2434. Л. 65.

Как видно из данных таблицы, наибольшее количество хищений и растрат совершалось в колхозах и в системе потребительской кооперации. В коллективных хозяйствах объектом расхищения становились сельхозпродукты, сбыт которых в условиях дефицита мог принести значительный доход. Колхозы играли ведущую роль в сельскохозяйственном производстве, и хищения там значительно превосходили аналогичные в пищевой промышленности. А через предприятия потребкооперации проходили крупные денежные средства, которые зачастую становились добычей злоумышленников.

Большие хищения осуществлялись из-за беспечности руководства торговых организаций. Например, выездная сессия краевого суда 5 мая 1951 г. за нарушение положений Указа от 4 июня 1947 г. осудила некоего Селиновича на 25 лет заключения в исправительно-трудовом лагере. Он под фамилией Кузьментьев добился расположения директора Больше-Улуйского ссыпного пункта Лапинова и похитил 2150 кг пшеницы.

Селинович размолот похищенное на мельнице и продал муки на 15 тыс. руб. Слишком

доверчивого директора признали виновным по ст. 111 УК РСФСР (бездействие власти) и приговорили к трем годам лишения свободы¹. Этот случай является ярким примером того, как некомпетентные и беспечные люди иной раз занимали ответственные должности.

В третьем квартале 1951 г. работники региональных прокуратур края и сотрудники милиции окончили 567 дел о расхищении социалистической собственности. Следователи прокуратуры расследовали 378 дел, а оперативные работники милиции – 189. По сравнению со вторым кварталом 1951 г. количество оконченных дел о растратах и хищениях сократилось на 57. Особенно значительно уменьшилось число расследованных дел по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. (хищение государственного имущества, совершаемого повторно, а равно совершаемое группой или в особо крупных размерах) с 256 до 222. А по ст. 1 (кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества) со 138 до 109. По всем оконченным за третий

¹ ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 2434. Л. 65.

квартал таким делам было предано суду 759 чел. (в предыдущем квартале – 810) ¹.

Сокращение числа дел, возбужденных в третьем квартале 1951 г., равно как и лиц, привлечённых к уголовной ответственности, свидетельствует о том, что органы прокура-

¹ Там же. Л. 97–98.

туры и милиции в этот период достаточно успешно вели борьбу с расхищениями социалистической собственности. Также довольно эффективной была профилактическая работа по предупреждению подобного рода деяний.

Динамика численности экономических преступлений в различных торговых организациях показана в приведенной ниже таблице.

Таблица 6

Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за растраты и хищения по организациям в первый-второй кварталы 1951 г. *

Tab 6

The number of persons brought to criminal responsibility for embezzlement and squandering by organizations in the first and second quarters of 1951

Место совершения преступления	Привлечено человек к ответственности в третьем квартале 1951 г.	Привлечено к ответственности во втором квартале 1951 г.
Госторговля	76	103
Потребкооперация	87	106
Промкооперация	9	21
Колхозы	134	111
Финансово-банковские организации	11	9
Лёгкая промышленность	13	11
Пищевая промышленность	6	21
Мясо-молочная промышленность	24	24
Заготзерно	23	32

* Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 2434. Л. 97–98.

Особых успехов органы правопорядка достигли в государственной торговле, потребительской кооперации, промысловой кооперации. Добиться подобного результата без помощи руководящих работников было бы сложно, и давление на руководителей привело к тому, что они стали активнее помогать прокуратуре и милиции.

Об энергичном прессинге на должностных лиц говорят следующие данные: за третий квартал 1951 г. «за попустительство к расхищениям социалистической собственности» было привлечено к уголовной ответственности 13 должностных лиц².

Колхозы здесь были слабым местом – только там число хищений росло. Коллективные хозяйства, в отличие от государственных

организаций, имели большую степень самоуправления и поэтому слабее контролировались государственными и партийными органами, что позволяло им чаще нарушать закон.

В четвёртом квартале 1951 г. правоохранные органы окончили 653 дела о хищениях, из них прокурорские работники – 426, сотрудники милиции – 227. По сравнению с третьим кварталом количество таких дел выросло на 86. Особенно увеличилось число дел, возбужденных по ст. 3 и 4 Указа от 4 июня 1947 г. Объектом хищений было в основном зерно³.

Неблагополучное положение с хищениями государственной и общественной собственности наблюдалось по всей Российской Федерации. Прокурор отдела общего надзора

² ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 2434. Л. 65.

³ Там же. Л. 147.

прокуратуры РСФСР Е. И. Краснопольская с 12 по 17 января 1953 г. провела проверку в Министерстве торговли РСФСР на предмет исполнения законов об охране социалистической собственности. Сотрудница республиканской прокуратуры пришла к выводу, что министерство не приняло должных мер к обеспечению сохранности государственных денежных средств и поэтому положение с хищениями и растратами оставалось неблагоприятным.

За 1951 г. в РСФСР установили 10275 случаев хищений и растрат на 48817 тыс. руб. и 334274 случая мелких недостач на сумму 43256 тыс. руб. За первые 9 мес. 1952 г. было выявлено 6183 случая хищений и растрат на сумму 32591 тыс. руб. и 254422 случая мелких недостач, в результате которых растратили 29697 тыс. руб.

В числе неблагоприятных в плане хищений и растрат сотрудница республиканской прокуратуры назвала торговые организации Алтайского и Краснодарского краёв и Кемеровской, Калининградской и Свердловской областей¹. Профильное министерство явно не спешило бороться с хищениями и растратами, поэтому прокурорским работникам приходилось оказывать постоянное давление на руководителей торговых организаций, как в центре, так и на местах.

В Красноярском крае работа по устранению недостатков в сфере торговли так же велась недостаточно энергично и одни и те же промахи повторялись из года в год. Как отметила Е. И. Краснопольская, «Минторг РСФСР не добился устранения порочной практики приема на должности, связанные с материальной ответственностью лиц, ранее судимых за растраты, хищения и недостачи»². Так, в Канский горторг был принят на должность кладовщика столовой № 3 Милованов, который не прошел соответствующую проверку. Кладовщик скрылся, растратив 15797 руб.³

Подобная кадровая политика диктовалась не только дефицитом квалифицированных работников, но и нередко коррупционными

схемами, возникавшими в работе торговых организаций. Заинтересованность отдельных руководителей торговых организаций можно объяснить сохранение актуальности проблемы сокрытия от следственных органов фактов хищений и растрат. По РСФСР на 1 июля 1952 г. не были переданы в органы следствия материалы на 5269 тыс. руб., а к 1 октября 1952 г. – уже на 58887 тыс. руб.

Не прекратились подобные случаи и в Красноярском крае. В июле 1951 г. обнаружили недостачу на 1792 руб. у заведующего складом Минусинского горторга Великжанина. Бывшего завскладом перевели на должность рабочего того же склада, но вскоре он получил место кладовщика в столовой № 8. На новом месте Великжанин в апреле 1952 г. вновь был уличён в растрате товарно-денежных ценностей на 1653 руб., но в этот раз остался на прежнем месте. Ревизии неоднократно выявляли у него недостачи, и только после обнаружения в сентябре 1952 г. у него растраты на 25077 руб. дело направили в прокуратуру.

А руководство горторга не спешило направлять в следственные органы материалы о растратах, совершенных продавцом магазина № 10 Фоминой, у которой в январе 1952 г. была выявлена недостача на 1109 руб., а в июне 1952 г. – уже на 1619 руб. Все эти продавцы, допустившие недостачу, продолжали работать на своих местах⁴.

Подобное положение было связано также с желанием руководства торговых организаций «не выносить сор из избы» и погасить недостачу до того, как будет возбуждено уголовное дело, и ответственность будет на руководящих работников.

Качество следствия по делам об имущественных преступлениях было плохим. Это касалось всего Советского Союза. В первом полугодии 1952 г. по всей стране прекратили около 20% уголовных дел, возбужденных за нарушение положений Указа от 4 июня 1947 г. прекращались. Если в Тамбовской области закрыли 6% подобных дел, в Мурманской – 7%, Новосибирской – 8%, в Москве – 11%,

¹ ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 2434. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 2434. Л. 5.

то в Смоленской области – 26%, Крымской – 27%, Бурят-Монгольской АССР – 27%¹.

Такая разница в различных регионах объяснялась уровнем работы местных правоохранительных органов. Милиция зачастую слабо проводила следственную работу, многих подозреваемых не удалось найти, волокита не позволяла закончить такие дела в отведенные законом сроки. При этом многие прокуроры не уделяли должного внимания организации надзора за качеством и сроками следствия.

В Красноярском крае правоохранительные органы не отличались расторопностью в борьбе с этим видом преступности. За первые три месяца 1952 г. в крае окончили 530 дел о расхищении социалистической собственности. Из них 362 дела расследовали сотрудники прокуратуры, а 168 – милиции. В суд было направлено 143 дела по ним было предано суду 157 чел. Следствием совершения данных преступлений был материальный ущерб государству на 3108469 руб. Изъятие имущества у признанных виновными позволило вернуть в казну 1186608 руб.² При этом городскими и районными прокурорами по делам и о растратах и хищениях было принесено лишь 3 протеста и внесено 48 представлений, в том числе 30 представлений по делам о хищениях государственного имущества и 18 – о хищениях общественного имущества³. Прокурорские органы были перегружены собственными делами и ресурсов для надзора за милицией им порой хватало. Квалификация же сотрудников милиции не всегда позволяла успешно расследовать дела о хищениях и растратах.

Во втором квартале 1952 г. сотрудники прокуратуры и милиции расследовали 636 дел о хищениях государственного и общественного имущества, следователи прокурорских органов закончили расследование 454 таких дела, работники милиции – 182. В суд следователи направили 443 дела, по которым было предано суду 740 чел., а милиционеры – 142 дела, по которым проходило 157 обвиняемых⁴.

Расхитители социалистической собственности нанесли государству ущерб на 614416 руб., благодаря конфискации имущества преступников удалось компенсировать 196778 руб.⁵ Часто у признанных виновными не удавалось обнаружить все расхищенное ими имущество и деньги, поэтому недостающие суммы приходилось списывать в убыток. В третьем квартале 1952 г. в крае за растраты и хищения было рассмотрено 400 дел, по которым предали суду 595 чел.⁶ В четвертом квартале 1952 г. прокурорские органы края окончили расследование 435 дел о хищениях и растратах. Из них в суд было направлено 413 дел, прекращено – 22, возвращено на доследование – 33. Суду было предано 626 чел. Если в третьем квартале из 869774 руб. ущерба удалось возместить 276732 руб. или 32,7% от причиненного вреда, то в четвертом квартале из 3140686 руб. государство было возвращено 1387058 руб. или 44%⁷.

Заключение

Масштабы растрат и хищений были крайне велики. Правоохранительные органы прилагали серьезные усилия для пресечения подобного рода преступлений, опираясь на предыдущий опыт, они стали более оперативно налагать арест на имущество обвиняемых и результатом этого стало улучшение работы по возвращению похищенных средств.

Однако прокурорским и милицейским работникам не всегда удавалось успешно пресекать хищения и растраты и возмещать причиненный государству ущерб в силу их недостаточной квалификации в столь сложных и специфических вопросах. Эффективной борьбе с экономической преступностью мешала и круговая порука, нередко возникавшая между работниками торговли, финансов, потребкооперации, снабженческих организаций и представителей органов власти. Последние помогали покрывать расхитителей. Негативные явления, мешавшие борьбе с растратами и хищениями, не теряли актуальности

¹ ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 12. Д. 117. Л. 163.

² ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 12. Д. 119. Л. 24.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 89.

⁵ Там же. Л. 92.

⁶ Там же. Л. 141.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 12. Д. 119. Л. 255.

от года к году, их преодолению мешали как объективные причины, так и нежелание руководителей различных организаторов менять налаженные схемы. В результате восстановление экономики сталкивалось с серьёзными трудностями. В стране, разоренной войной, огромные средства оказывались в руках преступников вследствие недостаточно эффективной работы правоохранительных органов.

Литература

- Вахрушева В.Ю.** О причинах роста преступности в СССР в послевоенный период // Молодой ученый. 2022. № 25 (420). С. 164–165.
- Емелин С.М.** Основные направления противодействия общеуголовной и экономической преступности на южном Урале во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17 (308). Право. Выпуск 37. С. 85–89.
- Носик Н.А.** Уголовно-правовые меры по борьбе с преступностью в послевоенном СССР // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 77–84.
- Холодов С.А.** История ОБХСС и экономическая преступность в России в XX веке. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. 304 с.

References

- Emelin S. M.** Osnovnye napravleniya protivodeistviya obsheugolovnoi i ekonomicheskoi prestupnosti na yuzhnom Urale vo vtoroi polovine 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [The main directions of countering criminal and economic crime in the southern Urals in the second half of the 1940s – early 1950s]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 17 (308), Pravo, issue 37, pp. 85–89. (In Russian).
- Kholodov S. A.** Istoriya OBKHSS i ekonomicheskaya prestupnost v Rossii v XX veke [The history of the Department for Combating Theft of Socialist Property and economic crime in Russia in the 20th century]. Moscow, Berlin, Direktmedia Publishing, 2021, 304 p. (In Russian).
- Nosik N. A.** Ugolovno-pravovye mery po borbe s prestupnostyu v poslevoennom SSSR [Criminal-legal measures to combat crime in the post-war USSR]. *Obshchestvo i pravo*, 2009, no. 3 (25), pp. 77–84. (In Russian).
- Vakhrusheva V. Yu.** O prichinakh rosta prestupnosti v SSSR v poslevoennyi period [On the reasons for the growth of crime in the USSR during the post-war period]. *The Young Scholar*, 2022, no. 25 (420), pp. 164–165. (In Russian).

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХАКАСОВ П. Е. ОСТРОВСКИХ В 1894 г.

В. К. Чертыков

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: chertyckov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1584-0606

Студент Санкт-Петербургского университета П. Е. Островских летом 1894 г. по заданию Академии наук занимался сбором этнографических предметов и древностей у хакасов – коренного населения Минусинского округа Енисейской губернии. Исследования он проводил в основном на территории Абаканской инородной управы, и частично – в Сагайской Степной думе. Результаты его работы нашли отражение в статье «Этнографические заметки о тюрках Минусинского края». В статье дается анализ результатов исследования П. Е. Островских.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Минусинский округ, П. Е. Островских, этнографическая экспедиция, качинцы, сагайцы, хозяйство, жилища, народная медицина, музыкальные инструменты.

P. E. OSTROVSKIKH'S ETHNOGRAPHIC STUDIES OF THE KHAKASS IN 1894

Valery K. Chertykov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: chertyckov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1584-0606

In the summer of 1894, a student of Saint Petersburg University, on the assignment of the Academy of Sciences, P. E. Ostrovskikh was engaged in collecting ethnographic objects and antiquities from the Khakass – the indigenous population of the Minusinsk Region of the Yenisei Governorate. He conducted research mainly on the territory of the Abakan Indigenous Council, and partly in the Sagai Steppe Duma. The results of his work are reflected in the article «Ethnographic notes on the Turks of the Minusinsk Region». The article analyzes the results of P. E. Ostrovskikh's research.

Keywords: Yenisei Governorate, Minusinsk Region, P. E. Ostrovskikh's, ethnographic expedition, Kachins, Sagais, husbandry, dwellings, folk medicine, musical instruments.

Введение

До недавнего времени в научной литературе имелось мало сведений по биографии сибирского этнографа П. Е. Островских. О нем писали, как об этнографе, сотрудничавшем с Минусинским и Красноярским музеями¹, и как о путешественнике [Патачаков, 1982, с. 20]. Благодаря изысканиям А. С. Вдовина и др. исследователей стали известны основные вехи его биографии, установлена дата его смерти [Вдовин, Данилейко, Ипполитова, 2010]. В. А. Данилейко и А. И. Саввинов осветили туруханский период его научной деятельности [Данилейко, 2010; Саввинов, 2017].

Основная часть

Петр Евгеньевич Островских (1870–1940) родился в Узунжуле, на прииске золото-промышленника П. И. Кузнецова. В 1874 г. в Минусинске родился его младший брат Константин. Их отец – Евгений Николаевич был служащим на золотых промыслах; умер в 1877 г. в возрасте 35 лет. Мать – Наталья Иоакимовна Петрова была дочерью минусинского «медника» (слесаря). После смерти мужа, в 1881 г. она вышла замуж за Николая Иустиновича Попова (1843–1921). Попов учительствовал в Ачинске, Минусинске, принимал участие в создании Минусинского музея. В 1881–1883 гг. работал учителем в Усть-Абаканской школе, с июля по октябрь 1883 г. – в училище с. Покровское (Чебаки) Ачинского округа. В 1883 г. семья переехала

¹ Енисейский энциклопедический словарь / Гл. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск: КОО ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. С. 450.

в Красноярск. Во время работы в Минусинске и Усть-Абакане Н. И. Попов занимался сбором этнографических сведений о качинцах – этнической группе хакасов.

После окончания Красноярской гимназии Петр Евгеньевич в 1891 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, где занимался антропологией и этнографией под руководством профессора Э. Ю. Петри. В столице он познакомился с академиком В. В. Радловым, Н. М. Ядринцевым, Г. Н. Потаниным и председателем Археологической комиссии А. А. Бобринским.

Весной 1894 г. студент П. Е. Островских обратился с просьбой предоставить ему отпуск. Он собирался ехать на родину – в Сибирь. Воспользовавшись предоставившейся возможностью, Академия наук поручила ему заняться сбором этнографических предметов и древностей в Минусинском округе Енисейской губернии. От академика В. В. Радлова были получены указания и ценные советы, касавшиеся экспедиции. В результате этой поездки появились в печати первые научные статьи П. Е. Островских: «Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке 1894 г.)» и «Über die Musik-Instrumenteder Katschinzen» («О музыкальных инструментах качинцев»).

Летом 1895 г. он посетил Берлин и Вену для работы в этнографических музеях. Окончил университет в 1896 г. В университетские годы П. Е. Островских был одним из активных членов сибирского землячества. Ко времени окончания университета его имя было уже довольно известно в кругу столичных ученых и сибирских исследователей. Он всерьез задумывался о научной карьере, однако его желание получить должность секретаря статистического комитета в Красноярске, в результате вмешательства Департамента полиции, не увенчалось успехом [Саввинов, 2017, с. 43–44]. В 1897 г. на средства Русского географического общества П. Е. Островских вместе с вольнослушателем Санкт-Петербургского университета М. И. Райковым и проводником Самсоном Райковым совершил поездку из Минусин-

ска в Тоджинский хошун Урянхайского края [Островских, 1898; Райков, 1898].

В 1899 г., несмотря на некоторые препятствия, благодаря поддержке Министерства финансов и хлопотам влиятельных людей – академика В. В. Радлова, вице-президента Географического общества П. П. Семенова он был назначен помощником енисейского податного инспектора по Туруханскому краю. Позже о своем назначении на эту должность он писал, что был направлен «в виде почетной ссылки». В течение пяти лет он изучал промыслы и экономику русского и «иностранного» населения, а также собирал этнографические коллекции [Саввинов, 2017, с. 44]. Последующая жизнь и работа П. Е. Островских связана с Казахстаном, Литвой, Санкт-Петербургом и Москвой.

Главным объектом его этнографического исследования 1894 г. стали качинцы Абаканской инородной управы. По мере возможности он обследовал также сагайцев и бельтиров – население Сагайской Степной думы. По прибытии в Минусинск он встретился с заведующим музеем Н. М. Мартыновым, который снабдил его дельными советами. Устроившись в Усть-Абаканской управе, он совершал поездки в степь. Крайним пунктом его поездок на юго-западе было с. Усть-Есинское, населенное почти обрусевшими сагайцами; на западе – улус Синявинский на р. Нине; на северо-западе – оз. Ши́ра. Благодаря содействию местной интеллигенции ему удалось посетить много улусов, приобрести богатую коллекцию этнографических предметов. Островских снял до 100 различных фотографий (люди, жилища, местности и др.), в основном среди качинцев, как наиболее уцелевших, по его мнению, от русского влияния.

В поездках его сопровождал Михаил Иванович Райков – выпускник Красноярской учительской семинарии, бывший учитель (1890–1893 гг.) Усть-Абаканской школы, родом из качинцев сеока *бюрут* (хак. *nürüt* – В. Ч.). Он исполнял обязанности переводчика и консультанта. С устным народным творчеством Петра Евгеньевича знакомил «известный по всей Качинской степи» сказитель Агол Тоборов

(улус Тазминский по р. Бире) [Островских, 1895, с. 298, 300].

По согласованию с академиком Радловым Островских занимался сбором этнографического материала по следующим пунктам: происхождение качинцев; административное деление инородцев, легенды; территория и населенность; внешняя характеристика и соматические измерения; занятия инородцев, искусственное орошение полей; пищевые продукты качинцев; хозяйственные принадлежности; жилища; свадебный женский костюм, приданое и калым; роды, детский праздник; устройство люльки, детские игры; грамотность и школы; отношение к старшим в роде; супружеские отношения; музыкальные инструменты; управление, подати, суд; болезни и врачебная помощь, шаманство; миссионерская деятельность.

В следующем 1895 г. в журнале «Живая старина» была опубликована его статья под названием: «Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. (Отчет о поездке 1894 г.)»¹. При написании статьи, как указывал сам автор, им была использована вся литература о качинцах, перечисленная Г. Н. Потаниным в предисловии к статьям Каратанова и Попова «Качинские татары Минусинского округа» (Палласа, Кастрена, Титова, Радлова, Шифнера, князя Кострова и др.). Из новейшей литературы Островских использовал работы Н. Ф. Катанова: «Замечания о богатырских поэмах тюрков Минусинского округа» (1885 г.); его же «Сказания и легенды минусинских татар»; «Библиография. Сведения о тюрках Енисейской губернии», опубликованные в «Сибирском сборнике» Н. М. Ядринцева в 1887 г. В качестве справочной литературы использовалась книга П. А. Аргунова «Очерки сельского хозяйства Минусинского края» (Казань, 1892 г.). Также им были изучены материалы периодической печати (статьи миссионеров в «Московских церковных веде-

мостях», «Енисейских епархиальных ведомостях»; публикации сельских учителей в «Восточном обозрении», «Сибирском вестнике», «Енисее»). При исследовании религиозных представлений качинцев Островских использовал статью «Шаманство у качинцев» своего спутника Райкова, опубликованную в газете «Сибирский вестник»².

При написании статьи Островских опирался главным образом на статью И. И. Каратанова «Черты внешнего быта качинских татар» и статью своего отчима Н. И. Попова «Поверья и некоторые обычаи качинских татар», как наиболее полно отражающие жизнь и быт минусинских татар. Г. Н. Потанин ошибочно объединил эти две статьи под общим названием «Качинские татары Минусинского округа» и написал к ним предисловие [Потанин Г. Н. Предисловие // Каратанов И., Попов Н., 1884, с. 614–618]. В следующем году эти статьи были опубликованы отдельной книжкой под тем же названием [Каратанов, Попов, 1885].

Островских правильно заметил, что Иннокентий Каратанов жил в с. Аскысском и наблюдал не качинцев, а исключительно инородцев Степной думы, их он только и описывал³. По этой причине очерк Каратанова должен был называться: «Черты внешнего быта инородцев Степной Думы» [Островских, 1895, с. 298].

По вопросу о происхождении качинцев М. И. Райков пояснил автору, что на вопрос, откуда они, где жили их предки, качинцы

² [Райков М. И.] Шаманство у качинцев. (Подписано: Неученый) // Сибирский вестник. 1894. 21 сент. С. 2.

³ На эту ошибку в заглавии статьи И. И. Каратанова еще в 1885 г. указал Н. Ф. Катанов в своей брошюре «Замечания о богатырских поэмах минусинских татар» (СПб., 1885. 9 с.). По его справедливому замечанию, Каратанов описывал не качинских, а сагайских татар. Следует также отметить, что название статьи не принадлежит самому автору. Статью Каратанова для публикации готовил князь А. А. Кропоткин, находившийся в административной ссылке в г. Минусинске (до осени 1882 г.). Каратанов, прекрасно владевший хакасским языком, посылал ему переводы народных песен, отрывки из своих статей, которые намеревался опубликовать. В знак благодарности князь взял на себя труд переписать для Минусинского музея статью Каратанова, а затем переслать оригинал в редакцию журнала «Известия ИРГО».

¹ К сожалению, П. Е. Островских не владел хакасским языком. Это обстоятельство и поспешность с опубликованием статьи привели к тому, что было выявлено так много опечаток (38), что в следующем выпуске пришлось публиковать их список. См.: Опечатки в ст. г. Островских (Ж. Ст. 1895, вып. III и IV) // Живая старина. 1896. Вып. I. С. 144.

отвечают: «с Тобыла». В.В. Радлов указывал, что качинцы называют себя Кас (=Каш, Кач) и их предки были подданными Кучума и пришли с Иртыша на р. Качу. Островских пишет, что остается неясным, дал ли этот народ имя реке или сам получил от нее название.

Сказитель Агол Тоборов под монотонные звуки своего комса рассказал автору сказание о приходе Ермака во владения Кучума. Вкратце содержание мифа выглядит так. Согласился Кучум платить подать «государю Романскому» и приложил свою подпись под присягой. Забрали Кучума, «увезли в кандалах через Енисей, завязали глаза и утащили в Москву». После встречи с царем Кучум исчез неизвестно куда, а мы (качинцы – В. Ч.) до сих пор платим подати [Островских, 1895, с. 299–300]. Следует отметить, что в большинстве случаев подобные мифы о покорении Сибири Ермаком сочиняли не русские, а коренные обитатели Сибири.

По полученным Петром Евгеньевичем за 1892 г. официальным сведениям, ведомство Абаканской Инородческой Управы насчитывало в 99 населенных пунктах 10877 человек обоего пола, в ведомстве Аскысской Степной Думы в 60 населенных пунктах проживало 15519 чел. обоего пола. Островских отмечает, что эти цифры занижены, потому что из учета Абаканской управы и Степной думы выбыли бродячие инородцы, а также проживающие на золотых приисках, находящиеся на звериных и других промыслах, и переселившиеся в крестьянские села Минусинского и других округов [Островских, 1895, с. 303].

В административном отношении Абаканская инородная управа подразделялась на семь административных родов: Шалошина 1-й половины, Шалошина 2-й половины, Тубинский, Бирский (по р. Бире), Тинский, Старо-Июсский, Бело-Июсский и сюда же причисляли еще и восьмой – Койбалло-Салбинский; представителей последнего рода осталось всего 9 душ, живущих на правой стороне Енисея в дер. Салбинской. В составе качинцев еще с XVIII в. находились и кетоязычные аринцы. Петру Евгеньевичу сообщили, что остатки считавшихся исчезнувшими аринцев

сохранились в Белоярском улусе, на правой стороне Абакана, впрочем, представленное почти что лишь одним семейством Таштандиных¹. Таштанды на качинском наречии означает оставшийся, отбросок. В дер. Утинской, по правой стороне Абакана, в Койбалльской степи жили почти обрусевшие койбалы [Там же, с. 300–301].

Управление у качинцев осуществлялось следующим образом. Из своей среды они выбирали на 3 года родовых старост – семь по числу административных родов и на 1 год улусных старшин; последние часто на несколько маленьких улусов – один; затем – несколько человек сборщиков податей (десятников – В. Ч.). В центральном учреждении, Абаканской инородной управе, заседает голова, выбираемый на 3 года и два «выборных» – также на 3 года; последние поочередно проживают в управе. При управе состоял письмоводитель или писарь и три его помощника (в Степной думе их называли улусными писарями). Письмоводитель, как человек грамотный, «познавший тайны канцелярские», часто верховодил в Управе. Письмоводитель подчинялся заседателю и последний окружному исправнику. Суд вершили старосты, а в более важных случаях в качестве судей выступали выборные и сам голова. Островских писал, что в улусе старосты всегда можно встретить много праздного люда. По общему мнению, бедному человеку выгодней быть старостой, чем богатому. Такой родовой староста почти всегда станет на сторону богатого. Для разбора дел старосты предпочитали ехать к какому-нибудь богачу или к одному из тяжущихся, чтобы не кормить эту вечную орду гостей. Заинтересованные стороны едут к старосте обязательно с водкой. Старики и начальство, покуривая трубки и угощаясь аракой, не спеша разбирают дела. Бедному человеку трудно тягаться также с шаманами; начальство боится их мстительности [Там же, с. 331, 333].

Внутренний и наружный вид сагайских жилищ довольно подробно был описан Каратановым и это описание, по наблюдению

¹ Впоследствии Таштандины вошли в состав качинского сеока *талчаң хасха* – В. Ч.

Островских, подходит и к качинцам. К концу XIX в. качинцы почти перестали употреблять войлочные юрты; берестяные попадались сравнительно редко, ввиду все большей и большей затруднительности в добыче бересты и меньшей их практичности и долговечности по сравнению с деревянными. У бедных качинцев, кроме конусообразных юрт из длинных жердей, обставленных лиственничной корой и разными досками, встречались еще юрты почти прямоугольные лиственничные с куполообразным верхом; такие юрты обставлены с боков цельными в средний рост человека кусками лиственничной коры. Берестяные юрты качинцы называют – *ит*, конусообразные лиственничные – *алачек*. Кроме 8-и угольных деревянных юрт автору приходилось видеть 6, 10 и 12-и угольные. Собираясь женить сына, отец прежде всего ставил для него новую юрту на север от своей; причем юрта сына должна быть меньшей величины. В связи с русским влиянием потребовался больший простор в помещении, и этот обычай почти перестал соблюдаться. К примеру, летняя резиденция Кирпича Доможакова состояла из 3 юрт, причем юрта молодого внука, построенная на восток от прочих двух, была самой обширной и изящной. У качинцев при постройке русских изб для зимовки на матице подвешивался, как у сибирских крестьян, медный крест на шнурке, у других инородцев – чалама – красные и белые тряпички.

Во всех юртах свет проникал только через верхнее дымовое отверстие и через входное. Посередине юрты иногда воздвигается нечто вроде глиняной печи; у Ив. Доможакова такая печка $\frac{1}{2}$ аршина высоты и $\frac{3}{4}$ аршина длины и ширины; почти в величину всей поверхности печи сделано круглое отверстие для чугунного котла. Сбоку с одной стороны печи имелось отверстие для подкладывания дров. Встречались еще высокие, похожие на камин, глиняные конусообразно усеченные печи [Там же, с. 315].

Главным занятием качинцев по-прежнему было скотоводство и все вытекающие из него побочные занятия. У качинцев, как говорил один бедный койбал Кастрену (1847 г.), круглый год водится айран и кумыс и скот кишит,

как муравьи вокруг юрт. К концу XIX в. положение изменилось: у них стало меньше скота, благосостояние семей сильно ухудшилось. Островских справедливо объяснял это явление чумными эпизоотиями 1870–1872 и 1885–1887 гг., когда скот погибал тысячами. Второй причиной бедности стала погоня молодого поколения поставить свой дом на русский манер и вообще более высоким уровнем потребностей, требующих и больших издержек. Однако встречались еще богачи, имеющие в своих табунах до 2 тыс. лошадей, до 1 тыс. крупного рогатого скота и до 6 тыс. овец. Стада и табуны под присмотром пастухов паслись круглый год по степи и безлесным вершинам. В бедных семьях качинцев имелось до 25 лошадей, до 15 штук крупного скота и более 100 овец и телят. Почти вся работа по хозяйству ложилась на плечи женщин; на их же попечении находились и дети.

Кроме торговли скотом, качинцы вывозили на продажу овечью шерсть, конский волос, войлоки, кожи, мерлушки, масла и другую продукцию скотоводства. В Абаканской управе велся учет только по торговле скотом.

Хлебопашеством занимались главным образом инородцы Степной Думы; из качинцев же преимущественно обрусевшие (жители дер. Толчей). Для устройства «мочагов», системы оросительных канав, земледельцы использовали остатки каналов, оставленных первобытными насельниками степей [Там же, с. 306–307].

Из пищевых продуктов качинцев автор прежде всего выделяет молоко, потому что из него получается много производных. Из него получают простоквашу, сметану, масло, творог, айран. Молоко от коров сливают в большую кадку, находящуюся в юрте с правой стороны, как и другие кухонные принадлежности. Снятое молоко заквашивают прежним айраном; таким образом получается молодой айран. На вопрос, как впервые было вызвано брожение, качинцы отвечали, что не знают; говорили, что стариками выдумано. Выкуривать араку (хак. *арага*) обыкновенно начинают с наступлением весны, так как в холодное время года, вследствие плохого содержания скота, последний в большинстве перестает

давать молоко. Островских описал процесс приготовления араки из айрана. В конечном итоге выделившиеся из айрана пары переходят в кувшины в виде прозрачной кисловатой жидкости – араки, крепостью 6–8° [Там же, с. 308–309]. Для пробы крепости араки служит *амзор* – клочок овечьей шерсти, прикрепленный к концу тоненькой палочки в $\frac{1}{2}$ аршин длиной; амзор опускают в сосуд и, вынув, обсасывают. Автор довольно подробно описывает способ получения блюд из *аарчы* – творожистой массы, остающейся после перегонки айрана в вино. Эта творожистая масса сливается в холщевый мешок, подвешенный над кадушкой; таким образом в мешке остаются кислые творожники – *арчи* или *боја*, а в кадушку стекает употребляемая в корм скоту сыворотка – *сарч су* (хак. *saryz su*). Захватывая арчи в руку и выпуская тонкие струи между пальцев, женщины получают *бичро*; его высушивают на солнце на особых деревянных решетках (*сы*), состоящих из ряда скрепленных между собой бечевкой длинных, тоненьких и узеньких дощечек; кисловатое бичро довольно приятно на вкус. Лепешки, приготовленные также из арчи и прокопченные в дыму, называются *курут*. Как арчи, так и бичро и курут служат приправой к кушанию и последние два заготавливаются и на зиму. Сыр – *бышлак* имеет очень приятный своеобразный вкус; для его приготовления свежее прокипяченное молоко подквашивают айраном и свернувшуюся массу прессуют тонкими плитками в холсте между двух досок. Лучшим лакомством качинцев считался *өрөмө* – это пенки, которыми покрывается прокипяченное молоко в холодном месте; им угощают самых дорогих гостей; для слизывания пенки существуют даже в некоторых юртах – *корчик*: это плотный войлочный кружок (до 8–10 см в диаметре), прошитый нитками (из воловьих жил), насаженный на деревянный стерженек в $\frac{1}{2}$ аршина длиной. Опустив корчик в горшок и вращая стерженек между ладонями, набирают таким образом на кружок пенки и слизывают их. Качинцы уверяли, что с ложки есть менее вкусно.

Мясные кушания качинцев также были довольно разнообразными. *Ўгре* (щи, похлебка)

состоит из воды, мяса и жербы (*жерба* – крупно смолотая рожь) или какой-нибудь крупы (ячменной, гречневой); приправой служат бичро, курут, боја и борча. *Мюн* (суп) состоит из воды и рубленого мяса. В угре или в мюн во время их кипячения варят: *кан* (хан) – кровь животных с кусочками сала, налитые в кишку; *кима* (*хыйма*), приготовленная как колбаса, но из баранины и скотского мяса; *тарткан ит* – желудки жвачных животных; когда последнее кушание готово, его крошат и едят с угре или мюн. Жареное на вертеле мясо называется качинцами *систен ит*; на вертеле же готовится *сокач* – кусочки печенки, обернутые в жир с бараньего желудка. Качинцы и сагайцы варили мясо и в сметане.

Из хлебных злаков и других растений качинцы готовили различные блюда. Прежде всего *талган* – поджаренные и крупно смолотые зерна пшеницы или ячменя; едят с молоком, сметаной или маслом и в последнем случае прибавляют еще и бичро. Из сушеной ягоды – *черемухи*, истолченной затем в деревянной ступе и поджаренной в масле, получают тонкие лепешки. Каша (*ботк*) готовится следующими способами: 1) мука на сметане – *ботко*, 2) мука на молоке – *сүт-боткы*, 3) корни сараны на молоке – *сип-боткы* и 4) *кандых-боткы*, сваренная на молоке, говорят, замечательно вкусно. Сарану в сагайцы называют *саргай*; качинцы же различают два вида луковиц сараны: *аксит* (белая) и *сарахсит* (желтая). Сарана и кандых добываются в тайге, считаются лакомым блюдом и заготавливаются высушенными впрок; кандых набирают на нитку, как бусы, и подвешивают к потолку юрты; кроме каши, идет он и в щи. Очень уважается всеми инородцами, как и сибирскими крестьянами, калба (*халба*) – черемша, растение с резким запахом и с острым чесночным вкусом; употребляется сырой и крошится в щи. Чай употребляют, как и все сибирское население, прессованный китайский «кирпичный»; они часто заготавливают на зиму и пьют вместо чая белоголовник; затем бадан, у которого собирают только старые почерневшие листья [Там же, с. 310–312].

Островских писал об отсутствии у качинцев кузнечного ремесла, что подтверждается

словами Райкова о том, что у качинцев не имеется каких-либо преданий об этом. Все металлические изделия приобретались ими в г. Минусинске, куда они привозились из России и из Абаканского железоделательного завода, а также от сибирских деревенских кустарей. Последние готовят ножи, перстни, трубки с оловянной обливкой, огнива, серебряные насечки на седлах и сбруе и т.д. [Там же, с. 312].

Однако из кожи и дерева качинцы сами изготавливали предметы домашнего обихода. У них встречались самодельные ложки (*сомнах*) и деревянные чашечки (*чирче*), но у большинства последние – китайской работы. *Саргас* (саг.), служащий для отвешивания ячменя, сушеной черемухи и т.д., имеет вид половинки обыкновенного сита, до 1 арш. в диаметре, но дно его сделано из тоненьких же дощечек, скрепленных между собой и с ободом ремешками. Разнообразные формы массивных деревянных ступ – *солок* имеют форму стеклянной рюмки. Разные жерновки – *тербен* готовятся из крепкого дерева (лиственницы, березы); для этого от обрубка в половину аршина толщиной отпиливают два кругляша вершка 3–4 высотой, причем у одного, предназначенного быть верхним жерновком, должна быть сделана ручка (3–4 врш. высоты) из одного куска со своим туловищем. В нижний жерновок вбивается толстый железный стержень, а в центре верхнего – отверстие для него. По всей поверхности соприкасающихся плоскостей вбиваются радиально чугунные кусочки от какого-нибудь разбитого сосуда; затем для просушки оба закладываются в сухую муку, чтоб их «не разодрало». Для выкапывания кореньев служит *озп* (хак. *озыт*), небольшой (врш. 3 дл.) железный наконечник, в форме суживающегося к низу треугольника, насаженный на кривой рычаг, согнутый почти под прямым углом. Для выдалбливания лодок, кроме топора, служит *киржан*, железный наконечник, к низу несколько расширяющийся, насаженный на деревянную ручку. Для перевозки тяжестей на верховом коне служат поместительные кожаные, заторачиваемые позади седла и спускающиеся по обе

стороны лошади, сумы – *арчмах*. Трут, употребляемый при добыче огня, называют *кабо* (*хабо*); охотники имеют также на ремне вместе с огнивом маленькую деревянную ложечку для горючей серы, употребляемой для добычи огня при неблагоприятных условиях погоды. Охотники употребляют преимущественно самого примитивного устройства кремневое ружье, как якобы более надежное и практичнее пистонного [Там же, с. 313–314].

Островских побывал у богатого качинца Петра Чаркова на р. Уйбат. Его громадный двор с большим русским домом, со многими юртами и разными надворными постройками, с многочисленной дворней представлял нечто вроде княжеского двора. Здесь были: учитель из поселенцев (т.е. уголовных ссыльных) – он же письмоводитель и т.д., фельдшер, кузнец, слесари и несколько мастеров из коренных сибирских крестьян для более изящных работ (насечки, литья и т.д.). В хозяйстве в большом количестве имелись пастухи, кожевники, коровники и т.д. [Там же, с. 312].

Свадьба и свадебные обряды сагайцев были подробно описаны И. Каратановым. В описании свадебных обрядов Островских нашел различия в обычаях качинцев и сагайцев. У сагайцев (по Каратанову) за несколько дней до похищения невесты по ближайшим улусам и у жениха готовят несколько котлов араки, запасаются из деревень кабацким вином и устраивают для молодых отдельную кошомную юрту [Каратанов, Попов, 1885, с. 13]. У качинцев же, как писал Островских, похищенную девушку отвозят к знакомым в какой-нибудь другой улус, где она могла жить иногда несколько дней до дня свадьбы. По словам М.И. Райкова, у качинцев родители невесты не пируют на свадьбе, а получив калым, назначают время мировой месяцев через шесть и более; тогда и едут молодые на поклон к ним¹. Два-три и даже более последующие за свадьбой дня молодая ходит с закрытым лицом и тщательно скрывает свои волосы, переплетенные при окончании свадебного дня одной свахой и подругами из нескольких

¹ Островских сас-тойы (пир волос) ошибочно называет свадьбой. Он не знал, что день свадьбы назначается во время мировой (чарас).

мелких косичек в две мощные красивые косы. Островских, по его признанию, не мог видеть всего свадебного обряда, потому и не смог его описать [Островских, 1895, с. 316].

Из музыкальных инструментов автор прежде всего называет комс (хак. *хомыс*), напоминающий мандолину, имеет вид большой деревянной ложки, затянутый сверху кожей; у него – две струны из конского волоса; обыкновенно одна из них белая, другая – черная. Длина комса до 80 см. Другим распространенным инструментом был чатган (хак. *чатхан*) – это выдолбленный, длинный и узкий, с тонкими стенками ящичек, с натянутыми на его тыльной стороне семью (у Попова – от 5 до 9) из тонкой медной проволоки струнами; из последних только одна цельная, остальные же надставлены не одинаковой длины веревочками из конопля или из воловьих жил. Под струнами ставятся в различных местах бараньи лодыжки (*казых*), но никогда позвонки, писал Каратанов. Лодыжки ставят в вертикальном положении, чтобы струна соприкасалась с подставкой в одной точке. Длина чатгана бывает от 1 до 1½ метров. Чатган или джатыхан для хорошего музыканта представляет больше простора для импровизации. Сказитель Агол, рассказывая про богатыря Хан-Бозрах-атых-Хартыга и его сестру хан-Забах, удивительно мастерски владел своим незамысловатым инструментом. Обыкновенно рассказчик приглашается к какому-либо празднеству, и его поэма, начинаясь после заката солнца, продолжалась до утренней зари. Пение каждого куплета оканчивается характерным голосовым дрожанием, выполняемым с большим напряжением¹. Окончив куплет под аккомпанемент комса или чатгана, сказочник передает обыкновенной речью содержание спетого и продолжает далее.

Весьма редко автору встречался сойотской работы известный музыкальный инструмент – железный хомыс. Он состоит из (ромбовидного в поперечнике) тонкого железного

прута, согнутого петлей, и из припаянной к нему посередине узенькой стальной пластинки, длинной и имеющей коленный изгиб. Добытый им железный хомыс имел всего 7 см длины. К музыкальным же инструментам автор отнес *быргы* и *сымысха*, приобретенные им от охотника-качинца. Первый представлял собой выдолбленную деревянную с тонкими стенками трубку 50–60 см длиной; постепенно расширяясь, *быргы* имеет при начале очень узенькое отверстие, в которое при употреблении вставляется берестяная трубочка; несколько берестяных поясков вокруг *быргы* не позволяют ему растрескиваться. Нужно долгое упражнение, чтоб, вбирая в себя воздух, издавать пронзительный своеобразный крик и, подражая таким образом голосу самки сына, призывать самца. *Сымысха* – это кусочек бересты, сложенный вдвое; взяв в рот, охотник подражает крику козленка, вызывая самку: длина этой пикульки 3–4 см [Там же, с. 329–330, 331]. В отношении народных музыкальных инструментов Островских дал более полное их описание по сравнению с Каратановым, который упоминал только о хомысе и чатхане.

Заключение

За неимением места мы оставляем в стороне описанные Петром Евгеньевичем другие стороны жизни, быта и духовной культуры хакасов. Несмотря на столь короткое время, отведенное ему для исследования, Островских сумел значительно обогатить свежими фактами предшествующую этнографическую литературу о хакасах (Палласа, Кастрена, Каратанова, Попова и др.). Благодаря его работе исследователи могли проследить, какие изменения в жизни хакасов произошли за последнее десятилетие, со времени их описания И. И. Каратановым и Н. И. Поповым. Его исследование не потеряло научного значения и в наше время.

Литература

Вдовин А. С., Данилейко В. А., Ипполитова А. Б. Петр и Константин Островских: гимназические и студенческие годы (первые исследова-

¹ Островских в примечании на с. 330 пишет: «Мне кажется, не слыхав, трудно себе представить эти оригинальные горловые звуки. Очень много знает сказок наизусть и замечательно искусно подражает сказочникам знаток тюркских языков акад. Радлов».

- ния 1879–1896 гг.) // Енисейская провинция: альманах. Вып. 5; КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск: Литература-Принт. 2010. С. 97–105.
- Данилейко В.А.** К материалам по этнографическим исследованиям П.Е. Островских на территории Туруханского края (1899 г.) // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Международных Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск, 2010. С. 146–149.
- Каратанов И., Попов Н.** Качинские татары Минусинского округа // Известия ИРГО. 1884. Т. XX, вып. VI. С. 614–659.
- Каратанов И., Попов Н.** Качинские татары Минусинского округа. СПб., 1885. 48 с.
- Островских П.Е.** Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Известия ИРГО. 1898. Т. XXXIV. Вып. IV. С. 424–432.
- Островских П.Е.** Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (Отчет о поездке 1894 г.) // Живая старина. 1895. Вып. III–IV. Отд. I. С. 297–348.
- Патачаков К.М.** Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакаское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1982. 88 с.
- Райков М.И.** Отчет о поездке к верховьям реки Енисей, совершенной в 1897 году по поручению Императорского Русского Географического Общества // Известия ИРГО. 1898. Т. XXXIV. Вып. IV. С. 433–462.
- Саввинов А.И.** «Пять лет в Туруханском крае». Долганы и якуты в исследованиях П.Е. Островских // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 43–52.
- Minusinsk Region].** Saint-Petersburg, 1885, 48 p. (In Russian).
- Karatanov I., Popov N.** Kachinskie tatars of the Minusinsk Region [The Kachin Tatars of the Minusinsk Region]. In: *Izvestiya of the Imperial Russian Geographical Society*, 1884, vol. 20, issue 6, pp. 614–659. (In Russian).
- Ostrovskikh P.E.** *Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraia (Otchet o poezdke 1894 g.)* [Ethnographic notes on the Turks of the Minusinsk Region (Report on the trip of 1894)]. In: *Zhivaya Starina*, 1895, issue 3–4, ed. 1, pp. 297–348. (In Russian).
- Ostrovskikh P.E.** *Kratkii otchet o poezdke v Todzhinskii khoshun Uryankhaiskoi zemli* [A brief report on a trip to the Tozhu Banner of the Uryankhai Land]. In: *Izvestiya of the Imperial Russian Geographical Society*, 1898, vol. 34, issue 4, pp. 424–432. (In Russian).
- Patachakov K.M.** *Ocherki material'noi kul'tury khakasov* [Essays on the Khakass' material culture]. Abakan, The Khakass Branch of Krasnoyarsk Publishing House, 1982, 88 p. (In Russian).
- Raikov M.I.** *Отчет о поездке к верховьям реки Енисей, совершенной в 1897 году по поручению Императорского Русского Географического Общества* [Report on a trip to the upper reaches of the Yenisei River, made in 1897 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. In: *Izvestiya of the Imperial Russian Geographical Society*, 1898, vol. 34, issue 4, pp. 433–462. (In Russian).
- Savvinov A.I.** «Pyat' let v Turukhanskom krae». Dolgany i yakuty v issledovaniyakh P. E. Ostrovskikh [«Five years in the Turukhansk Region». The Dolgans and the Yakuts in P. E. Ostrovskikh's studies]. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 2017, no. 3 (20), pp. 43–52. (In Russian).
- Vdovin A.S., Danileiko V.A., Ippolitova A.B.** Petr i Konstantin Ostrovskikh: gimnazicheskie i studencheskie gody (pervye issledovaniya 1879–1896 gg.) [Peter and Konstantin Ostrovskikh: gymnasium and student years (the first studies of 1879–1896)]. *Yenisei Province: Almanac*, issue 5; V.P. Astafev Krasnoyarsk State Pedagogical University. Krasnoyarsk, Literatura-Print, 2010, pp. 97–105. (In Russian).

References

- Danileiko V. A.** K materialam po etnograficheskim issledovaniyam P. E. Ostrovskikh na territorii Turukhanskogo kraia (1899 g.) [To the materials of P.E. Ostrovskikh's ethnographic studies on the territory of the Turukhansk Region (1899)]. In: *Culture as a system in a historical context: the experience of West Siberian archaeological and ethnographic meetings: Proceedings of the 15th International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference*. Tomsk, May 19–21, 2010. Tomsk, 2010, pp. 146–149. (In Russian).
- Karatanov I., Popov N.** Kachinskie tatars of the Minusinskogo okruga [The Kachin Tatars of the

DOI 10.52782/KRIL.2023.3.39.004

УДК 809.43.001

ВКЛАД ДОСТОЙНОГО СЫНА КАЛМЫКИИ ЦЕРЕН-ДОРЖИ НОМИНХАНОВА В ИЗУЧЕНИЕ УСТНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ХАКАСОВ

А.С. Кызласов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: kyzlasov60@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0318-5808

В 2023 году исполняется 125 лет со дня рождения Церен-Доржи Номинханова, крупного ученого, сына калмыцкого народа, одного из основателей хакасского языкознания. В работе приведены основные этапы его биографии и рассмотрены особенности научной деятельности исследователя в разных учреждениях. Кандидат филологических наук Ц.-Д. Номинханов, получивший прекрасное востоковедческое образование, оказался в 1944 году в ссылке в Красноярском крае. В этом же году он был принят на работу в Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Здесь Ц.-Д. Номинханов проработал недолго, но результаты его работы были весьма значимы. Они до сих пор востребованы в хакасском языкознании. Часть материалов ученого до сих пор не издана, она хранится в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ. В статье анализируются отдельные материалы рукописного фонда, подготовленные Ц.-Д. Номинхановым. Отмечен его существенный вклад в изучение диалектной речи носителей хакасского языка. Также произведен лексико-семантический анализ материалов диалектологических экспедиций, в которых принимал участие Ц.-Д. Номинханов. Установлено, что при переводе значений хакасских слов автор старался приводить наиболее точные эквиваленты в русском языке. Поэтому переводы многих слов в словаре даны параллельно (качинские и сагайские) как синонимы, без специальных помет. Рукописные работы, подготовленные Церен-Доржи Номинхановым, необходимо ввести в научный оборот, издав в виде сборника трудов.

Ключевые слова: Ц.-Д. Номинханов, исследователь, хакасский язык, словари, лексические параллели, диалект.

CONTRIBUTION OF THE WORTHY SON OF KALMYKIA TSEREN-DORJI NOMINKHANOV TO THE STUDY OF THE KHAKASS' SPOKEN LANGUAGE

Artyom S. Kyzlasov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: kyzlasov60@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0318-5808

In 2023, it turns the 125th anniversary of the birth of Tseren-Dorji Nominkhanov, a prominent scientist, Son of the Kalmyk people, one of the founders of Khakass linguistics. The paper presents the main stages of his biography and examines the features of the researcher's scientific work in various institutions. Candidate of Philological Sciences Ts.-D. Nominkhanov, who received an excellent Oriental studies education, ended up in exile in the Krasnoyarsk Region in 1944. In the same year, he was employed at Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (KhRILLH). Ts.-D. Nominkhanov did not work for long there, but the results of his work became very important. They are still in demand in Khakass linguistics. Part of the scientist's materials has not yet been published; it is stored in KhRILLH Manuscript Fund. The article analyzes individual materials of the manuscript collection prepared by Ts.-D. Nominkhanov. It draws attention to his significant contribution to the study of dialect speech of native speakers of the Khakass language. The lexico-semantic analysis of the materials from dialectological expeditions, in which Ts.-D. Nominkhanov took part, was also carried out. It is established that when translating the meanings of Khakass words, the author tried to give the most accurate equivalents in Russian. Therefore, translations of many words in the dictionary are given in

parallel (Kachin and Sagai) as synonyms, without special marks. The handwritten works prepared by Tseren-Dorji Nominkhanov should be published in the form of a collection of works.

Keywords: Ts.-D. Nominkhanov, researcher, Khakass language, dictionaries, lexical parallels, dialect.

Введение

Церен-Доржи Номинханов был одним из тех калмыцких спецпереселенцев, кого этапировали в годы Великой Отечественной войны в Сибирь. Но, несмотря на все трудности, связанные с жизнью в ссылке, он смог оставить заметный след в становлении хакасского языкознания.

Основная часть

1944 год стал очень значимым для Хакасии и хакасского народа: в трудные годы войны правительством РСФСР было принято решение создать Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Для работы в нем были нужны кадры с соответствующим высшим образованием. Кандидатура Ц.-Д. Номинханова, трудившегося тогда учителем немецкого языка в сельской школе, была для научной работы подходящей. Он уже был кандидатом филологических наук по специальности «монгольские языки»: за год до депортации (в апреле 1943 г.) защитил кандидатскую диссертацию в Институте востоковедения АН СССР по теме «Монгольские административно-политические и военные термины в XIII–XV вв., сохранившиеся в узбекском языке». Хорошо владел монгольским, английским, немецким, русским, бурят-монгольским, калмыцким языками. Изъяснялся на тибетском и узбекском. Учитывая все вышеперечисленное, отдел культуры и пропаганды Хакасского обкома ВКП (б) пригласил Ц.-Д. Номинханова в институт, официальное открытие которого состоялось 1 октября 1944 г.

Церен-Доржи Номинханов был принят на работу в институт по ходатайству Ф.Г. Исхакова. Он работал с первых дней его открытия в секторе языка и одновременно выполнял обязанности ученого секретаря. С 1946 года, после ухода Фазыла Гарифовича, он заведовал сектором языка [Кызласов, 2018, с. 85–87].

Фотография № 1. Личный листок по учету кадров Ц.-Д. Номинханова.

Photo No. 1. Ts.-D. Nominkhanov's personnel record sheet

В рукописном фонде Хакасского НИИЯЛИ хранится личное дело Церен-Доржи Номинханова.

Вот как описывает в автобиографии сам Ц.-Д. Номинханов свое появление в области: «В Хакасию прибыл в январе 1944 г. с г. Астрахани Калмыцкого НИИ, где работал ученым секретарем. С 1/1944 по VII/1944 г. работал преподавателем немецкого языка совхоза «Ужур» Красноярского края»¹.

Проработав в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории со дня его образования (октябрь 1944 г.) в течение пяти лет в должности ученого секретаря, заведующий сектором языкознания Церен-Доржи Номинханов был уволен в 1949 г., попав под каток кампании развернувшейся в то время в СССР борьбы с «космополитизмом» и «марризмом». Причем за период его непродолжительной работы Н.Г. Доможаков несколько раз объявлял Ц.-Д. Номинханову благодарность за успехи в работе. По материалам из личного дела Номинханова можно сделать вывод, что директор института исполнял негласные поручения вышестоящих исполнительных органов власти по устранению «политически неблагонадежных людей».

¹ Архивный фонд ХакНИИЯЛИ. Л. 2, л. 26, л. 6, л. 12.

Это отразилось в череде приказов по институту, когда его уволили из ХакНИИЯЛИ¹. В ХакНИИЯЛИ Ц.-Д. Номинханов проработал более 4 лет, с 1 октября 1944 г. по 1 марта 1949 г. Одновременно все эти годы он преподавал в Абаканском педагогическом институте. После увольнения из института Ц.-Д. Номинханов навсегда уехал из Хакасии в Казахстан, где до 1960 г. работал преподавателем Казахского университета им. С.М. Кирова. В 1960 г. он вернулся в родную Калмыкию, где трудился в секторе языкознания Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. По результатам научных изысканий 2 апреля 1966 г. ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук. Ц.-Д. Номинханов являлся автором множества учебников по калмыцкому, монгольскому языкам, часть его трудов была посвящена народному творчеству монголов, калмыков, казахов, хакасов и других народов. Ученые Хакасии помнят Ц.-Д. Номинханова, внесшего существенный вклад в становление ХакНИИЯЛИ и научное изучение хакасского языка [Тугужекова, 2008, с. 127–128].

Ц.-Д. Номинханов разделил трагическую участь своего народа, и, несмотря на крайние трудности и лишения, ему удалось внести свой вклад в становление Хакасского НИИЯЛИ и изучение хакасского языка. Список научных работ Номинханова составляет 31 пункт. 20 из них – это рукописные труды. Последняя работа издана в соавторстве с Д. Ф. Коковой, это «Хакасско-русский словарь для начальных школ» (1948) [Кышпанак, 2017, с. 43–45].

В рукописном фонде ХакНИИЯЛИ хранятся неизданные рукописные работы, подготовленные Ц.-Д. Номинхановым. Они нуждаются во введении в научный оборот. Это рукописи словарей в соавторстве с Д. Ф. Патачаковой: «Хакасско-русский словарь (для начальных школ)», «Русско-хакасский словарь (для начальных школ)»; «Русско-хакасский словарь (часть I)». Им подготовлены также такие работы, как «Фонетика хакасского языка», «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа», «Лексика бельтырского диалекта хакасского языка» и др.

Особо следует отметить экспедиционную работу Ц.-Д. Номинханова. По результатам экспедиций им подготовлен ряд работ, в том числе рукопись «Лексические и фонетические особенности диалектов хакасского языка». Обращение к его отчетам позволяет установить принципы работы Номинханова с носителями хакасского языка. Он выявлял лингвистически одаренных жителей сел, планировал направления их работы, давал им задания. Например, 15–16 августа 1945 г. Ц.-Д. Номинханов вместе с информатором А. Казанакковым из села Половинки пешком отправился в село Чебаки, где встретился с другими информаторами и составил им и А. Казанаккову план работы. 17 августа он был уже в улусе Трошкино у Елены Коковой, отметил, что она провела большую работу по записи устного народного творчества, и спланировал ее дальнейшую работу. Здесь же, после отчета об итогах командировки, Номинханов записывал сведения, полученные от информаторов². То, как Ц.-Д. Номинханов работал в экспедициях с носителями хакасского языка – хороший пример для молодых исследователей. Следует отметить лингвистическую одаренность ученого: за короткий срок он смог овладеть хакасским языком.

Мы рассмотрим хакасские языковые материалы, где приводятся различные перечни слов, записанные как Ц.-Д. Номинхановым, так и другими сотрудниками института в ходе сбора лексики хакасского языка. Например, в «Отчете о научной командировке с 10 августа по 20 августа 1945 года», подготовленном Ц.-Д. Номинхановым, приведен перечень диалектных слов, собранных в селе Половинка (кызыльский диалект). Эти слова разделены по группам: «Птицы», «Домашние и дикие звери», «Названия частей тела», «Деревья», «Растения». Отдельные диалектизмы отличаются от литературных названий, например: *жаворонок* – *күкөлөчөн*, лит. *постаргай*; *глухарь* – *рысха*, лит. *хара сабан*; *локоть* – *оганах*, лит. *чыганах*; *ель* – *уйган*, лит. *тиген*; *полюнь* – *ыр от*, лит. *чыстыг от*. Приведенные слова,

¹ Там же.

² Архивный фонд ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ». Ф. 243. С. 1–10.

несомненно, показывают своеобразие кызыльского диалекта.

Большой интерес представляют топонимические наименования: названия местностей по реке Карыс, впадающей в озеро Беле (Ширинский район); названия гор – Сыттыг таг, Самзар, Пыдыг и др. – могут послужить материалом для проведения анализа при изучении диалектов хакасского языка. Также Церен-Доржи Номинханов приводит лексические материалы, записанные от информанта Е. А. Спириной (54 г., племени хаастар, колхоз им. Ворошилова, улус Березник): *платье, рубашка* по-хакасски будет *кӱченег, прическа (девичья) – сӱрбес, коса (девичья) – гичеге, наконечник косы – чачах, тарелка – чалга аях, бумага – кинде, сестра – чечӱн, дядя – ага (по отцу), лошадь – чилга*. Все эти примеры являются оригинальными лексемами, которые характерны только для носителей качинского диалекта хакасского языка¹.

Ц.-Д. Номинхановым также подготовлена рукопись «Лексика бельтырского диалекта хакасского языка» (1947 г.). В ней представлены материалы экспедиции к носителям бельтырского говора сагайского диалекта (именно данное понимание языковых особенностей носителей вошло в хакасскую диалектологию). Полевые материалы были собраны участниками экспедиции в населенных пунктах Хызыл Хара Суғ, Кичіг Нонып, Улуғ Арбат Монокского сельсовета² [Номинханов, 1947, с. 1–60].

Церен-Доржи Номинханов, как мы видим, считал бельтырский говор сагайского диалекта хакасского языка отдельным диалектом. В связи с этим стоит привести мнение О. В. Субраковой по этому вопросу, которая исследовала этот говор и пришла к выводу, что необходимо выделять его как отдельный диалект хакасского языка. Она пишет: «Бельтыры были самостоятельным племенем, участвовавшим в консолидации хакасской народности. Общее с сагайцами – вхождение в Сагайскую Степную думу разнородных племен и близкое соседство проживания, которое, несомненно, приводило к смешению языка.

Материал по языку бельтыр, собранный участниками диалектологических экспедиций 50-х гг. XX в. и хранящийся в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ, а также собранный нами по программе ДАТЯС (Диалектологический атлас тюркских языков Сибири) материал по всем пунктам расселения бельтыр позволили изучить особенности языка бельтыр в сравнении с сагайским диалектом хакасского языка, а также показать его сходство и отличие от сагайского диалекта и предположить самостоятельность бельтырского говора как диалекта» [Субракова, 2007, с. 225].

Чтобы назвать бельтырский говор диалектом, необходимо выделить черты, отличающие его от других диалектов хакасского языка. Например, бельтырское *ахтиге – кастрировать* в качинском диалекте будет произноситься как *ахтирга*, так же будет и в литературном языке. Другие примеры: бельтырским словам *агрын – медленный, агага – течь* в качинском диалекте будут соответствовать *агырин, агарга*. Для бельтырского говора характерна элизия согласных и гласных звуков, например, литературное слово *пычах – нож* носители этого говора будут произносить *пчах*, бельтырское слово *алага – брат, взять* в качинском диалекте будет *аларга*. Таких примеров можно привести очень много.

В архивном фонде на постоянном хранении также находится рукопись работы «Диалектологические материалы по изучению бельтырского говора хакасского языка, собранные Номинхановым Ц.-Д. (1949 г. на 124 стр.)»³. В этой рукописи даются сравнительные фонетические сопоставления бельтырского говора с другими диалектами хакасского языка, например, *порсых – барсук – морсых* (бельт.); *чыхчо – висок – чыхча* (бельт.) и др.

Далее дается список русских и хакасских слов бельтырского говора различных сфер хозяйственной деятельности человека, а также представлены названия, характеризующие семейно-родственные отношения. Очень подробно перечислены названия окружающей природы и животного мира (наименования птиц, зверей, домашних животных)⁴. Лекси-

¹ Там же.

² Архивный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 230. С. 1–60.

³ Архивный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 271. С. 1–124.

⁴ Там же. С. 1–124.

ческие материалы, записанные Ц.-Д. Номинхановым и другими участниками первых экспедиций ХакНИИЯЛИ, имеют большую научную ценность и могут быть использованы в сравнительно-историческом аспекте.

В целом, научно-исследовательская деятельность Ц.-Д. Номинханова в Хакасии была очень плодотворной, он оставил нам большое рукописное наследство, которое еще предстоит изучить. Одними из важных задач, стоящих перед современными лингвистами, являются обработка данных, собранных первым поколением хакасских ученых, и введение их в тюркологию.

Литература

- Кызласов А. С.** Цырен-Доржи Номинханов – исследователь хакасского языка (к 120-летию со дня рождения) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 3(23). С. 85–87.
- Кышпанакров В. А.** Калмыцкие спецпереселенцы в Хакасии // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35(3). С. 43–45.
- Субракова О. В.** К вопросу определения бельтырского говора сагайского диалекта как самостоятельного диалекта хакасского языка // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2007 г.). Новосибирск: Федеральное гос. бюджетное учреждение науки «Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук», 2007. С. 224–226.
- Тугужекова В. Н.** Цырен-Доржи Номинханов и Хакасия (к 110-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Вып. 9. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. С. 125–129.
- Kyshpanakov V. A.** Kalmytskie spetspereselentsy v Khakasii [Kalmyk special settlers in Khakassia]. *Bulletin of Kalmyk State University*, 2017, no. 35 (3), pp. 43–45. (In Russian).
- Kyzlasov A. S.** Tsyren-Dorzhi Nominkhanov – issledovatel' khakasskogo yazyka (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya) [Tsyren-Dorzi Nominkhanov – researcher of the Khakass language (on the 120th anniversary of his birth)]. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2018, no. 3 (23), pp. 85–87. (In Russian).
- Subrakova O. V.** K voprosu opredeleniya bel'tyrskogo govora sagaiskogo dialekta kak samostoyatel'nogo dialekta khakasskogo yazyka [On the issue of defining the Belyt parlanse of the Sagai dialect as an independent dialect of the Khakass language]. In: *Aspects of Siberian philology: V. A. Avrorin, E. I. Ubryatova, V. M. Nadelyaev: Abstracts of the All-Russian Scientific Conference (Novosibirsk, September 27–29, 2007)*. Novosibirsk, Federal State Budgetary Institution of Science «The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences», 2007, pp. 224–226. (In Russian).
- Tuguzhekova V. N.** Tseren-Dorzhi Nominkhanov i Khakasiya (k 110-letiyu so dnya rozhdeniya) [Tseren-Dorzi Nominkhanov and Khakassia (on the 110th anniversary of his birth)]. *Relevant issues of history and culture of the Sayan-Altai. Issue 9*. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2008, pp. 125–129. (In Russian).

References

ХАКАССКАЯ ТОПОНИМИКА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ ХАКАССКОГО НАРОДА¹

Ц.-Д. Номинханов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия

Предлагаемый вниманию читателя труд является не публиковавшейся ранее рукописной работой Церен-Доржи Номинханова, хранящейся в рукописном фонде архива Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ц.-Д. Номинханов был первым ученым секретарем ХакНИИЯЛИ, одним из основателей хакасского языкознания, за короткий срок работы в институте внесшим значимый вклад в становление хакасской лингвистики. Целью статьи является выявление географических названий нехакасского происхождения для установления того, какие народы населяли ранее территорию Хакасии. Исследование является первой попыткой в этом направлении, оно намечает пути выявления иноязычных топонимов в Хакасии. Привлечено к анализу 600 географических наименований, выделены тюркский пласт топонимов (хакасский, шорский, алтайский языки), русский, монгольский, предположительно, эвенкийский, а также топонимы неизвестного происхождения. Основную часть географических названий составляют тюркские, а именно, хакасские топонимы, в большинстве своем это двусоставные термины, например, *Улук-коль*, озеро от хакасского *улуз көл* 'большое озеро'. В хакасской топонимике определенное место занимают географические названия на русском языке (г. *Черногорск*). Также представлены и монгольские наименования, например, ключ *Кутень-булак* от *kyiten bulay* 'холодный источник (родник, ключ)'. Топонимами эвенкийского происхождения автор считает наименования рек *Сон* (эвенкийское *сон* 'приток', 'речка'), *Бюрь* (эвенкийское *бира* 'река'). Впервые для хакасского языкознания выделено такое явление, как грамматическое освоение хакасских топонимов русским языком, например, оформление диминутивом суффиксом, частичное калькирование. В качестве приложения к статье представлен отзыв о работе Ц.-Д. Номинханова, написанный известным советским ученым, археологом С. В. Киселевым.

Ключевые слова: хакасский язык, история народа, топонимика, топоним, наименование.

KHAKASS TOPONYMY AS A SOURCE OF HISTORY OF THE KHAKASS PEOPLE

Tseren-Dorji Nominkhanov

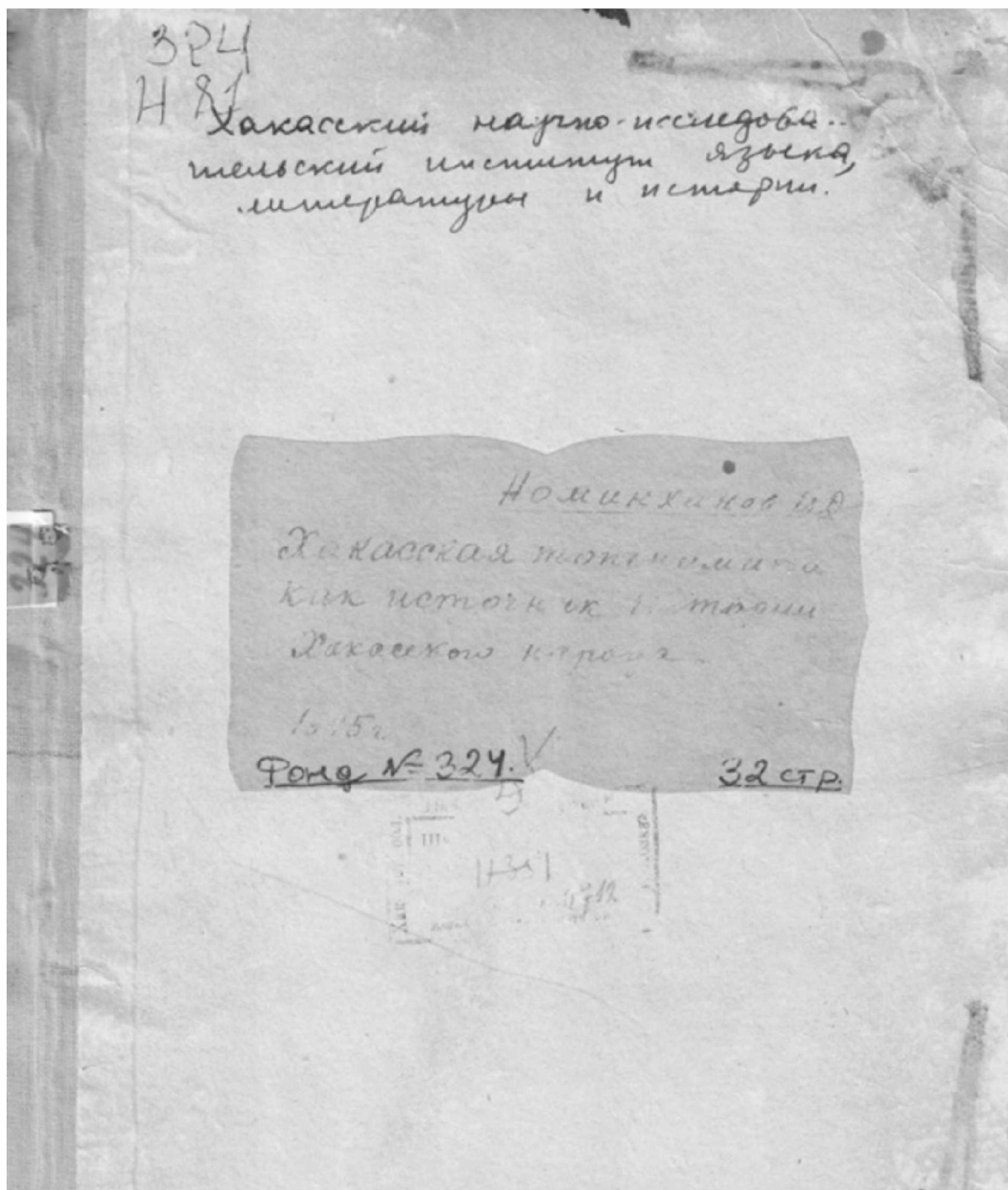
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia

This work, offered to a reader's attention, is an unpublished manuscript work of Tseren-Dorji Nominkhanov and is stored in the Manuscript Fund of the Archives of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Tseren-Dorji Nominkhanov was the first scientific secretary of KhRILLH, one of the founders of Khakass linguistics, who made a significant contribution to the formation of Khakass linguistics in a short period of work at the institute. The purpose of the article is to identify geographical names of non-Khakass origin in order to establish which peoples previously inhabited the territory of Khakassia. The study is the first attempt in this topic; it outlines ways to identify foreign-language toponyms in Khakassia. 600 geographical names were involved in the analysis; the Turkic layer of toponyms (Khakass, Shor, Altai languages), the Russian layer of toponyms, the Mongolian layer of toponyms, and presumably the Evenk one, as well as toponyms of unknown origin were identified. The main part of geographical names are Turkic, namely Khakass toponyms; most of them are two-part terms, for example, *Ulukh-kol*, a lake from

¹ Публикуемая рукопись Ц.-Д. Номинханова хранится в рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Автор характеризует ее как «доклад, читанный на научной конференции Абаканского педагогического и учительского институтов в гор. Абакане 23 декабря 1944 г. » (с. 1), «предварительное сообщение». В процессе подготовки рукописи к публикации редактором текст подвергся незначительной стилистической правке. Также сделаны комментарии к некоторым устаревшим терминам и теоретическим направлениям. Написание примеров на хакасском языке выдержано в соответствии с правилами современной хакасской орфографии. В соответствии с требованиями журнала статье был присвоен УДК, написана аннотация, выделен перечень ключевых слов.

Khakass *ulug köl* 'a big lake'. Geographical names in Russian (the town of *Chernogorsk*) occupy a certain place in Khakass toponymy. Mongolian names are also presented, for example, the spring *Kuten-buluk* from *kyiten bulay* 'a cold water source (a spring, a well)'. The author considers the names of the rivers *Son* (Evenk *son* 'a tributary', 'a river'), *Byur* (Evenk *bira* 'a river') to be toponyms of Evenk origin. For the first time for Khakass linguistics, such a phenomenon as grammatical mastering of Khakass toponyms by the Russian language, for example, writing with a diminutive suffix, partial calquing, is noted. The review of Tseren-Dorji Nominkhanov's work, written by the famous Soviet scientist, archaeologist S.V. Kiselyov, is presented as an appendix to the article.

Keywords: Khakass language, history of the people, toponymy, toponym, name.

Фотография № 1. Форзац рукописи Церен-Доржи Номинханова «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа».

Photo no. 1. Flyleaf of the manuscript of Tseren-Dorji Nominkhanov «Khakass toponymy as a source of the history of the Khakass people»

Вступление

В плане Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории по сектору истории этого института имеется тема «Языковая принадлежность древнего населения Хакасии по данным топонимики».

Разработка этой темы рассчитана на продолжительное время: 2–3 года.

В течение этого времени Хакасский НИИ-ЯЛИ будет накапливать материалы по топонимике через свои научные экспедиции. В результате всей этой работы будет написана монография хакасской топонимики.

Моя работа «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа» является началом этой большой, сложной, кропотливой работы по хакасской топонимике.

Для своей работы я использовал 600 географических названий, что составляет незначительный процент всей топонимики Хакасии.

Материалом для этой работы послужили данные переписи населенных пунктов Хакасии на 17 января 1939 г. и некоторые листы планшетов Хакасии дореволюционного издания (Материалы Хак. Облнархозучета: Сведения о постоянном наличии населения в разрезе населенных пунктов Хакасской автономной области на 17/1–1939 г. Материалы ОблЗУ Хакасии: географические карты Хакасии различных масштабов).

Ввиду того, что использованные мною материалы были недостаточны, то в моей работе не представлены некоторые разделы будущей монографии по хакасской топонимике (фонетика и морфология), поэтому моя работа носит несколько отрывочный характер.

Введение

В научной литературе топонимика имеет важное значение как источник истории народа, языка и т.д. Данные топонимики могут оказать значительную помощь в освещении некоторых вопросов истории соответствующего народа.

В данном случае топонимика Хакасии рассматривается нами как источник исто-

рии хакасского народа, вернее, как дополнительный источник. Предлагаемая работа по объему использованных географических названий Хакасии не может считаться вполне исчерпывающей. В этой работе использовано всего 600 названий (населенные пункты, горы, реки и пр., как сказано выше), и она представляет собой лишь первый этап исследования по затронутому вопросу.

Известно, что культурный слой земной поверхности представляет собой как бы зеркало, в котором отражается ее историческое прошлое. В курганах, пещерах, погребениях и на стоянках находят различные вещи из камня, бронзы, железа: топоры, наконечники стрел, предметы утвари и культа, и по этим находкам устанавливают определенную ступень развития культуры человеческого общества; на поверхности земли сохранились различные сооружения: оросительные каналы, остатки городищ, писаницы, каменные изваяния и прочие исторические памятники из прошлых веков.

Но памятники истории не только в этом: с доисторических времен и до наших дней люди, проживая в той или иной местности, давали и дают названия окружающим их частям ландшафта: горам, рекам, озерам, отдельным скалам и прочим местам, а также и населенным пунктам, где они сами жили.

Названия могли даваться из потребности жизни людей на основании каких-либо признаков, присущих этим объектам. Эти признаки должны выделять данный объект от окружающих ему подобных своей особенностью. Названия объектов при смене народов и человеческих поколений менялись или оставались без изменений, сохраняя данные раз названия в течение тысячелетий, как бы являясь представителем языков давно исчезнувших народов.

Выражение, что названия оставались без изменений, крайне условное: несомненно, что первоначальные названия мест с течением времени впитывали в себя все новые и новые элементы языков пришедших сюда или прошедших здесь народов. Подобно тому, как *чул* – речка на хакасском языке, *речка* на русском, *гол* – река, речка на монгольском, *сон* –

протока, речка на тунгусском и т.д. Каждая из этих народностей, прибавляя свое название к уже существующему, тем самым осмысляла для себя значение данного объекта.

Так являлись географические названия типа *Снеты чул речка*. Здесь два раза *речка*: на хакасском и русском языках, получается: *речка Снеты речка* и т.д.

Именно на эти данные на фактах доисторической топонимики акад. Н.Я. Марр опирается во многих своих выводах по яфетидологии¹. К примеру сказать, он устанавливает

¹ Яфетидология («яфетическая теория») – название разработанного акад. Н.Я. Марром материалистического направления языкознания, впоследствии переработанное им в общее «новое учение о языке». «В связи с исследованием сравнительной грамматики картвельских языков он обратился к поискам их родства с другими языками мира, выдвинув ряд гипотез, недостаточно подкреплённых конкретным языковым материалом (о родстве картвельских языков с семитскими, баскским и др.). Когда гипотезы Марра о родстве языков пришли в противоречие с данными научного языкознания, он попытался ликвидировать эти противоречия, объявив все «традиционное», «индоевропейское» языкознание устаревшим и не совместимым с марксизмом, и построить совершенно новую лингвистическую теорию – так называемое «новое учение о языке», или «яфетическую теорию». Впервые эти взгляды были высказаны в работе «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» (1920). Отказавшись от достижений сравнительно-исторического языкознания, Марр выдвинул идею о том, что индоевропейская языковая семья, как и другие семьи языков, не связана исконным генетическим единством, которое было доказано компаративистами, а сложилась путем скрещивания. В 1923–24 гг. Марр усиленно занимался вопросами так называемой «палеонтологии речи», стремясь вскрыть общие для всех языков этапы типологического развития, связанные с этапами развития общества и материальной культуры; в 1925 г. он попытался связать эту свою систему с философскими положениями исторического материализма, понимавшегося им, однако, упрощенно, в духе вульгарного социологизма. Язык был отнесен к категориям надстройки и определен как изначально классовое явление. Первичным языком человечества, по Марру, был язык жестов, сменившийся позже звуковым языком в виде «четырех элементов» (SAL, BER, YON, ROH), т.е. диффузных звуковых комплексов, из которых возник словарный запас всех языков мира. Термин «Новое учение о языке» был употреблен впервые в 1924 г. (ранее Марр называл свою теорию «яфетической»). Построения Марра этого времени не поддаются объективной проверке при помощи строгой научной

последовательность названия *Черное море* [1933, с. 147]: *Лукоморье* > *Рушское море*, т.е. *Этрусское море* > *Черное море*; *река Дана*: *Танаис* > *Дэн* и т.д.

Н.Я. Марр, говоря о роли палеонтологии речи² в области топонимики, подчеркивает важность данных топонимики как одного из серьезнейших источников истории. Он говорит: «Существенную поправку внесла палеонтология речи в топонимику, именно, в названиях населенных пунктов, гор, рек, озер, морей, да и неразлучных с ними племенных названий, т.е. важнейший текст: в подлинно первичных частях превосходящий древностью самые древние в мире письменности, а по значению его как современника мировоззрения человечества на древнейших ступенях его развития, да притом современника, говорящего языком тех эпох, этот текст не имеет ничего себе равного ни в каких других памятниках, ни речевой, ни материальной культуры» [Марр, 1935, с. 403–404]. Приводимая здесь высокая оценка значения топонимики подкреплена многочисленными трудами этого мирового ученого.

Ф. Энгельс в своей классической работе «Франкский диалект» разрешил один из самых сложных и запутанных вопросов германистики, а именно – вопрос об исторических судьбах франкского диалекта и его места среди других германских диалектов. Основным источником для этой работы послужила топонимика. В этой работе встречаем такие высказывания Ф. Энгельса: 1) «... и везде, где имеется франкская территория, мы находим названия на *-ingen*: *Solingen*, *Husingen*, *Leichlingen*; 2) *sheid* встречается только в горах и, как правило, лишь в местностях у водораз-

методики и опровергаются языковым материалом. К 1926 г. произошел окончательный разрыв Марра и его сторонников с научным сравнительно-историческим языкознанием (индоевропеистикой), которое было обвинено в идеализме, формализме, антисоциальности и даже расизме» [Леонтьев А.А. Новое учение о языке // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 335].

² Одна из попыток реализации социального подхода в языкознании, через призму которого слово и речь рассматриваются как «орудие труда», развивающееся в обществе.

делов. Франки оставили это окончание во всем вестфальском Зауэрланде, до гессенской границы, где оно еще встречается только в горных названиях до восточных окрестностей Корбаха. На Руре древнефранкскому *scheid* противостоит преобразованное по-саксонски *schede*: *Melschede*, *Selschede*, *Meschede*, тут же рядом *Langscheid*, *Ramscheid*, *Bremscheid*» [Энгельс, 1935, с. 63].

Судя по тому, как Энгельс установил, что франкский диалект уже в VI и VII веках был самостоятельным диалектом, то данные топонимики, над которыми работал Ф. Энгельс, относятся ко времени до VI века нашей эры.

Подобно объектам исследования академика Н. Я. Марра и Ф. Энгельса и в хакасской топонимике не исключена возможность сохранения до наших дней географических названий со времен глубокой древности от языков не известных нам народностей, но многие географические названия, переплетаясь между собой, впитывая в себя отдельные элементы различных языков, даже и известных нам, могли измениться до неузнаваемости.

Совершенно был прав И. Березин, переводчик знаменитого труда «История монголов» Рашид Эддина (1247–1318), писавший: «Названия рек могли изменяться по времени и по племенам, употреблявших их» [1858, с. 249].

Смешение географических названий могло происходить подобно следующим историческим фактам, как [...] (*сякиз мурен*) ‘восьми-речье’. Река Секиз-мурен впадает в р. Кем. Это соединение турецкого с монгольским в названии *Секиз-мурен* показывает, до какой степени смешались здесь языки [Там же, с. 245]. ... *секиз* по-турецки – ‘восемь’, а ... по-монгольски – ‘река’.

Такие же смешения географических названий могли происходить в хакасской топонимике.

Для понимания географических названий Хакасии, которые невозможно расшифровать с точки зрения известных нам языков, имеет значение знакомство с некоторыми данными о народностях, которые жили на территории Хакасии. К сожалению, наши данные по истории Хакасии и о народностях, жив-

ших на территории Хакасии, слишком скудны и отрывочны. Мы можем лишь судить по тем многочисленным памятникам старины, которые сохранились на территории Хакасии, как-то: курганам-кладбищам, примитивным шахтам, материалам раскопок и т. п., подтверждающим то, что здесь, на территории Хакасии, жили люди с незапамятных времен. Да, мы можем твердо сказать, что территория Хакасии с древнейших времен (на протяжении 20–30 тысяч лет) была обитаема человеком. Густые леса с разнообразными видами животных и птиц для охоты; тучные, плодородные поля с богатым растительным покровом для земледелия и скотоводства; замечательные горы с неисчерпаемым естественным богатством для добывания золота, меди, железа и т. п.; многоводная река Енисей и его многочисленные притоки с рыбным богатством могли привлекать внимание человеческих обществ, начиная с глубокой древности.

Мы до сих пор точно не знаем, какие же народности жили на территории Хакасии.

Археологи говорят, что здесь с 2000 лет до нашей эры жили динлины, которые потом смешались с монголо-тюрьками и образовали хакасскую народность [Левашева, 1939, с. 25–27, 41].

Есть упоминание о том, что здесь жили самоедские племена¹ [Прокофьев, 1937, с. 3–4] и якуты [Колесов, Потапов, 1937, с. 51]. Здесь наездом бывали монголы [Кабо, 1934, с. 55], и даже, может быть, и жили. Наконец, здесь были и китайцы (Китайский дом у колхоза «Сила», раскопанный в 1940 г. и относящийся ко II веку до н. э. Сведения получены у зав. сектором истории ХаКНИИЯЛИ тов. Липского А. Н.). Кроме того, в наше время живут здесь татары, русские и другие народности. Естественно, что географические названия Хакасии должны состоять из элементов самых разнообразных языков. Допускается существование в хакасской топонимике элементов не известных нам языков, давно вымерших.

Приступая к изложению самого материала, должен сказать следующее: я не ставлю перед собой цель переводить хакасские географиче-

¹ Устаревшее название самодийских народов языки которых входят в уральскую языковую семью.

ские названия на русский язык. Географические названия явно хакасского происхождения интересуют меня мало, они приведены мною лишь для сравнения с другими географическими названиями иноязычного происхождения, чем хакасский, или же в целях их классификации.

Основная цель этой работы – выявить географические названия иного языкового происхождения, чем хакасский, и тем самым установить элементы каких же языков участвуют в хакасской топонимике, чтобы можно было сказать на основании этих языковых данных, какие же народности населяли территорию Хакасии.

В этом направлении предлагаемая работа является только первой попыткой, и автор далек от мысли «открывать Америку».

Наоборот, в этой работе, несомненно, могут быть большие недостатки не только в самой композиции работы, это уже не страшно, а главное – в моих суждениях по тому или иному вопросу топонимике. Многие положения, выдвигаемые мной, могут быть спорными, особенно в вопросах топонимической омонимии, тогда то или иное географическое название, подкупая своим внешним звуковым сходством, в то же время не имея никакой исторической связи, могло ввести в заблуждение автора.

Приступая к этой работе, я исходил из того факта, что истины науки собираются крупинками, и, если исследователи топонимике или истории хакасского народа найдут в этой работе хоть долю истины, то эта работа, можно сказать, уже оправдывает себя.

Хакасская топонимика

Предварительный анализ топонимике Хакасии показывает, что в ней принимают участие языки тюркские (хакасский, шорский и ойротский), русский, монгольский и, предположительно, тунгусский¹. Кроме того, значительная ее часть принадлежит неизвестным языкам.

¹ Устаревший вариант прилагательного тунгусский, в данном случае применен по отношению к эвенкийскому языку.

К тюркским языкам принадлежит основная часть географических названий. Многие из них двойные, т.е. составные: первая половина географического названия не всегда расшифруема, а вторая – обозначает что-либо одно: озеро или речку, воду или гору и т.д.

Так, например, географические названия типа с окончанием на *куль-кюль-коль-голь-гуль*.

1. *Марчаль-куль*, озеро < *Марчал*, *кӧл*, *марича*² – охота за козами. *Марчал кӧл* – озеро, где происходит охота за козами. *Марича* – ‘приманка’. Охотники для того, чтобы привлечь диких коз, делают небольшие лунки, пропитывают их солью и закрывают. Возможно, при этом озере имелись приманки *марича*.

2. *Улук-коль*, озеро < *улуз кӧл* ‘большое озеро’.

3. *Кош-кол*, озеро < *хош* // *хос кӧл* ‘парное озеро’: *хош* по-шорски, *хос* – по-качински в значении ‘пара’.

4. *Косо-голь*, озеро < очевидно, *хос кӧл* ‘парное озеро’.

5. *Сарта-гуль*, улус.

В географических названиях озеро обозначено словами *коль-куль-кюль-голь-гуль*, тогда как в тюркских языках оно звучит как *кӧл* на хакасском и ойротском³, *коль* – на шорском, *куль* – на татарском. С этими окончаниями встречается 18 географических названий.

Сарта-гуль, улус, возможно, *гуль* не озеро, а племенное название, так как в Монгольской народной республике *сартагуль* означает монгольско-халхасское поколение, которое упоминается в монгольской летописи «Эрденийн Эрихе», и там же встречается река Сарта-гол в Цзасактухановском аймаке Монгольской народной республики, *сартагуль* с точки зрения тюркских языков непереводимо.

Встречаются и такие географические названия, которые оканчиваются на *хол*, *кол* и *гол*. Так, например:

² Ц.-Д. Номинханов неверно записал это слово как *марича*. Слово *марачы* в хакасском языке имеет два значения: 1) солончак; солончаковый грунт; 2) специальное место, посыпанное солью (для приманки зверей) [Хакасско-русский словарь. Под общ. ред. О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 234].

³ До 1948 г. такое название имел алтайский язык.

Тирен-хол, заимка < *тирең хол* ‘глубокий лог’;

Тосты-кол, нас. п. < *тостыг хол* ‘берестовый лог’;

Балан-кол, участок < *пуланныг көл* (по-шорски) ‘лосевый лог’;

Кара-кол, речка < *хара кол* (по-шорски) ‘черный лог’;

Аба-гол, речка < *аба-гол* ‘медвежий лог’;

Сүнөге-гол, речка < *сүнөге гол* ‘лог привидения’, *сүнөге* ‘призрак’.

С окончанием на *хол/кол/гол* встречается 27 географических названия.

Хол на хакасском, *кол* на шорском языках означают ‘лог’, ‘речная долина’. Появление варианта *гол* связано с тем, что заднеязычный фрикативный звук *х* в слове *хол* в позиции между двумя гласными по закону хакасского языка озвончается и переходит в согласный заднеязычный взрывной звук *г*, отсюда *гол* в значении ‘лог’, ‘речная долина’.

Весьма возможно, что слово *хол* означает в хакасском языке видоизмененное монгольское слово *холой* ‘долина’ [МЛЭЭ, с. 96, 185], по старому правописанию – *хоголай* ‘проход’, ‘ущелье’, ‘пролив’ [РМС, с. 73].

В хакасской топонимике с окончанием на *гол* встречаются географические названия: *Осуту-гол* – ключ и *Ой-гол* ключ. Они с точки зрения тюркских языков не расшифруемы, а со стороны монгольского перевести не трудно.

Гоол // *гол* по-монгольски означает ‘река’, ‘речка’. Отсюда ключ *Осуту-гол* по-монгольски – ‘речка с водой’; по-монгольски ... *usun* // ... *usu* // *us* (разг.) ‘вода’, ‘водяной’, ‘водный’ [Черемисов, Румянцев, 1937, с. 80]; – *tu* (*tü*) – суффиксы. Значение – обладание тем, что выражено основой [Поппе, 1937, с. 111]. Ключ *ой-гол* на монгольском языке – ‘лесная речка’ или ‘ключ’ под названием *Лесная речка*. *Ой* по-монгольски – ‘лес’ [РМС, с. 146]. Тем более для речки на хакасском языке существует другой термин – *чул*.

Обращают на себя внимание географические названия с окончанием на *чул-чуль-жул-жуль-дэжол-дэжул-дэжуль-цуль*.

Так, например:

1. *Систых-чул*, речка // *чыстыг чыл* – ‘речка глуши’.

2. *Бирих-чуль*, речка.

3. *Сарта-чуль*, речка.

4. *Курук-жул*, речка.

5. *Малый Мен-дэжол*, речка.

6. *Тран-дэжул*, речка.

7. *Астан-дэжул*, речка – ‘голодная речка’.

8. *Ины-цуль*, речка.

9. *Хара-дэжул*, речка – ‘черная речка’.

В материалах, которыми мы располагаем, с указанными выше окончаниями встречается 36 географических названий.

Река, *речка* и *речушка* на хакасском языке называется *чул*, на шорском – *чулат*, а на ойротском – *өзөк*.

Таким образом, здесь хакасский *чул* встречается в восьми вариантах.

Многие из этих географических названий легко переводимы. Так, например, речка *Сыстыг-жул* (*састыг чул*) – ‘болотная речка’, р. *Курук-жул* (*хуруг чул*) – ‘сухая речка’, речка *Хара-дэжуль* (*хара чул*) – ‘черная речка’.

Речка *Бирих-чуль* (*Бирих чул*) наводит на мысль, не является ли слово *Бирих* заимствованием от тунгусского (эвенкийского) языка *бирикан* – ‘речка’ (от *бира* ‘река’) с выпадением конечных *ан* и с переходом *к* в согласную *х*.

Если так, то речка *Бирих чул* означает трижды речка: на русском, тунгусском и хакасском языках.

Речка *Сарта-чуль* (*Сарта чул*) соответствует монгольскому *Сарта гол* (река в Халхе) [МЛЭЭ, с. 185]. *Сарта* есть, видимо, усеченное собственное имя *Сартак*, упоминаемое в «Истории монголов Рашид-Эддина» [МЛЭЭ, с. 118].

Большое количество географических названий встречается с окончаниями на *сук-суг-су*. Так, например:

1. *Кабан-сук*, нас. п. // *кубан сук* – ‘мутная речка’ (по-шорски).

2. *Казыр-сук*, речка – ‘бурная речка’.

3. *Кара-суг*, ключ // *хара суг* – ‘черная речка’.

4. *Казын-суг*, речка // *казың суг* – ‘березовая речка’.

5. *Тюрюм-су*, речка // *торым суу* – ‘шишечная речка’. Возможно, *тирең суғ* ‘глубокая речка’.

6. *Тузух-су*, речка – ‘солёная речка’.

С окончанием на *сук-суг-су* имеем 44 географических названий.

Суг на хакасском и шорском языках означает ‘вода’, ‘речка’, а *су-суу* – на ойротском языке значит также ‘вода’ и ‘речка’.

Встречаются географические названия и с окончаниями на *так-тах-таг*. Их мало. Так, например:

1. *Чалдыш-так*, нас. п. Очевидно, *чалгыс таг* – ‘одинокая гора’ и, возможно, *чаадыш* ‘отлогая’ (шорский).

2. *Тугур-тах*, гора // *тухур таг* – ‘тупоконечная гора’.

3. *Ког-тах*, гора // *кёк таг* – ‘зелёная гора’.

4. *Кок-таг*, гора // *кёк таг* – ‘зелёная гора’.

5. *Себы-таг*, гора // *сыбы таг* – ‘пихтовая гора’.

Таких географических названий всего 9.

Таг на хакасском и шорском языках означает ‘гора’, а на ойротском *гора* будет *туу*. Здесь приведены одни только хакасские и шорские названия гор. Некоторые из них (9 названий) переводимы. Например, *Кок-таг* и *Ког (кёк) таг* – зелёные горы, *себы таг (сыбы таг)* – ‘пихтовая гора’, *тугур тах (тухур таг)* ‘тупоконечная гора’ и др.

Есть и такие географические названия с окончанием на *-таш*, как:

1. *Ар-таш*, речка;

2. *Тар-таш*, речка;

3. *Юс кара-таш*, речка;

4. *Ташоба // Ташеба*, разъезд.

Таш на ойротском и шорском языках означает ‘камень’, а на хакасском языке *камень* будет *тас*.

Таким образом, все географические названия здесь даны на ойротском и шорском языках.

Ар-таш, речка, означает ‘северная каменная речка’. *Ар* – усеченное от хакасского слова *арга* – ‘спина’. По-монгольски [...] *ачи*, *ар* (в разговорном) – ‘зад’, ‘задняя тыльная сторона’, ‘тыл’, ‘северный (теневого) склон’ [МРС, с. 30]; *ар* означает также ‘спина’ [РМС, с. 356].

Тар-таш, речка, означает ‘разбросанно-каменистая речка’. *Тар-* – монголо-тюркская основа в значении ‘разбрасываться’, ‘рассыпаться’. По-монгольски ... *tarhamal* ‘рассеянный’, ‘разбросанный’, ‘рассыпанный’. По-узбекски *таралмок* – ‘распространяться’, ‘расходиться’. По-хакасски *тарадарга* – ‘распространять’, ‘рассыпать’ и др.

Речка *Юс Кара-таш*, возможно, означает ‘сто черных камней’. *Юс*¹ – ‘сто’ по-тюркско-татарски, *юз* – ‘сто’ по-узбекски и по-ойротски, *кара* – ‘черный’ по монголо-тюркски.

Ташеба // ташоба > *тас обаа* по-хакасски означает ‘каменный курган’. *Обаа* по-хакасски ‘камень на кургане’, а по-монгольски [...] *овоха* > *обō* – ‘куча’, ‘груда’, ‘нагромождение (из чего-либо)’, ‘курган’, ‘насыпь’, ‘обо’.

Следует напомнить, что как раз в самых ближних окрестностях разъезда *Ташеба* весьма много курганов.

Обобщая представленные здесь географические названия, следует сказать, что они по своему составу в основном однотипны. Это видно из приведенных выше примеров. Сперва идет название, а потом – характер объекта. Так, например:

1. *Марчал кол* – озеро *Марчал*.

2. *Тирең хол* – ‘глубокий лог’.

3. *Аба гол* – ‘медвежий лог’.

4. *Чыстыг чул* – речка *Чыстыг*.

5. *Кара суг* или *су* – ‘черная речка’.

6. *Кёк таг* – ‘зелёная гора’ и т. д.

Однако названия, хотя и с местными показателями, но все непонятны. Например:

Ин чул, речка, *Таранджул*, речка.

Тайсук, речка, *Ис-су*, речка и другие.

Здесь легко понять вторую половину географического названия, но первую – трудно расшифровать. Эту часть слова сможем понять лишь тогда, когда будем иметь в своем распоряжении значительное количество географических названий для сравнения или же при помощи палеонтологического анализа².

В хакасской топонимике встречаются географические названия и другого типа.

¹ По-хакасски – *чүс* ‘сто’.

² Придуманый Н.Я. Марром метод выделения гипотетических первоэлементов всех языков сал, бер, йон, рош.

При них отсутствуют местные показатели объекта. По количеству они значительны. Так, например:

1. *Таяс*, речка;
2. *База*, речка;
3. *Магаза* 'речка';
4. *Бю*, гора;
5. *Мадзяр*, гора;
6. *Сурган*, нас. п. и т. д.

Эти названия могут быть расшифруемы таким же путем, как вышесказанные.

Если в отношении только что приведенных непонятных нам географических названий трудно сказать что-либо определенное об их языковой принадлежности, так как они не поддаются никакой классификации, то мы имеем в нашем распоряжении и такие географические названия, которые легко классифицируемы по их некоторым признакам и можно предположить, что каждая из этих групп принадлежит определенным языкам. Так, мы имеем географические названия с окончанием на *-зас*, например:

1. <i>Азас</i> , речка,	<i>Айзас</i> , речка.
2. <i>Узас</i> , речка,	<i>Тайзас</i> , речка.
3. <i>Тарзас</i> , гора,	<i>Кымзас</i> , речка.
4. <i>Базас</i> , улус,	<i>Кайзас</i> , речка.
5. <i>Колзас</i> , улус,	<i>Солонзас</i> , речка, и т. д.

Их много, всего зафиксировано 22 географических названия.

Есть товарищи, которые говорят, что *-зас* означает видоизмененный *аас* в значении 'перевал', 'узкий проход' наподобие рта. Действительно, большинство из них встречается в труднопроходимых горах.

Мне думается, не исключена возможность, что окончание *-зас* является элементом типа *чул*, *гол* и т. д. неизвестного нам языка.

Там, где часто встречаются географические названия с окончанием на *зас*, проходит речка *Матур*, приток р. Абакан слева. Там же встречаются населенные пункты *Верхний Матур*, *Нижний Матур*, *Усть-Матур*. Несомненно, они носят имя *матор* – одного из исчезнувших среди местного населения самоедских племен Саянского нагорья.

Тем более наблюдение показывает, что повторяющимся является *зас*, а не *ас*. Так, например: *А-зас*, речка; *У-зас*, речка; *Тарзас*,

речка; *Ай-зас*, речка; *Тай-зас*, речка; *Кым-зас*, речка, а не *Аз-зас*, *Уз-ас*, *Тарз-ас*, *Айз-ас*, *Тайз-ас*, *Кымз-ас* и т. д.

Другой тип географического названия встречается с окончанием на *-я*, так, например: р. *Бея*, приток р. Уйбат справа; р. *Бея*, приток р. Абакан справа; р. *Тея*, приток р. Абакан слева; р. *Оя*, приток р. Таштып слева; р. *Большая Сея*, приток р. Таштып справа; р. *Б. Сыя*, приток р. Белый Юс слева.

Одновременно существуют населенные пункты, носящие эти же названия, как: нас. п. *Бея* на речке *Бея* (Бейский р-н), нас. п. *Тея* на речке *Тея* (Аскизский р-н), нас. п. *Большая Сея*, *Малая Сея* на реках *Сея* и Таштып (Таштыпский р-н), нас. п. *Малая Сыя* на реке Белый Юс (Ширинский р-н).

Весьма важно подчеркнуть, что подобного рода географические названия с окончанием на *-я* встречаются на большом пространстве Сибири, начиная от Ледовитого океана (река *Пясины*) на севере и до Алтайских гор на юге. Так, например: р. *Кия*, приток р. Томь, впадает севернее г. Томск; р. *Яя*, приток р. Чулым, впадает севернее г. Томск; р. *Бия*, приток р. Обь, впадает в нее в районе г. Барнаул; р. *Тарейя*, приток р. Пясины, впадающей в Северный Ледовитый океан; р. *Нюя*, приток р. Лена, впадает в нее слева; р. *Тетейя*, приток р. Нижняя Тунгуска; р. *Тоя*, приток р. Обь, севернее г. Новосибирск; р. *Чия*, приток р. Обь слева (Нарымский округ); нас. п. *Бидея* на речке Мура, впадающей в р. Ангара; нас. п. *Хая* на речке Чуна, впадающей в р. Енисей южнее г. Енисейск; р. *Тея*, приток р. Подкаменная Тунгуска; нас. п. *Тея*, недалеко от устья Подкаменной Тунгуски.

Все это показывает, что наши географические названия с окончанием на *-я* являются не хакасского, а какого-то другого языкового происхождения. Поэтому их этимологию придется искать у других народностей.

Третий тип географических названий – это географические названия с окончанием на *-бат*. Так, например: *Уй-бат*, приток р. Абакан слева; *Та-бат*, приток р. Абакан справа; *Ар-бат*, приток р. Абакан справа; *Ар-баты*, нас. п. (Таштыпский р-н).

Окончание *-бат* выделяется при сравнении со словами *Ар-су*, *Ар-таш* и т. д.

Но географические названия с окончанием на *-бат* вне Хакасии я не обнаружил.

Следующим объектом наших суждений являются русские, монгольские и предположительно тунгусские элементы в хакасской топонимике.

Русские географические названия в хакасской топонимике

В хакасской топонимике географические названия на русском языке занимают большое место, например: *Черногорск*, город; село *Дмитриевка*; речка *Гремучая* и др., и они не нуждаются в объяснениях.

Нетрудно установить начало распространения географических названий на русском языке, хронологически они относятся к началу XVIII века в связи с появлением русских на территории Хакасии.

Начало захвата Хакасии русским самодержавием относится к XVII веку. В 1707 году был построен первый в Хакасии Абаканский острог, ныне Краснотуранск.

Элементы монгольского языка в хакасской топонимике

На территории Хакасии оказались географические названия и на монгольском языке. Судя по этим названиям, можно предположить, что монголы не только приходили сюда и собирали дань после включения Хакасии в состав монгольской империи Чингизханидов (XIII век), но, видимо, они и жили здесь.

К монгольским географическим названиям относятся: *Кутень-булук*, ключ, нас. п. > *kyiten bulaḥ*; *Кара-булук*, нас. п. > *kara bulaḥ*; *Бай-булук*, ключ, нас. п. > *bej bulaḥ*.

Ключ *Кутень-булук* находится в 50–60 км к северо-западу от г. Абакан, долг. 90° 32' шир. 55° 58'. По-монгольски – [...] *kyiten* – ‘холод’, ‘стужа’, ‘холодный’; [...] *bulaḥ* – ‘источник’, ‘родник’. Они вместе (*kyiten bulaḥ*) означают ‘холодный источник (родник, ключ)’.

Кара-булук, нас. п. > [...] *kara bulaḥ* ‘черный источник (родник)’.

Бай-булук находится в 45 км к северо-западу от райцентра Боград, долг. 90° 40' шир. 54° 32'. По-тюркски *бей* ‘господин’, или, возможно, оно означает *бай* // *най* ‘богатый’ или же ‘большой’ (ср. *Бей Хем* – Большой Хем, наряду с *Кижис Хем* – Малый Хем – притоки р. Енисей (*Улуг Хем*). Все примеры – по-тувински). *Булук* – ‘ключ’, ‘родник’, ‘источник’. *Бей булак* в переводе означает ‘господский ключ’ (родник), ‘богатый ключ’ или же ‘большой ключ’. Тем более источник (ключ, родник) по-хакасски называется *хара-суз*.

Кроме того, встречаются и такие географические названия, как: *Тимерты*, гора; *Мастыгол*, речка; *Сабын-даба*, гора; *Сабытаг*, гора.

Эти названия легко переводимы с точки зрения монгольского языка. Возможно, они тоже монгольские.

Так, например, *тимерты* – по-монгольски [...] *temir-tü* ‘гора, имеющая железо’ или ‘железистая гора’.

Мастыгол по-монгольски *mūsū tü* > *möstü* (разг.) ‘имеющая лед’, *tool* // *tol* ‘река, речка, имеющая лед’ или ‘ледянистая река (речка)’. С суффиксом *-tu* (*-tü*) значение – ‘обладание тем, что выражается основой’. Например, [...] *nasutu* ‘имеющий возраст’ от *nasun* ‘возраст’ [Поппе, 1937, с. 111].

Сабын даба: по-монгольски *сабын* – неизвестно, *даба* ‘перевал’, от слова [...] *dabaḥi* ‘перевалить, переходить через гору’, ‘переступать’ и т. д. По-хакасски *сыбы* – ‘пихта’. Возможно, [обозначает] пихтовый перевал. Тем более, что имеется гора *Сыбытаг*. Перевал по-хакасски звучит как *бель*¹.

Катчалы, нас. п., разъезд, по-монгольски [...] *хабсагаи* ‘ущелье, падь’, ‘крутая скала, утес’. От этой основы [...] *хабсиги* ‘сжимать’, ‘сдавливать’, ‘стискивать’, ‘зажимать’, ‘нажимать’, ‘прижимать’, ‘притеснять’.

Названия² *темир* и *мүс* на хакасском языке означают тоже ‘железо’ и ‘лед’. Иначе, названия могли дать или хакасы, или монголы.

¹ Пил ‘седловина, перевал’.

² То есть слова.

Но хакасские частицы обладания иные, так, например: [отсутствует страница].

Элементы тунгусского языка в хакасской топонимике

Просматривая эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь [ЭРС, с. 66], я обратил внимание на тунгусское слово *сон* в значении 'протока', 'ручей', имея ввиду нас. п. *Сон* в Хакасии. После этого решил проверить возможное сходство в географических названиях на хакасском и тунгусском языках.

В том же словаре обнаружил, что по-тунгусски *Кима* (слово *Кима* – родовое название сымских эвенков Туруханского края) в XVIII веке – название реки Енисей. Это название р. Енисей совпадает с хакасским, так как река Енисей по-хакасски называется *Ким*, а по-тувински – р. *Хем*. Она образуется из двух рек, *Кижис Хем* и *Бей Хем*. Название этой реки упоминается в исторических сочинениях XIII века. Так, например, Рашид-Эддин (1247–1318) пишет: «Юрт и жилище этих племен ойротских было восьмичемье [...] *секиз мурен*. В древности на этих реках обитало племя Тумэт. Из того места выходят реки, все вместе соединяются, и образуется река, которую называют *Кем* [...] и после того впадает в Анггару-мурен» [ИМ, 1858, с. 75]. Здесь неверно [то], куда впадает р. Енисей, река Кем, иначе, р. Енисей, впадает в Ледовитый океан.

В процессе работы я попытался установить происхождение слова *Ким* в разновидностях *Кима // Хем // Кем*. По этому вопросу акад. Н. Я. Марр пишет: «В. И. Анучин сообщает: *Kim [gim]* или *Kem [gem]* 'женщина' и 'река' (одинаково) (енисейско-остяцкий термин). Нужно ли прибавлять, что в языках яфетической системы река и вода называется одним и тем же словом» [Марр, 1937, с. 195]. Таким образом, *ким-кима-хем-кем* одновременно означает 'река' и 'вода'.

Название реки *Кем-Ким* доказывается тем, что оно является не хакасского или тувинского происхождения, так как оно оказывается распространенным названием, встречающимся и в других местах Сибири, так, например: речка *Кемь*, приток р. Кас, впадаю-

щей в р. Енисей, южнее р. Подкаменная Тунгуска; речка *Кемь* – приток р. Енисей, впадает в р. Енисей слева, недалеко от г. Енисейск; р. *М. Кемчуг* и р. *Б. Кемчуг* впадают в р. Чулым севернее г. Ачинск.

Теперь в отношении названия *тура*, означающего по-хакасски 'город' и 'изба'.

Хакасы раньше г. Ачинск называли *Ачых тура* в значении 'открытый двор'. Абаканский острог, построенный в 1707 г., ныне [село] носит имя *Краснотуранск*, а раньше хакасы [его] называли *Тура* или г. Абакан сейчас называют *Азбан тура*.

Оказывается, название *тура* тоже встречается на большом пространстве Сибири, так, например, главный город Эвенкии называется *Тура*. Город *Тура* находится на р. *Тура*, впадающей в р. Нижняя Тунгуска. Изба по-эвенкийски тоже *тура*. Татары в первой половине XVII в. город Красноярск называли *Кызыл-яр-тура*. Они г. Тобольск называли *Тобол-тура*.

Г. *Верхотурье* находится на р. *Тура*, впадающей в р. Тобол недалеко от г. Тюмень. В XVII веке на р. Нице недалеко от г. Тюмень находилась старинная татарская крепость *Чубар-тура*.

Главный город Ойротии¹ называется *Ойрот-тура*².

Название *тура*, очевидно, имеет общетюркское происхождение от слова *турмок* (узб.) 'вставать', 'стоять', 'находиться', 'пребывать', 'жить', 'жительствова́ть'; *турмуш* (узб.) 'жизнь', 'жизье', 'быт'; *туриш* (узб.) 'стояние', 'остановка'; *турлаг* (тув.) 'селение', 'стойбище', 'лагерь'.

По вопросу происхождения *тура* имеются высказывания у акад. Н. Я. Марра. Он, разбирая происхождение названия города *Кострома* (*kos-tro-ma*), приходит к заключению, что [оно] значит 'построение', 'город'. Он пишет: *tro* в архетипе *tor* в этом комплексе названий города имеет значение не этнического термина, а нарицательного: 'построение', 'город', собственно, глагол *строить* в первую очередь происходит от нарицательного

¹ Современная Республика Алтай.

² Современный Горно-Алтайск, столица Республики Алтай.

имени *дом* (*постройка*), каковое значение вытекает из семантической формы ‘небо’ (‘кров’) // (‘защита’) ‘дом’ [Марр, 1935].

Таким образом доказывается, что *тура* как ‘город’ или ‘изба’ по-хакасски имеет происхождение не чисто хакасское, а общетюркское и, возможно, даже яфетическое происхождение.

Возвращаясь к возможным эвенкийским элементам в хакасском, надо сказать, что кроме *сон* ‘приток’, ‘речка’ по-эвенкийски, соответствующего р. *Сон*, впадающей в озеро Шира, имеются еще в Хакасии р. *Бюръ* – приток р. Абакан слева и р. *Биря* – приток р. Енисей справа. Они напоминают нам *бира*, это слово в эвенкийском языке обозначает понятие ‘река’.

К тому же некоторые элементы языка эвенков и хакасов совпадают. Так, например, *мэн* по-эвенкийски значит ‘сам’, *мин* по-хакасски – ‘я’. *Эбей* по эвенкийски – ‘медведь’, *аба* – по-хакасски. Поэтому считаем, что названия хакасских речек, возможно, общи с эвенкийскими.

Смешение географических названий

Многие географические названия составлены из элементов различных языков: хакасский, русский и другие.

В составе топонимики Хакасии встречаются следующие смешения в географических названиях и в русском грамматическом оформлении:

1. *Абаканка*, нас. п.;
2. *Саянка*, нас. п.;
3. *Чеханка*, речка, река *Чехан*;
4. *Усть-Балыкса*, нас. п.;
5. *Усть-Шора*, нас. п.;
6. *Усть-сайтак*, нас. п.;
7. *Малый Джамтик*, нас. п.;
8. *Средний Изыгач*, нас. п.;
9. *Большой Ортон*, нас. п.;
10. *Верхний Туим*, нас. п.;
11. *Белая Июс*, нас. п.;
12. *Тагарское озеро*, нас. п.

Из примеров видно, что географические названия оформлены:

1. При помощи суффикса *-ка* с уменьшительным оттенком: *Абаканка*, *Саянка*;
2. При помощи слова *усть* вместо хакасского *тилтир* ‘устье реки’;
3. При помощи прилагательных: *малый*, *средний*, *большой*, *верхний*, *белая*;
4. При помощи родовых окончаний прилагательных *-ый*, *-ий*, *-ая* и др.

Здесь же следует особо отметить тот общественный факт, что наряду с географическими названиями встречаются, по выражению Н. Я. Марра, неразлучные с ними племенные названия.

Так, на территории Хакасии сохранились названия ныне исчезнувших самоедских племен Саянского нагорья:

Р. Матур, приток р. Абакан слева; *Н. Матур*, улус в Таштыпском районе.

Населенный пункт *Кайбалы* находится недалеко от г. Абакан, на берегу р. Енисей. Среди хакасов есть племя, носящее имя *койбалы* с хакасским языком и культурой, подобно тому, как в Узбекистане отдельные группы узбеков носят монгольские племенные названия, как *барласы* – на Кашкадарье, *джа-лаиры* – у Ходжента, *каучины* – в бассейне верховьев Амударьи и т. д. с узбекским языком и культурой.

На р. Аскыз, притоке р. Абакан слева, находится нас. п. *Барласов*. [это название] по звуковому составу точно совпада[ет] с древнемонгольским родовым именем *барласы* (*барулас*, *берулас*, *берлас*, *балос*). В исторических работах *барласы* впервые встречаются ко времени появления монголов на исторической арене, т. е. с XII в. [Козин, 1941, с. 83].

Но, кроме этого, большое значение, видимо, имело нанесение на карты географических названий людьми, не знающими местный язык.

Сейчас хакасская топонимика нуждается в исправлении этих недостатков путем установления нормы правописания географических названий, имеющих важное значение для жизни страны.

Резюме

1. Краткий обзор географических названий показывает, что [они] в языковом отношении принадлежат многим народностям: хакасам, шорцам, ойротам, татарам и русским, кроме того, предположительно, тунгусам (эвенкам), монголам и другим народностям.

2. Предлагаемая работы служит началом систематического изучения хакасской топонимики и не претендует дать исчерпывающие ответы на все затронутые вопросы, а лишь обращает внимание ученых-хакасоведов, работающих в области истории хакасского народа на важность данных топонимики как на дополнительный источник в написании истории хакасского народа. Самый труд представляет собой опыт исследования хакасской топонимики в виде предварительного сообщения.

3. Топонимика по своему содержанию непосредственно касается истории народов, которые жили или живут на территории Хакасии. Но она одновременно разрешает важную проблему формирования хакасского народа.

В течение долгого периода истории хакасского народа как сами хакасы, так и те народы, которые упоминаются в этой работе, несомненно, между собой общались, а с некоторыми из них и сейчас живут. Эти общения дают нам право высказать, какие же народности передали элементы своей культуры, языка и т. д. хакасскому народу.

4. В заключение следует сказать, что, к сожалению, по техническим причинам мы не можем дать в данной работе в качестве приложения географическую карту с обозначением на ней географических названий, приводимых в предлагаемой работе в качестве примеров.

Районы расположения на карте географических названий по соответствующим языкам для научных обобщений имеют чрезвычайно важное значение.

Судя по тому, в каких местах расположены те или иные географические названия, мы можем сказать, чем занимались народы, к которым принадлежат в языковом отношении эти географические названия. Так, например, если в горных районах встречаются географические названия, принадлежащие в языковом отношении к одному определенному народу, то мы можем сказать, что он занимался охотой. Если географические названия, принадлежащие к другой языковой группе, расположены по степной части, то имеем основание сказать, что этот народ занимался скотоводством, а если географическое название, принадлежащее к третьей языковой группе показывает, что народ, которому принадлежат эти географические названия показывают сходства в названиях рек, озер и т. д., то мы можем сказать, что этот народ занимался рыболовством и т. д.

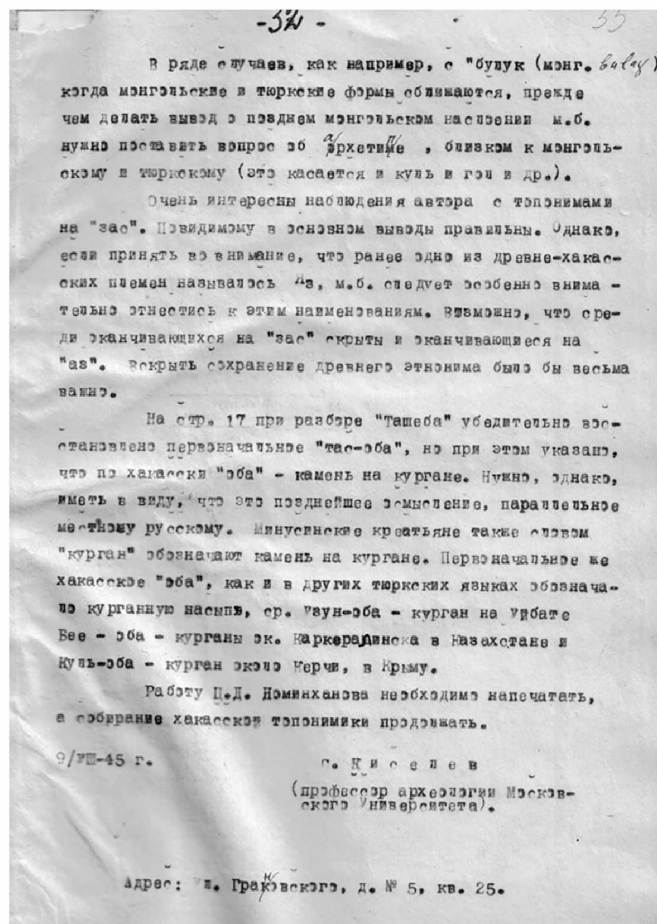
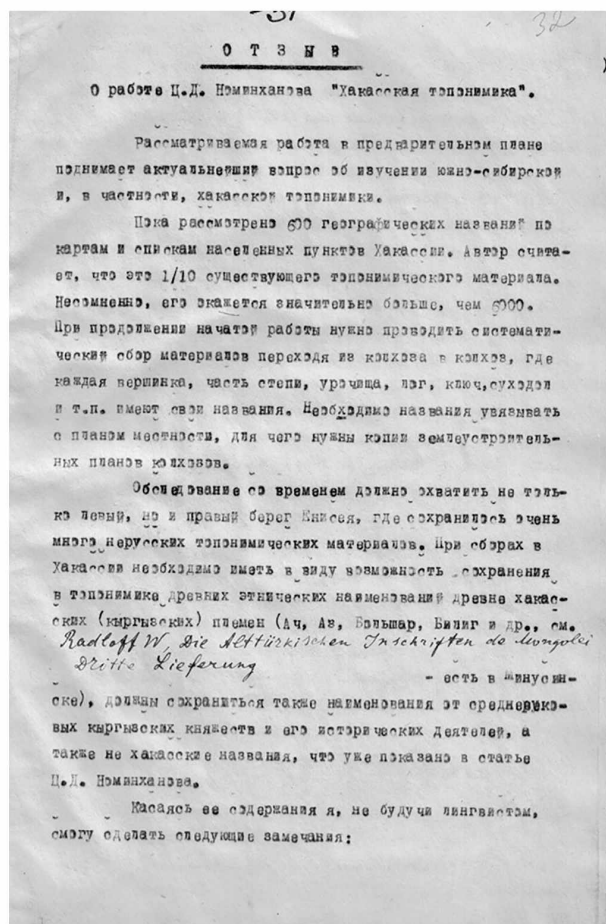
Сокращения

МЛЭЭ – Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»: подлинный текст с пер. и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. А. Позднеева. СПб.: тип. АН, 1883. XXXVIII, 421 с.

РМС – Дамдин-сурэн Ц., Лупсан-Вандан Ш. Русско-монгольский словарь. Улан-Батор: Ученый комитет МНР, 1942. 434 с.

ЭРС – Василевич Г. М. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 208 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТЗЫВ о работе Ц.-Д. Номинханова «Хакасская топонимика»¹

¹ Отзыв написан крупным отечественным исследователем, археологом, членом-корреспондентом АН СССР, доктором исторических наук С. В. Киселевым.

Фотографии № 3–4. Отзыв С. В. Киселева.
Photos no. 3–4. S. V. Kiselyov's review

Рассматриваемая работа в предварительном плане поднимает актуальнейший вопрос об изучении южносибирской и, в частности, хакасской топонимики.

Пока рассмотрено 600 географических названий по картам и спискам населенных пунктов Хакасии. Автор считает, что это 1/10 часть существующего топонимического материала. Несомненно, его окажется значительно больше, чем 600. При продолжении начатой работы нужно проводить систематический сбор материалов, переходя из колхоза в колхоз, где каждая вершинка, часть степи, урочища, лог, ключ, суходол и т. п. имеют свои названия. Необходимо названия увязывать

с планом местности, для чего нужны копии землеустроительных планов колхозов.

Обследование со временем должно охватить не только левый, но и правый берег Енисея, где сохранилось очень много нерусских топонимических материалов. При сборах в Хакасии необходимо иметь ввиду возможность сохранения в топонимике древних этнических наименований древнехакасских (кыргызских) племен (ач, аз, большар, билиг и др., см.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung), должны сохраниться также наименования от средневековых кыргызских княжеств и его исторических деятелей, а также не хакасские названия, что уже

показано в статье Ц.-Д. Номинханова. Касаясь ее содержания, я, не будучи лингвистом, смогу сделать следующие замечания:

В ряде случаев, как, например, с *булук* (монг. *bulu*), когда монгольские и тюркские формы сближаются, прежде чем делать вывод о позднем монгольском наложении, может быть, нужно поставить вопрос об архетипе, близком к монгольскому и тюркскому (это касается и *куль*, и *гол* и др.).

Очень интересны наблюдения автора с топонимами на *-зас*. По-видимому, в основном, выводы правильные. Однако, если принять во внимание, что ранее одно из древне-хакасских племен называлось *аз*, может быть, следует особенно внимательно отнестись к этим заимствованиям. Возможно, что среди оканчивающихся на *-зас* скрыты и оканчивающиеся на *-аз*. Вскрыть сохранение древнего этнонима было бы весьма важно.

На с. 17 при разборе [топонима] *Ташеба* убедительно восстановлено первоначальное *тас оба*, но при этом указано, что по-хакасски *обаа* – камень на кургане. Нужно, однако, иметь в виду, что это позднейшее осмысление, параллельное местному русскому. Минусинские крестьяне также словом *курган* обозначают камень на кургане. Первоначальное же хакасское *обаа*, как и в других тюркских языках, обозначало курганный насыпь, ср. *Узун-оба* – курган на Уйбате, *Бее-обаа* – курганы около Каркаралинска в Казахстане и *Куль-оба* – курган около Керчи в Крыму.

Работу Ц.-Д. Номинханова необходимо напечатать, а собрание хакасской топонимики продолжать.

9 августа 1945 г.

С. Киселев (профессор археологии Московского университета)

Адрес: ул. Грановского, д. 5, кв. 25.

Литература

История монголов. Соч. Рашид-Эддина/Пер. с перс. И.Н. Березина. СПб.: тип. Имп. АН, 1858. 322 с.

Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. Дореволюционная Тува. Ч. 1. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. 202 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niᡔuᡤa tobèj an*. Юань чао би ши: Монг. обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.

Колесов Г.Г., Потапов С.Г. Советская Якутия. М.: Соцэкгиз, 1937. 339 с.

Левашева В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск: Красноярск, 1939. 68 с.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. I. Этапы развития яфетической теории. Л.: Государственная академия истории материальной культуры, 1933. 437 с.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. IV. Основные вопросы истории языка. М.: Соцэкгиз, 1937. 326 с.

Март Н.Я. Избранные работы. Т. V. Этно- и глоттогония Восточной Европы. М.: Соцэкгиз, 1935. 666 с.

Поппе Н.К. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 196 с.

Прокофьев Г.И. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменности народов Севера. Ч. 1.: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.-Л.: Гос. научно-педагогическое изд-во, 1937. 231 с.

Черемисов К.М., Румянцев Г.Н. Монгольско-русский словарь (по современной прессе). С пред. проф. Н.Н. Поппе. Л.: Ленинградский восточный институт, 1937. XVII, 564 с.

Энгельс Ф. Франкский диалект. М.: Партиздат, 1935. 144 с.

References

Cheremisov K. M., Rumjancev G. N. *Mongol'sko-russkij slovar' (po sovremennoj presse)* [Mongolian-Russian dictionary (according to the modern press)]. Edited by N. N. Poppe. Leningrad, Leningrad Eastern Institute. XVII, 1937, 564 p. (In Mongolian and Russian).

Istoriya mongolov. Soch. Rashid-Jeddina [History of the Mongols. Rashid-Jeddina]/translated from Persian by I. N. Berezina. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Typography, 1858, 322 p. (In Russian).

Jengel's F. *Frankskii dialect* [The Frankish dialect]. Moscow, Partizdat, 1935, 144 p. (In Russian).

Kabo R. M. *Ocherki istorii i jekonomiki Tuvy. Dorevoljucionnaja Tuva. Ch. 1.* [Essays on the history and economy of Tuva. Pre-revolutionary

- Tuva. Part 1]. Moscow-Leningrad, Sotsekgiz, 1934, 202 p. (In Russian).
- Kolesov G. G., Potapov S. G.** Sovetskaya Yakutiya [Soviet Yakutia]. Moscow, Sotsekgiz, 1937, 339 p. (In Russian).
- Kozin S. A.** Sokrovennoe skazanie: Mongol'skaja hronika 1240 g. pod nazvaniem Mongol un niruča toběj an. Juan' chao bi shi: Mong. obydenyj sbornik. T. 1. Vvedenie v izuchenie pamjatnika. Perevod, teksty, glossarii [The secret legend: The Mongolian chronicle of 1240 under the title Mongol un niucha by you an. Yuan Chao bi shi: Mong. everyday collection. Vol. 1. Introduction to the study of the monument. Translation, texts, glossaries]. Moscow-Leningrad, the USSR Academy of Sciences Publ., 1941, 620 p. (In Russian).
- Levasheva V. P.** Iz dalekogo proshlogo juzhnoj chasti Krasnojarskogo kraja [From the distant past of the southern part of the Krasnoyarsk Region]. Krasnoyarsk, Krasnoyargiz, 1939, 68 p. (In Russian).
- Marr N. Ya.** Izbrannye raboty. T. I. Jetapy razvitija jafeticheskoj teorii [Selected works. T. I. Stages of development of the japhetic theory]. Leningrad, State Academy of the History of Material Culture, 1933, 437 p. (In Russian).
- Marr N. Ya.** Izbrannye raboty. T. IV. Osnovnye voprosy istorii jazyka [Selected works. Vol. IV. The main issues of the history of the language]. Moscow, Sotsekgiz, 1937, 326 p. (In Russian).
- Marr N. Ya.** Izbrannye raboty. T. V. Etno- i glottogonija Vostochnoj Evropy [Selected works. Vol. 5. Ethno- and glottogony of Eastern Europe]. Moscow, Sotsekgiz, 1935, 666 p. (In Russian).
- Poppe N. K.** Grammatika pis'menno-mongol'skogo jazyka [Grammar of the written Mongolian language]. Moscow-Leningrad, the USSR Academy of Sciences Publ., 1937, 196 p. (In Russian).
- Prokofev G. I.** Nenetskii (yurako-samoedskii) yazyk [The Nenets (Yurako-Samoyedic) language]. In: Languages and writing systems of the peoples of the North. Part 1: Languages and writing systems of the Samoyedic and Finno-Ugric peoples. Moscow-Leningrad, State Scientific and Pedagogical Publ., 1937, 231 p. (In Russian).

РАБОТА НАД РУКОПИСЬЮ «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА» (2 ТОМ): ПРОБЛЕМЫ, ТЕРМИНОЛОГИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ

И. М. Чебочакова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: irina.chebochakova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6408-8457

Для лексикографической традиции и литературного языка толковый словарь имеет огромное значение, поскольку он являет собой важный, очень значимый результат развития лексикографии, обобщающий в себе опыт работы над словарями других типов, вносящий большой вклад в развитие норм литературного языка. Целью работы является освещение особенностей подготовки рукописи второго тома толкового словаря хакасского языка авторами-составителями. В ходе работы авторы-составители опирались на принципы составления словарей такого рода. Перед ними возникали определенные затруднения в виде отсутствия иллюстративного материала для части слов, ограниченных в употреблении, отсутствия некоторых абстрактных терминов в связи с тем, что в период становления хакасского литературного языка не велась специальная работа в области создания терминологии, ограниченности времени, выделенного на работу со словарем. Положительной стороной процесса разработки данного словаря считаем выявление и описание новых значений, национально-культурного компонента значений лексем. Значимым аспектом данной работы является то, что она написана на хакасском литературном языке, при недостаточности научных работ на хакасском языке ее можно считать важным вкладом в развитие научного стиля. Важнейшей задачей хакасского языкознания сегодня остается составление словарей различного типа. В условиях угрозы исчезновения части словарного богатства хакасского языка, представляющего собой отражение тысячелетних знаний народа об окружающем мире, весьма необходимы его описание, систематизация и представление опубликованных результатов работы исследователей в виде серии фундаментальных словарей.

Ключевые слова: хакасский язык, толковый словарь, прикладное исследование, рукопись.

WORK ON THE MANUSCRIPT «THE EXPLANATORY DICTIONARY OF THE KHAKASS LANGUAGE» (VOLUME 2): PROBLEMS, TERMINOLOGY, RESULTS

Irina M. Chebochakova

Khakass Scientific Research Institute for Language, Literature and History, 23 Shchetinkina Str., Abakan, 655017, Russia; email: irina.chebochakova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6408-8457

For the lexicographic tradition and standard language, the explanatory dictionary is of great importance, since it is an important, very significant result of the development of lexicography, generalizing the experience of work on dictionaries of other types, making a great contribution to the development of the standard language norms. The purpose of this work is to cover the features of preparation of the manuscript for the second volume of the explanatory dictionary of the Khakass language by the authors-compilers. In the course of the work, the authors-compilers relied on the principles of compiling dictionaries of this kind. They faced certain difficulties in the lack of illustrative material for some of the words limited in use, the absence of some figurative terms due to the fact that during the formation of the Khakass standard language, no special work was carried out in the field of terminology creation, limited time allocated to work with the dictionary. The positive side of the process of developing this dictionary is the identification and description of new meanings, the national-cultural component of the meanings of lexemes. The significant aspect of this work is that it is written in the Khakass standard language, with the insufficiency of scientific works in the Khakass language, it can be considered an important contribution to the development of scientific style. The most important task of Khakass linguistics today remains the compilation of dictionaries of various types. Under the threat of disappearance of part of the Khakass language vocabulary, which is a reflection of thousands of years of knowledge of the people about the world around them, its description, systematization and presentation of the published results of the researchers' work in the form of a series of fundamental dictionaries are highly necessary.

Keywords: Khakass language, explanatory dictionary, applied research, manuscript.

Лексикографическое направление работы сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории с момента создания института всегда являлось очень важным, лингвисты занимались подготовкой как двуязычных школьных словарей, орфографических, так и академических словарей хакасского языка, это «Хакасско-русский словарь» (1953), «Русско-хакасский словарь» (1961), «Хакасско-русский словарь» (2006).

Целью работы является освещение особенностей подготовки рукописи второго тома толкового словаря хакасского языка авторами-составителями.

Для лексикографической традиции и литературного языка толковый словарь имеет огромное значение, поскольку он являет собой важный, очень значимый результат развития лексикографии, обобщающий в себе опыт работы над словарями других типов, вносящий большой вклад в развитие норм литературного языка.

Первый том толкового словаря хакасского языка был издан в 2020 году. В него вошли словарные статьи букв А-П (около 5 тыс. слов).

В августе 2023 года авторы-составители завершили работу по второму тому. Он включает 7507 словарных статей, общий его объем составляет 112,6 п. л.

Его базой стала половина объема Краткого толкового словаря хакасского языка, работа над созданием которого началась в 1992 году. В коллектив авторов вошли все сотрудники, в разное время работавшие над его разработкой, это Анжиганова О. П., Белоглазов П. Е., Кызласов А. С., Каскаракова З. Е., Субракова О. В., Субракова В. В., Сунчугашев Р. Д., Чебочакова И. М. В авторский коллектив 2 тома вошла и молодой сотрудник сектора Кичеева К. В.

В процессе работы авторы-составители опирались на принципы составления словарей такого рода. В инструкции, разработанной в 90-х гг. заведующей сектором языка, кандидатом филологических наук Анжигановой О. П., старшим научным сотрудником, кандидатом филологических наук Субраковой О. В., была определена структура сло-

варной статьи, включающей грамматическую характеристику слова, его толкование на хакасском языке, пометы, характеризующие стилистические свойства, перевод слова на русский язык, иллюстративные примеры на употребление слов в свободных, связанных словосочетаниях и предложениях.

В ходе работы над словарем перед авторами-составителями возникали затруднения разного рода.

1. Не все представленные слова были обеспечены иллюстративным материалом, например, архаизмы, которые в современных текстах не употребляются. В подобных случаях приходилось прибегать к собственной языковой компетенции, конструировать словосочетания и предложения. Примеры: **ЎЧҮРҮП** мод. сөс. Айабас, арса. – саг. Видимо, возможно, вероятно, может быть. *Ўчүрүп, оң даа пол парар тиске чолда. Ўчүрүп, ол тайгазар чалгысхан даа парыбызар. Чарым айча иртти полар, ўчүрүп. ЎТЛЕК* адал. Песте тимір лист чох пызырган халас. – Калач, печеный в печи без листа. *Ічем угаа тадылыг ўтлектер пызыр салган. Ўтлектерім көй партыр.* В приведенных выше словарных статьях примеры на употребление сконструированы авторами-составителями словаря в связи с отсутствием примеров на слова **ЎЧҮРҮП** и **ЎТЛЕК** в картотеке сектора языка.

2. В хакасском языке в силу объективных причин (истории его развития, особенностей категоризации объектов действительности – противопоставления одушевленного человека всем остальным «неодушевленным» объектам окружающей действительности (среди прочих объектов «неодушевленными» являются и живые существа), а также недостаточности целенаправленной работы в области терминологии в советский период) нет ряда специальных терминов, на которые необходимо опираться при построении толкования, в отличие, например, от русского языка, в котором есть слова *категория, свойство, разряд, событие, явление, эмоция* и т. п. В качестве опорных терминов в составе толкований использовались слова *кiзi* ‘человек’, *мал* ‘скот’, *аң* ‘зверь’, *хус* ‘птица’, *син* ‘мера’, *идiг* ‘действие’, *оң* ‘цвет’, *пiлдiрiг* ‘признак’, *оңдай*

‘способ, образ’, *тиріг* ‘орудие’, *өзім* ‘растение’, *нине/нине-ноо* ‘вещь (в широком смысле)’, *сөс* ‘слово’, *орын* ‘место’, *чардых* ‘часть’, *сари* ‘сторона’, причастные конструкции, обычно в форме настоящего или прошедшего времени и др.

Приведем примеры: **ЧААЦАХ** I адал. Ухчаа; час агастан иткен, соғаннаң атчан *тиріг*. – Лук (оружие). *Пабазының чаацағын алып, ойын аразында хус атхлап чөрчелер* (АО). *Час агастан иткен чаацахтарыбыснаң чолда ах атып ойнап, сала ла орайлат салбаабыс пайрамның саңай хыныстыг тузына* (МТ). *Ол холга ла урунган нимелерні – хыптыны паза чаацах тиміреен хаап алган* (ГК ПА). **ЧАДЫҒ** адал. 1. Тур полбас иде *полчатханы*. – Лежачее состояние. *Кізі сөзін испеен, прайзынаң хада тіспен тозынган, аның соонаң үрге чадыга кір парган* (ВТ АТ). *Кичее ирде, тізең, пабазы чадыга кір парган* (ВТ АТ). *Уполномоченнайның көрізінең, чаргылатханнарның хазии хомай нимес, ірдеезі чадыга кірбеен, көбізі тырбахтыг ла* (ХЧ). 2. Пір дее нине итпин *амырап парганы*. – Покой. *Палалыг истіг чадыг чоғыл. Чарым хараа чадыг тирбессім* (А М). *Ол хараагызын піс чадыг пілбин ыраххыны чагын идіп, чагынхыны ырах идіп иртіргебіс* (ВК А). 3. Пала *орны*. – Послед. *Пала чадии. Пала чадин иркін алтында чытчатханы сын ма? Пала чадин имчілер көріп алчалар нимес пе?* 4. Малға төзелчеткен *нине*. – Подстилка для скота. *Інек чадин алыстырдың ма? Мал чадин ол нимес, ам даа сыдазарлар. Пызоларның чадин хандыра, хуп-хуруг сызыр.*

3. В процессе работы над толковым словарем обнаруживались новые значения, но в связи с ограниченностью времени на подготовку словаря, не всегда удавалось вывести, описать все существующие значения или подобрать примеры к выявленному значению.

4. Слабая дифференцированность некоторых частей речи, в основном, существительного и прилагательного, прилагательного и наречия также вызывала затруднения в процессе их описания. В таких случаях мы старались отразить эти значения в переводах на русский, данных через 2 косые черты, исходя из степени их выраженности. При-

меры: **ЧИИТ** 1. Чазынаң улуғ нимес. – Молодой (по возрасту) // молодо // молодость. *Мал соонча ніскечек азахтыг, поэрах атха мұн салган, чиит оол пастырчатхан* (ИК МН). *Ол миннең чиит*. 2. Чазынаң улуғ нимес кізіні таныхтапчатхан, андағ кізінең палғалыстығ. – Молодой, свойственный человеку молодого возраста, связанный с таким человеком//молодо. *Кізі кірізе дее, чүрее чиит полча тидірлер нооза* (ИК ХХ). 3. Чапчан ондайлығ, ачых-чарых. – Бодрый, живой, жизнерадостный (о человеке любого возраста, его состоянии, чертах характера и т. п.) // бодро, живо, жизнерадостно. *Апсахтың харахтары, чиит сусталып, чарааннар*. 4. Хайдағ-да тоғысха алай кирекке пілізі читпинчеткен. – Неопытный для чего-л., непригодный по молодости к чему-л. *Сірер чиитсер, аннаңар пу тоғысты ит полбинчазар*. 5. Ыр ниместе пол килген, пүткен, өс килген; наа ла пастапчатхан. – Недавно появившийся, начавший существовать, расти; начинающий. *Оларның көбізі – чолда астых парган чиит хустар* (ХЧ). 6. Ыр ниместе пүткен. – Недавно возникший, образовавшийся. *Читі пулуңныг Хакас чирінде чиит наа городым пар полча* (АТ). **ҮННІГ** 1. Ын органнары хыймыраан сылтаанда сыхчатхан, кии хоостыра тарап, хулахха истілчеткен табыстығ. – Имеющий голос; с голосом. *Сиих-таас үннің ир кізічек хыстар алнында матап ир саап парча. Мында аның осхас нымзах үннің кізілер көп табылбас* (ХЧ). *Хайдаг чирде арыг үннің көк хузы тапсабызар – арыг сіліг Ай Хуучын аны тыңнап турадыр* (АХ). 2. Ырлапчатхан туста тамахтың чыырындылары хыймырапчатханы хоостыра пүтчеткен табыстығ, андағ ондайлығ; ырлап полчатхан. – Имеющий голос, качество его звучания; с голосом; способный петь. *Ол угаа сіліг үннің хайчы кізі полган* (КМ ХЧ). *Пиди көрзе, ансамбьда олаңай ла, хоолама даа нимес үннің ирлер* (МТ ТХЧ). *Вася Круглов саң осхас сыңыраах үннің, сарынчы, өткін-чїткін оол полган* (ИК МН). 3. Ынненчеткені пар (көг тирииненер). – Имеющий звучание, со звучанием (о музыкальном инструменте). *Чоон үннің чатханым, хоолап тир чахсы чонга! Чорга ат чїли, тимір хомыс сагызымны ырах апарча, хорлах суучах чїли чарых үннің хомыс хомай сагызымны*

хыйа итче. 4. Пірее ниме хоостыра сағыстығ, пірее ниме хоостыра сағызы пар, сөстіг, сөзі пар. – Имеющий мнение, суждение, высказывание; имеющий свое слово, мнение. *Піс пір үннің поларға кирекпіс, пасха оңдай чоғыл. Полған нимені айландыр полбассың, аймах-пасха үннің чон пасха-пасха сариларға тартар.* 5. Суулапчатхан, күүлепчеткен (нимелерденер). – перен. Производящий шум, гул (о каких-л. объектах). *Чарых үннің суулах хазыңнар аразында пас чөрчем, мында ла мин ник тын полчам. Күүлек үннің көк тайғам, хайдаг хайхастығзың син! Ікі тағ аразыңа Торғай, улуг даа нимес, че угаа сыңырос үннің, сарынчы сууцах ахча (БФ ТО).* 6. Өтіг, іле истілчеткен. – Звонкий // звонко. *Сөсте мин үннің истілчем. Үннің табыс кинетін истіл парғаны Тапайны чочыт салған.* 7. Үн аралазиинан пүтчеткен. – грам. Звонкий, согласный, произносимый с участием голоса. *Үннің паза туных согласнайларны пасхалиры сидік нимес. -Ны/-ні гласнайларға, сонорнай паза үннің согласнайларға тоозылчатхан сөстерге хозылча (ХТМ).* 8. Хайдаг-да хазна, халых сурығлары хоостыра постың сағызын читірчең праволығ. – Имеющий голос, право голосовать; с голосом. *Пис үннің сөбірені табарға сидік, че андагны таап алзаң, оларнаң чахсы тоғын, кандидадыбысха үннерін тирерге чөпте. Пүүнгі күнге республика пазы миллион үннің полча.*

Перейдем к положительным аспектам рукописи второго тома толкового словаря хакасского языка.

К таковым мы относим выстроенную авторами систему отсылок. Поскольку хакасский язык является многодиалектным, в художественной и публицистической литературе часто встречаются диалектизмы, в том числе и семантические. Система отсылок позволяет определить литературное слово, соответствующее диалектизму, либо найти его синонимы. Примеры: **ҮҮН** адал., көр.: **үүнчек**. 1. Хайдаг-да алынча ниме-нооларның пір чирде үстү үстүне салылғаны. – Куча, груда чего-л. *Түрчениң не аразында төңде ікі үүн көрінібіскен. Пушицкий хара тас үүннеріне көлене чылча, а Пахомов хорғыстығ участокты кизіре табырах чүгүрібісче (АТ).*

2. *Сабылған, кизілген хуруғ от пір орынға пазы устығ иде чыы салылғаны. – саг. Стог сена. Үүн тастирға. Чииттер бригадазы, наңмыр чағанча, үүн тастап саларға күстенгеннер. Үүн істіне наңмыр кір парза, от чызир, аннаңар тастын чылбырат саларға кирек-телче; ТИПЧӨС адал., көр: типсінчек. – кач., диал. Булавка. Ыстаны суурыл парбазын тіп, ол типчөснөң хантыр салтыр. Типчөс кічиг ле полғанынаңар, анзы пір дее нимее чарабас тіп, сағын салған (ТЛ О); ТИРГІ адал., кыз. Изернің чүк палғачаң хомыс пағлары; соондағы изер пазына чүк палғачаң хаас пағлар. – Торока, вьючный ремень. Алын тиргіні иттеп саларға. Кизін тиргідең чібек арғамчыны систібіскеннер (АТ). Тиргілерін ибде артыс салып, ол күн чоо ирееленгеннер (ДН ЫА); ТИПЧІ адал. 1. көр.: типсі. – То же, что типсі. 2. Питуктың азахтарындағы соонзар иде өс парған узун хатығ нимелер. – саг. Шпоры у петуха. Типчі тузында өс парча. Питуктың типчілері тың узун өс парбазын тіп, оларны хырыгыбысчаңар; ЧААН адал. Сари. – саг. Сторона. Школа ол чаанда турчатхан. Паза ла көргенде, тігі чааннаң олғаннар күреліс килтірлер. Алны чааныма ах мал пұт халзын, кисті чааныма аңнаң хус пұт халзын (ЧТ).*

Положительной стороной процесса разработки данного словаря считаем выявление и описание новых значений. В некоторых случаях число новых значений выросло значительно. Например, у глагола **ЧӨРЕРГЕ** [чөр-] нами выделено 17 значений (в «Хакасско-русском словаре» представлено 9 значений [Анжиганова и др., 2006, с. 999]): 1. Пір орында турбасха, азах алай тегілек күзінең тибіренерге, чорыхта поларға. – Двигаться, быть в движении, ходить, ездить. *Андаг полганда, отряд чубанмин, табырагынча тимге сыгып, чөр сыххан (МТ). Кем-де ам даа аттығ чөрче, кем-де – никке чөрчең машиналығ, пірдең компьютерліг машиналығ (ХЧ). Прайлары аттарын тибеңни, аттарының ахсыларын сіліге тартып, тағ төбін чөр сыхханнар (АТ).* 2. Тоғынарға (нимеденер). – Ходить, быть на ходу (о моторе, механизмах и т. п.). *Машина чахсы чөрче. Чазым узанчаң соонда саңай чөрбинібіскен. Тракторың чахсы чөрче бе алай*

ба мында аны тыхтап турчазың ма? Анаң час чөрбинібіскен (П). 3. Чуртирға, поларға. – Жить, существовать. Ол ам даа чөрче бе? Улабаң хазых чөрче бе? Чадап чөріп, сині ир өскірдім (ХН). 4. Пірее кізее тоғынарға, чалда поларға. – Служить, работать, батрачить на кого-л. Кізіде 3 чыл чөрдім. Хара чон, тогысчы чон, анда-мында чөргеннерім! Ақун апсах чиитте хаас пайларда тис чыл чөртір. Микитеде чөрген ипчі кізі, тимір лампацахты тамызып, стол үстүне тургыс салган (ВК). 5. Көрерге. – Ухаживать за кем-, чем-л. Алныкистіне чөрчең. Хызирке хазинезінің соонаң иледе чыллар чөрген. Палалар соонаң чөрбеспін, майыхчам! 6. Тус иртірерге, хада поларға, ынағ поларға. – Ходить, гулять, дружить. Палалар хада ла чөрчелер, олар азырылыспас-нарбас нанчылар нооза. Пастап чоох-тастин даа чөрчең полгабыс (ХЧ). Иирзер Тойана, аны таап алып, танга чөрерге хыгырча (АХ). 7. Хынызарға, хада поларға. – Быть в любовной связи. Аның чөрчең хылиш нар. Чөрчеткен ир кізі алыспас. Олар хақан-да чөргеннер, че соонаң хыныстары тоозыл парган одыр. 8. Тузаланыста поларға (ахча-дана парза ан. п.). – Иметь хождение (о деньгах и т. п.). Салковайлар хайдаг хазнада чөрчелер? Турцияда доллар даа чөрче, аннаңар ахчаны мындох орнастырыбызарға чарир. Чонда, чүзер, муңар чыллар чыылып, аның сагыс-көгізін, хыйгазын көзітчеткен сөс көп чөрче (ХЧ). 9. Ойында карт алай фигура теести пирерге. – Делать ход (в игре). Пайса иң чахсы картынаң чөрбинче, хайраллапча аны. Чапчаң чөрзең, сині хараа тооза сахтирға ба? Картың паза чоғыл ба, нога чөрбинібістің? 10. Парға. – Уйти, уехать. Олар, тиренген аттарына азых-түлүк артып, анда чөрібіскеннер (ХН). Өкіс палазын чидініп алып, чөрібіскен, аалның алнында хақан чуртаң ибічеене килибіскен, анда чуртап чобалыбысхан (ХН). Чөр сагамох! (ВКАТ ХЧ). 11. Кемзер-де, хайдар-да килчедерге. – Посещать кого-, что-л. Узанчаңзар ол үс-төртче хати чөр парир (ФБ ПТН). Азбанда Ирт тагдагы мемориал комплексінзер чон көп чөрче (ХЧ). Олган сады улуг, андар 200 азыра пала чөрче (ХЧ). 12. Оттирға. – Пастись. Чылгылар амыр чөрчеткенде, паза чітіг Сабизі сарыг тайның

үстүнде полганда, Сагдайга сагыссырачаң ние чох полган (НД ЫА). Хойлар матап чөріп алган поларлар, аалзар оларны айландыр сал. 13. Чорыхта, чолда поларға, идігнің төреміл, аймах-пасха туста, орында, анда-мында полчатханын көзітче. – Ездить, обозначает действие повторяющееся, совершающееся в разное время, в разных направлениях, а также взад и вперед. Ол Индіркі Төөзер Ыс чулдаң чөрче (ХЧ). Сагалаковтар сөбірезі чыл сай тайгазар чөрче (ХЧ). Ам даа ол пу тогыстаң оортах турбинча, өөрелерінең хада хакас аалларча чөрче (ХЧ). 14. Кизерге; хайди-да тонаның, хайдаг-да көрімнің поларға. – Ходить, носить на себе что-л.; быть одетым, выглядеть каким-л. образом. Аннаңар хайдаг даа сидік тустарда піс, палалар, иптіг кип-азахтыг чөрчеңміс (ХЧ). Пу ипчі хайди-да ла тонан чөрче, чыртых кип-азахтыг чөріп одырча. Ізем міні чахсы көрчең, хақан даа иптіг көрімнің чөрчеңмін. 15. Пірее аттың, должностьтыг поларға. – Состоять в какой-л. должности, звании. Мамочаков ам даа кічіг наука тогыңчызы полып чөрче. Син ам даа прапорищик полып чөрчезің ма? Чааңылар, хырыг озаринда пол килзелер, иргі аттыг паза чөрбинчелер, пөзік арах ат алып алчалар. 16. Пір орыннаң пасха орынға тибірінерге, чидерге. – Передвигаться, перемещать себя, свое тело с одного места на другое. Ол коляскалыг ла чөрче. Пу хара хоос чапчаң чөр полбинча. Город киніне читіре агырыг кізее аар чөрерге. 17. Хадыл иділістің полызығлыг чардығы, иледе алай ба төреміл иртчеткен идігні таныхтапча. – В качестве вспомогательного глагола придает действию основного глагола характер длительности, постоянства. Күннің кір чөрче. Алчаастаң хаап алзаң – ол сахча ізіг, паза ундуттин чөрерзің – хорыгып (ВМ КС). Халын тайгазын аралап чөредір, харсахтыг аңнарны атып чөредір (ХН). □ **Чайгызын хатхыр чөредір, хысхызын сыхтап чөредір.** – Летом веселится, зимой слезы льет (букв. Летом смеясь ходит, зимой причитая ходит). Возьмем также в качестве примера словарные статьи слов *ҮЧҮН*. В «Хакасско-русском словаре» объем значения этого слова не отличается богатством: «1. послелог за, ради, для; ... 2. подчин. союз

чтобы; из-за, по причине (выражает цель, причину)» [Анжиганова и др., 2006, с. 760–761]. В рукописи второго тома толкового словаря выделены отдельно как омонимы послелог *ЎЧҮН* с 8 значениями и союз *ЎЧҮН*: **ЎЧҮН I** послел. 1. Пірее нименің сылтаа полчатхан кізіні, нимені таныхтапчатхан ползығылығ сөс. – Служебное слово, указывает на виновника, причину чего-л., соответствует русс. «из-за». *Пабам міні хырызар, – чойланча Аёска, – наа меспекті ойнирға тирген үчүн* (ИТ КМ). *Сірерниң үчүн Санка абаайны контораа алдыртханнар* (ГК ПАО). 2. Піреезін сағысыратчатхан, өріндіреткен паза ан.п. оңарыныс төрітчеткен пірее кізіні, нимені, полчатхан оңдайны таныхтапчатхан ползығылығ сөс, *хорыгарға, сағысырарға, изі чохтанарға, өрінерге* паза ан.п. даа иділістернен хада тузаланылча. – Служебное слово, употребляясь с глаголами *боятся, беспокоиться, радоваться* и т.п., указывает на лицо, предмет, состояние и т.п., которые вызывают то или иное чувство, переживание, соответствует русс. «за». *Синің үчүн өрінчем, пабаң!* (МК П). *Хакасия чуртагылары хакас оолның үчүн матап «агырганнар»* (ХЧ). *Акай, пір саринаң, пу оолға үгретчі ізенче, аның үчүн өрінче, сурыг полза, аарда, ибзер киледір* (ХА А). 3. Пірее кізінең, нименең, полчатхан оңдайнаң палғалыстығ нандырығны таныхтапчатхан ползығылығ сөс. – Служебное слово, указывает на лицо, предмет, состояние, в отношении которого кто-л. берет на себя обязательство, несет ответственность и т.п., соответствует русс. «за». *Мин оолахтың чахсы салтарлары үчүн нандырчам. Пу чылда Хакасияның үгредіг паза наука министрствозы тис мероприятие үчүн нандырча* (ХЧ). *Полган на хой үчүн... полганының на үчүн төлеттірерлер* (ГК ПАО). 4. Хайдағ-да турғызылған пөгінні таныхтапчатхан ползығылығ сөс. – Служебное слово, указывает на цель действия, соответствует русс. «за». *Оол-хыстар медальлар үчүн харбасханнар нооза* (ХЧ). *Араласчылар 76 сыйых комплекті үчүн II спорт көрімінде күресчелер: биатлон, тагдагы саналыг спорт, керлинг, саналыг чарызары, сноуборд, конькиліг пусча чылары, фристайл, хоккей, меспектіг хоккей паза*

шорт-трек (ХЧ). 5. Пірее нимее хайчатханының, итчеткенінің сылтаа полчатхан ние-нооны, хайдағ-да нименің оңдайларын таныхтапчатхан ползығылығ сөс. – Служебное слово, связано с указанием на предмет, обстоятельство и т.п., являющийся поводом, основанием для какого-л. действия, отношения и т.п., соответствует русс. «за». *Хырыстабыс үчүн 13 үгренчее аттестат тирілбеен* (ХЧ). *Школада оларны састы үрбин чөргеннері үчүн хатыглааннар*. 6. Хайдағ-да идігнің сылтаан таныхтапчатхан ползығылығ сөс. – Служебное слово, указывает на причину какого-л. действия, соответствует русс. «по причине», «вследствие». *Санкаа чахсы хылиң үчүн хынчабыс. Андаг хортыгы үчүн ол прайзының хатхызы полчаң* (КС Т). *Сыбыра хада тогынған үчүн Павелнең ынаг нанчылар пол паргабыс* (ТН ТК). 7. Піреезінің орнына алай піреезінің адынаң пірее ние итчеткен кізіні таныхтапчатхан ползығылығ сөс. – Служебное слово, указывает на лицо, вместо или взамен которого кто-л. действует или от имени которого совершается действие, соответствует русс. «за». *Таңда мин синің үчүн тогысха сыгам, анаң син минің үчүн тогыныбызарзың. Аның үчүн пабам ікі кізінің үчүн чуртирға күстенген* (ХЧ). 8. Піреезінің, пірее нименің кирексіністерін чөпсіндіре тіп тузалығ ползығылығ сөс. – Ради, для кого-, чего-л., в интересах кого-, чего-л. *Олар чонның хонни үчүн күресчелер* (ХЧ). *Олар постарының чарых чуртастарын Чир-суубыс үчүн, амгы часкалыг чуртас үчүн тир салганнар* (ИК МН); **ЎЧҮН II** союз. Идіг хайдағ пөгінніг иділеткенін алай аның иртчеткен оңдайын чарыдарға киректелчеткен сөс. – Союз, выражающий значение цели или изъяснения, соответствует русс. «чтобы». *Республиказар имнег тогынчыларын тартып алар үчүн, оларға уламох көп хаказыг тиріп настирға кирек* (ХЧ). *Чахсы чуртир үчүн, прай чоннаң пірге тогынарға кирек* (МК П).

Не подлежит сомнению общенародная значимость подобных лексикографических трудов. На толковом словаре хакасского языка лежит важная функция – быть транслятором национальной культуры хакасского народа путем передачи внеязыковых реалий через

язык. Читатель получил возможность увидеть, каким образом хакасы смотрели на окружающую действительность, какие свойства, качества объектов реального мира они считали самыми значимыми для номинации. Например, наличие в хакасском языке большого количества звукоподражаний и производных от них слов позволяет сделать вывод о важности слухового восприятия для хакасов. Приведем примеры: **ҮҮК** *көөг*. Үгү табызына көөгісчөткөн сөс. – Звукоподражание крику совы, соответствует русс. «угу». *Тасхар үүк-үүк тін истілеткен. Иди чоохтасчатханнарында, хыр үстүнде туруп, аттар хадарчатхан кизілернің «үүк» табызы истіле түскөн* (ХП); **ҮҮКТИРГЕ** [**үүкте-**] *иділ*. 1. «Үүк» тіп табыс сығарарға. – Угукать (о сове). *Хайда-да үгү, истерге ачырғастығ, соғын үүктеп салған* (НК ХХС). *Рамейнің чуртынаң тоғыр тағзартын үгү чабал үүктепчеткен* (АТ). *Пірде тайғаны яңылада үүкти түсче, анаң, түрчеге тымылып, хайда-да оортахтын сағбаланғаны истіл парча* (АТ). 2. Піреезін пірее нима идерге көөктіріп сығырарға, хысхырарға. – Свистеть, кричать (подбадривая кого-л.). *Өктем атха мұнербін, үүктеп аңдар парарбын. Пір хати Арминек тін пар чох кұснең аахтабыстым, анаң нанңы тін үүктепчем* (БФ ТО). *Иртеңіл Иласка інегінең торбағын, үүктеп ала, Табылғаттығ холзар чалаң парча полар* (ВШ ЧС).

В толковом словаре нашли отражение лексемы с выраженной национально-культурной спецификой, отражающие особенности традиционного уклада жизни народа. Примеры: **ҮСКҮРІГЧІ** *адал*. Харахха киі үбүріп, имнепчеткен *кізі*. – Врачеватель глаз. *Пичеме хараан имнирге үскүрігчі маңат полыс тирген. Танызым чахсы үскүрігчі полча*; **ЧАРААХТЫРАРҒА** [**чараах-**] *иділ*. Көдірімні түзірер, чахсы чүгүрер сылтағнаң, читкіче чиис пирбин, түреттірерге (аттанар). – Выстаивать, выдерживать (лошадь). *Паза үс күнге сыгара ат чараахтырып үгреткеннер* (АО). *Чарыс алында олар аттарын чараахтырганнар, че сыйыхтығ орын ут полбааннар. Паза, үс күнге сыгара ат чарахтырып, үгреткеннер* (АО); **ЧАРАС** **I** *адал*. 1. Амыр полғаны. – Мир, согласие. *Чарас үр пол-*

баан. Туғаннар, чир үчүн тартызып, үр чоохтастын турғаннар, анаң, чарас идін, ынағ пол парғаннар. Чарас насталғаннаң пеер, илееде тус ирт парған. 2. Оолның паза хыстың ічепабаларының аразындағы чоохтазығ. – *эти*. Примирение между родителями жениха и невесты (по народной традиции родственники жениха являлись к родителям невесты повиниться за то, что украли их дочь, при этом договаривались о сумме калыма и дне свадьбы, перемирие заканчивалось обильным угощением и выпивкой). *Чарасха үр тимненгеннер. Хысты хасхырып, чарасха парарға сағынминдаачалар. Агаа көре чарасха килгеннернің дее чүректерінде истіг пол чөрібіскен: кирек килісче* (ГК АХ Т). Слова, обозначающие реалии традиционной культуры и быта, в связи с процессами трансформации жизни общества выходят из употребления. Эти лексемы необходимо сохранить и передать последующему поколению.

Значимым аспектом данной работы является то, что она написана на хакасском литературном языке, при недостаточности научных работ на хакасском языке ее можно считать важным вкладом в развитие научного стиля.

Второй том словаря редактировался тремя редакторами: старшим научным сотрудником сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, кандидатом филологических наук Шагдуровой О. Ю., доцентом кафедры хакасской филологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова, кандидатом филологических наук Чебодаевой Л. И., профессором института иностранных языков Московского государственного педагогического университета, доктором филологических наук Бурнаковой К. Н.

На рукопись толкового словаря хакасского языка (2 том) получено 2 рецензии: главного научного сотрудника сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, доктора филологических наук Шаминой Л. А., ведущего научного сотрудника Института гуманитарных исследований и Саяно-Алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова, доктора филологических наук Чугуновой А. Н. В обеих рецензиях работа рекомендуется к опубликованию.

Важнейшей задачей хакасского языкознания сегодня остается составление словарей различного типа. В условиях угрозы исчезновения части словарного богатства хакасского языка, представляющего собой отражение тысячелетних знаний народа об окружающем мире, весьма необходимы его описание, систематизация и представление опубликованных результатов работы исследователей в виде серии фундаментальных словарей.

Сокращения

Саг. – сагайский диалект хакасского языка.
Кыз. – кызыльский диалект хакасского языка.
Кач. – качинский диалект хакасского языка.

Литература

Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргой-ков М. И., Инкижекова-Грекул А. И., Пата-чакова Д. Ф., Субракова О. В., Белогла-зов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д. Хакас-ско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References

Anzhiganova O. P., Baskakov N. A., Borgoyakov M. I., Inkizheкова-Grekul A. I., Patachakova D. F., Subrakova O. V., Beloglazov P. E., Kaskarakova Z. E., Kyzlasov A. S., Sunchugashev R. D., Chertykova M. D. Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass and Russian).

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСНОВАХ УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

М.Ю. Жураева

Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, ул. Шахрисабз, 5, Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; email: munis.jurayeva80@mail.ru

В данной статье рассматриваются исторические основы узбекских загадок, процесс их формирования и принципы их исторического развития. На основе выявления следов древних представлений в текстах загадок раскрывается роль мифологических представлений в генезисе загадок. Передача в загадках мифологических представлений, образов растений и животных, а также астромифологических представлений с помощью метафорической речи указывает на важную роль метафорических моделей речи, связанной с архаической мифологией, в появлении произведений данного жанра.

Существование своеобразных обычаев, связанных с загадыванием загадок и «открытия» его ответа, отгадывания свидетельствуют о том, что в прошлом загадки исполнялись в качестве фольклорного образца, выполняющего сакрально-магическую функцию. Следование традициям именуемых в народе *shaḥar berish* 'отдать город' и *kurgon berish* 'отдать крепость' и исполнение в этом процессе определенных приговорок в форме вопроса и ответа считаются рудиментами древней формы исполнения данного жанра.

Ключевые слова: загадка, мифология, узбекский фольклор, жанр, метафора, тотемизм, культ, обряд, генезис, поэтическая структура.

CONSIDERATION OF THE HISTORICAL BASES OF UZBEK FOLK RIDDLES

Muniz Yu. Juraeva

Institute of the Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz Str., Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan; email: munis.jurayeva80@mail.ru

This article considers the historical bases of Uzbek riddles, the process of their formation and the principles of their historical development. Based on the identification of traces of ancient beliefs in the texts of riddles, it reveals the role of mythological beliefs in the genesis of riddles. The representation of mythological beliefs, images of plants and animals, as well as astro-mythological beliefs in riddles using metaphorical speech indicates the important role of metaphorical models of speech, associated with archaic mythology, in the appearance of works of this genre.

The existence of peculiar customs of guessing, associated with the asking of riddles and «discovery» of the answer, indicates that in the past riddles were performed as a folklore sample serving a sacral-magical function. Following the traditions of the popularly called *shakhar berish* «to surrender the city» and *kurgon berish* «to surrender the fortress» and the use of certain sayings in the form of a question and answer in this process are considered rudiments of the ancient form of performance of this genre.

Keywords: riddle, mythology, Uzbek folklore, genre, metaphor, totemism, cult, ritual, genesis, poetic structure.

Введение

Загадка – один из древнейших жанров устного народного творчества. Она передается из поколения в поколение и совершенствуется на протяжении веков, в ней превалирует тра-

диция создания образа с помощью метафорической речи на основе сравнения различных предметов, имеющих общие признаки.

Сбор и научное исследование узбекских народных загадок связано с именем З. Хусиновой. Ее фундаментальное исследование

1967 года посвящено изучению основных особенностей узбекских народных загадок, анализу жанровой природы и художественных особенностей загадок. Ею предложена первая классификация загадок [Хусаинова, 1967, с. 26; 1988, с. 98–127]. Собранный многолетний экспедиционный материал по загадкам был опубликован со вступительной статьей и комментариями в серии многотомного издания «Узбекское народное творчество». На сегодняшний день это самый полный сборник загадок [Загадки, 1981].

Мудрые изречения народа всегда находятся в поле зрения фольклористов и становятся предметом многочисленных исследований фольклористов и публикаций. М. Жураева рассматривала загадки с позиции определения исторической основы, истории формирования древних мифологических представлений, традиций, связанных со словесным табу, и места метафорической речи в возникновении загадок. В ее работе изложены рассуждения о генезисе узбекских загадок [Жураева, 2017, с. 51; Juraeva, 2021, с. 82–84].

Основная часть

В книге Махмуда Кашгарского «Девону луготит турк» термин загадка приводится как *табузуг табуздём* ‘Я спросил у него одну загадку’ [Кошгари, 2017, с. 429]. Письменные источники XIII–XIV вв. свидетельствуют о том, что загадка была основным сводом знаний и сведений человека о внешнем мире и пользовалась широкой популярностью. Известный фольклорист Х. Зарифов предложенное выражение Н. Б. Рабгузи *Қамуг тўнлар йиғна бирла тикилур, азинларни ўртар, аммо ўзи ёланг қолур* ‘Шьёт всем одежду, а сам без одежды’ (игла) считает загадкой [Зарифов, 1976, с. 91]. В настоящее время эта загадка стала уже афоризмом.

В письменном источнике по кыпчакскому наречию «Кодекс куманикус» всего приведены 47 загадок [Жафаров, 2017, с. 46; он же, 2017, с. 76], которые называются «Куманскими загадками» [Inan, 1987. р. 353–358; Курышжанов, 1960, с. 167–176]. В известном письменном памятнике «Кодекс куманикус» ответ на загадку под номером VI «*Ak k'üjmäniң аузу*

jok» приводится как «*ol jumurtka*» – ‘У белой кибитки нет калитки’ (‘У белой юрты нет дверного проема’). Это яйцо. В узбекском фольклоре есть аналогия данной загадки: *Оқ қуймоннинг оғзи йўқ* (яйцо). Слово *қуймон/қуймоқ* – название блюда, приготавливаемого из яйца, муки и масла. В узбекском языке данная загадка имеет следующие варианты: *Оқ сандиқ, оғзи йўқ сандиқ* [Загадки, 1981, с. 71]; *Оқ уйча, эшиги очилгунча* [Загадки, 1981, с. 71]; *Эшиги йўқ, оқ чумбоқ* [Загадки, 1981, с. 71].

Поэтический текст загадки о журавле в «Кодекс куманикус» под номером VIII имеет последовательную поэтическую форму:

K'ün altundan älči keliyir,
K'ömuş buryy tar (ta) keliyir,
Aj altunda (n) elči keliyir,
Altun buryy t (arta) keliyir
[Кодекс куманикус, 2006, с. 88].

Данная загадка практически не изменилась до наших дней, в образце данной загадки, записанной из уст Кундуз момо из кишлака Мусофиробод Мирзачульского района Сырдарьинской области, сохранились художественное средство аллитерации, свойственной «куманской загадке» (кун – кумуш, ой – олтин), антропоморфная метафоризация (посол//джигит) скрытого объекта (журавля), а также применение образа музыкального инструмента (бургу//сурнай):

Ой олдидан ўтган жигит,
Олтин сурнай тортган жигит,
Кун олдидан ўтган жигит,
Кумуш сурнай тортган жигит¹.

Поэтическое строение этой загадки основано на аллитерации, в силу этого появился другой вариант данной загадки, благодаря использованию лексемы «*ер*» вместо слова «*кун*». Подтверждением может служить следующий вариант загадки, записанный из уст Ёрлакаба Бекназара оглы из кишлака Карапчы Заминского района Джизакской области:

Ой остидан ўтган йигит,
Олтин сурнай тортган йигит,

¹ Фольклорный архив Института узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз. Инв. № 1562.

*Ер устидан ўтган йигит,
Етти сурнай тортган йигит*¹.

Если использование в данной загадке названий небесных светил *кун*, *ой*, *ер* указывает на космогонические представления предков, то уподобление журавля с человеком/послом/джигитом, играющим на *бургу/сурнай* связано с аниматической мифологией, основанной на олицетворении природы.

Во второй половине XIX века началась работа по фиксации и изучению узбекских народных загадок, в условиях живого исполнения. Весомый вклад в исследование и публикации собранных текстов загадок внесла З. Хусаинова. Ею фундаментально изучены жанровые особенности, классификация и поэтика загадок [Хусаинова, 1967, с. 111–123; 1988, с. 54–56; 1988, с. 98–127]. Записью и изданием загадок также занимались Файзулла Аймоқ [Народные шедевры, 1986, с. 204–213], Солих Махмуд Асос, занимавшиеся сбором фольклорных образцов узбеков, живших на территории Афганистана.

В книге «Жумбоқлар», изданной на узбекской письменности, основанной на арабской графике Солихом Махмудом Асос, включены 523 загадки, собранные из Давлатобода. Большая часть этих материалов оригинальна. Примечательно то, что встречается термин *топди матал* как название жанра загадки.

В возникновении и эволюционном развитии загадки огромную роль сыграли древние мифологические представления, чему свидетельствует ниже приведенная загадка:

*Тогда талаймонни кўрдим,
Сувда сулаймонни кўрдим,
Юмалаб ётган тошни кўрдим,
Тузсиз тишган ошни кўрдим.*

В первой строке загадки скрыт ответ «волк». Причина превращения этого животного в объект загадки кроется в представлении волка в качестве тотема-предка. Следовательно, лексема *талаймон* исторически связана с табу слова и тотемистическим верованием. В древнетюркском языке слово

толарсақ употреблялось в значении ‘след животных’. По представлениям древнего человека, след человека или животного, согласно правилам магии, приравнивался самому животному. Вариантом слова *талаймон* является *талашмон*. В источнике XIII века «Кодекс куманикус» под номером XVII представлен вариант анализируемой загадки следующим образом: *Tav üstindä talaşman, tayayı bar beş batma* ‘На горе след животного, у него есть палка в пять батманов’ (лисий хвост) [Кодекс куманикус, 2006, с. 79].

Интересным для анализа представляется семантика следующей загадки: *Сувда сулаймонни кўрдим* (рыба). Здесь слово *сулаймон* не имеет ничего общего с именем пророка Соломона – сына Давида и его образом в фольклорных произведениях. Прояснить семантику данного слова поможет слово *си*: *ла*, употребляемое в хорезмском диалекте в значении ‘вид мелкой рыбы, самый крупный которого достигает полкилограмма’. Слово *сулаймон* в тексте загадки изначально было в форме *сила/сула* + *-мон* [Абдуллаев, 1961, с. 117].

Наши предки верили, что загадывание загадок и сметливое нахождение его ответа обеспечивают успешную охоту, урожайность и успех. В системе сезонных обрядов индийских жрецов XV–XI века до н. э. существовал обычай загадывания загадок «*brahmodya*», то есть «размышления о брахмане», основанный на изложении с помощью загадок вербальной партитуры, то есть словесного толкования определенной магии или ритуальных обрядов. В этом обряде, проводимом ежегодно в новогоднюю ночь, загадывались загадки, выражающие символическое значение [Елизаренкова, 1984, с. 18]. Несмотря на то, что в узбекском народном устном творчестве загадка не встречается в форме особого обряда, хотя в сказке «Ахлантоз» есть мотив избирания жениха с помощью загадывания загадки [Гулпар, 1967, с. 215–217]. Особенности, свойственные древней форме исполнения загадок, также встречаются и в символических песнях, основанных на вопросе-ответе в поминальных обрядах. В Алатском районе Бухарской области в ночь захоронения покойного близкие родственники-женщины умершего, члены

¹ Фольклорный архив Института узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз. Инв. № 1568.

семьи, соседки-старушки собирались в доме покойного и ночевали там. Зажигали свечу, а старушки пели песню, в которой отражается суть судного дня на том свете:

*Белингда нима бор деганда,
Олтин камар дегайсиз.
Оёгингда нима бор деганда,
Кучу қувват дегайсиз*
[Гулпар, 1967, с. 145–146].

Эта обрядовая песня, выполняющая магическую функцию, очень близка к загадке по способу изложения мысли с помощью «тайной речи».

Мотив сохранения героем своей жизни, братьев, спутников и др., попавшего на тот свет, благодаря правильным ответам на вопросы своего противника, встречается в древнем индийском эпосе «Махабхарата». В мифологическом толковании приводится фрагмент отгадывания загадок Юдхиштхира, который встречается с Дхармай и Нахушай. Найдя ответ на загадки, Юдхиштхира оживляет пандавов [Невелева, 1988, с. 147]. Мотив смерти героя, не нашедшего ответа на загадку или же избавление от смерти благодаря правильному ответу на вопрос, является продуктом сакральных верований о путешествии умершего на тот свет.

Вербальные компоненты в древних обрядах, связанные с идеей плодородия, покровительством предков и обрядами испытания в основном состояли из текстов, основанных на «метафорической речи».

Раньше загадывание загадок имело своеобразную обрядовую природу и в случае ненахождения отгадки или решения существовали две традиции, связанные с предоставлением ответа самим сказителем:

а) «*шаҳар бериш*» букв. 'отдать город', т.е. если после загадывания загадки человек не отгадает его, человек, загадавший загадку, «отдает город». При этом между загадывающим и отгадывающим происходит следующий диалог:

Загадывающий: *Тополмасанг ман топай,
огзингга татти ёпай, шаҳар бераман!*

Отгадывающий: *Қайси шаҳар?*

Загадывающий: *Нурота,*

Нурота бормоқ керак,

*Қил элак олмоқ керак,
Қил элак – чархипалак,
Бангининг боши калак...
Билмасак-тандиркесак,
Топишмоқ топганни кўр,
Бунинг жавоби ... дир!¹*

Этимологическая основа лексемы *шаҳар* в составе словосочетания *шаҳар бераман*, которая произносится по отношению к человеку, не отгадавшему загадку, восходит к арабскому слову *шаҳара* 'объявлять', 'заявлять', 'осведомлять' [Хусаинова, 1967, с. 17]. Следовательно, когда загадывающий произносит *шаҳар бераман*, это значит, что он намерен дать отгадку;

б) *қўргон бериш* букв. 'отдать крепость', т.е. не отгадавший 'отдает крепость' загадывающему. После этого загадывающий «покупает» части тела не отгадавшего. Узбекский обычай «покупки» органов человека, не отгадавшего загадку, является общим для тюркских народов [Махмутов, 1969, с. 17; Укачина, 1981, с. 12]. Один из наиболее подробных описаний традиции 'отдать крепость' записан фольклористом Т. Мирзаевым 27 июля 1973 года от 46-летнего Бурана Бердиева, проживавшего в кишлаке Робот Байсунского района, и 45-летнего Улаша Жумаева из кишлака Ходжабулгон. Обычно загадки загадывали, разделившись на две группы, по очереди.

– *Тополмадим.*
– *Шаҳар беринг.*
– *Бердим.*
– *Буни сотамиз.*
– *Соттим, ҳа.*
– *Олдим, ҳа.*
– *Нимасини?*
– *Қулогини.*
– *Нима қиласиз?*
– *Супра қиламиз².*

Между загадывающим и отгадывающим происходит диалог «купли-продажи», в котором используются такие символические обозначения, как *панжа* 'вилы', *қўл* 'кочерга',

¹ Записан автором от народного юмориста Шухрата Саидова из селения Арабсарой Навбахорского района Навоийской области в 2009 г.

² Фольклорный архив Института узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз. Инв. № 861.

огиз 'кормушка для скота (яма, очаг)', *бурун* 'желоб', *кўз* 'лампа', 'окно', *тиш* 'жемчуг', *киприк* 'веник', *соч* 'канат', *бош* 'молоток', *қорин* 'помещение для хранения соломы', *оёқ* 'кол'. После вопроса «Отдаешь крепость?» загадывающий начинает «покупать» части тела, начиная с головы. После этого загадывающий произносит: «Я тоже ходил на базар, он тоже был там. Шли мы вдвоем, наткнулись на кувшин... В кувшине не было бекмеса, кувшин был полон красных пчел. Все они вылетели и напали на него. Бинг-бир ари чакди, бинг-бир ари чакди!»¹ Исторические корни традиций 'отдать город' или 'отдать крепость' восходят к древним обрядам испытания-инициации.

Заключение

Несмотря на то, что в историко-фольклорном процессе первичной основой возникновения загадок была жизненная действительность, связанная с образом жизни наших предков. В его формировании важную роль сыграли мифологические взгляды, связанные с природой и вселенной, архаические ритуалы, воплощающие в себе идею плодородия, древние обычаи испытания и инициации, магия слова и верования, касающиеся традиции табу.

После мифологического представления, толкования и осмысления мира, появилась архаическая фольклорная традиция, заключающаяся в изображении действительности с помощью художественных средств. Мифологические коды получили художественно-эстетическое содержание, а их преобразования нашли свое отражение в поэтическом образе, символе и детали. Передача в загадках мифологических представлений, образов растений и животных, а также астромифологических представлений с помощью метафорической речи указывает на важную роль метафорических моделей речи, связанной с архаической мифологией, в появлении произведений данного жанра.

Существование своеобразных обычаев, связанных с загадыванием загадок и «открытием» его ответа, отгадыванием, свидетельствует о том, что в прошлом загадки выполняли сакрально-магическую функцию. Следование традициям именуемым в народе *шаҳар бериш* 'отдать город' и *қўрғон бериш* 'отдать крепость' и исполнение в этом процессе определенных приговорок в форме вопроса и ответа считаются рудиментами древней формы исполнения данного жанра.

Литература

- Абдуллаев Ф. Хорезмские диалекты. Том 1. Ташкент: Наука, 1961. С. 117.
- Гулпари / Узбекское народное искусство. Сказки Намангана. Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1967. С. 215–217.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. О ведийской загадке типа *brahmodya* / Паремнологические исследования. Москва, 1984. С. 18.
- Жафаров Б. «Кодекс Куманикус» – древний турецкий памятник. Ташкент: Байоз, 2017. 76 с.
- Жураева М. Ю. Генезис узбекских народных загадок (Ўзбек халқ топишмоқларининг генезиси): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 2017. 51 с.
- Загадки. Узбекское народное искусство. Много-томник / Подгот. З. Хусаинова. Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1981. 365 с.
- Зарифов Х. Он всех одевает / Польшан-поэт (исследование узбекского народного искусства). Книга 4. Тошкент: Фан, 1976. С. 91.
- Кодекс куманикус: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV вв. / Подготовил А. Н. Гаркавец. Москва: Русская деревня, 2006. 88 с.
- Кошгари М. Словарь Девону-т-турецкий. Ташкент: Литературно-художественное издательство, 2017. С. 429.
- Курышжанов А. К изучению куманских загадок // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1960. Вып. 2. С. 167–176.
- Махмутов Х. Ш. Татарские народные загадки: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1969. С. 17.
- Народные шедевры / Сост. Файзулла Аймоқ. Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1986. С. 204–213.
- Невелева С. Л. О композиции древнеиндийского эпического текста // Архаический ритуал

¹ Фольклорный архив Института узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз. Инв. № 1525/6. Б. 42–43.

в фольклорных и раннелитературных памятниках. Москва: Наука, 1988. С. 147.

Укачина К. Е. Алтайские народные загадки. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1981. 100 с.

Хусаинова З. Ах, да. Загадки // Очерки узбекского фольклора. Том 1. Ташкент, 1988. С. 98–127.

Хусаинова З. Термины-загадки / Узбекское народное искусство. Ташкент: Фан, 1967. С. 111–123.

Хусаинова З. Эпитет в загадках // Узбекский язык и литература. Ташкент, 1988. № 1. С. 54–56.

Inan A. Codex Cumanicus bilmecelerine dair // A. Inan. Makaleler ve incelemeler. I. Ankara: Turk tarix kurumu basimleri, 1987. P. 353–358.

Juraeva M. Some comments on uzbek riddles related to human body parts // Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities. November 2021. Vol. 11. Issue 11. Pp. 82–84.

References

Abdullaev F. Khorezmskie dialekty [Khorezm dialects]. Vol. 1. Tashkent, Nauka, 1961, p. 117. (In Russian).

Elizarenkova T. Ya., Toporov V. N. O vediiskoi zagadke tipa brahmodya / Paremiologicheskie issledovaniya [On the Vedic riddle of the brahmodya type / Paremiological research]. Moscow, 1984, p. 18. (In Russian).

Gulpari. Uzbekskoe narodnoe iskusstvo. Skazki Namangana [Uzbek folk art. Namangan tales]. Tashkent, Publishing House of Literature and Art, 1967, pp. 215–217. (In Uzbek).

Inan A. Codex Cumanicus bilmecelerine dair. In: A. Inan. Makaleler ve incelemeler. I. Ankara, Turk tarix kurumu basimleri, 1987, pp. 353–358. (In Turkish).

Jafarov B. “Kodeks Kumanikus” – drevnii turetskii pamyatnik [“The Codex Cumanicus” is an ancient Turkish monument]. Tashkent, Bayoz, 2017, 76 p. (In Uzbek).

Juraeva M. Some comments on Uzbek riddles related to human body parts. *Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities*, 2021, vol. 11, issue 11, pp. 82–84. (In English).

Juraeva M. Yu. Genезis uzbekskikh narodnykh zagadok (Uzbek khalk topishmoklarining genезisi) [Genesis of Uzbek folk riddles (Uzbek khalk topishmoklarining genезisi)]. The author’s summary of the thesis for the degree of Candidate of Philology. Tashkent, 2017, 51 p. (In Uzbek, Russian and English).

Khusainova Z. Akh, da. Zagadki [Oh, yeah. Riddles]. In: Essays on Uzbek folklore. Vol. 1. Tashkent, 1988, pp. 98–127. (In Uzbek).

Khusainova Z. Epitet v zagadkakh [Epithet in riddles]. In: Uzbek language and literature. No. 1. Tashkent, 1988, pp. 54–56. (In Uzbek).

Khusainova Z. Terminy-zagadki / Uzbekskoe narodnoe iskusstvo [Terms-riddles / Uzbek folk art]. Tashkent, Fan, 1967, pp. 111–123. (In Uzbek).

Koshgari M. Slovar’ Devonu-t-turetskii [Dictionary of Devon-t-Turkish]. Tashkent, Literary and Artistic Publishing House, 2017, p. 429. (In Uzbek).

Kuryshzhanov A. K izucheniyu kumanskikh zagadok [To the study of Cuman riddles]. In: Questions of the history and dialectology of the Kazakh language. Alma-Ata, 1960, issue. 2, pp. 167–176. (In Russian).

Makhmutov Kh. Sh. Tatarskie narodnye zagadki [Tatar folk riddles]. The author’s summary of the thesis for the degree of Candidate of Philology. Kazan, 1969, 17 p. (In Russian).

Narodnye shedevry / Sost. Faizulla Aimok [Folk masterpieces / Compiled by Faizulla Aimok]. Tashkent, Publishing House of Literature and Art, 1986, pp. 204–213. (In Russian).

Neveleva S. L. O kompozitsii drevneindiiskogo epicheskogo teksta [On the composition of the ancient Indian epic text]. In: Archaeological ritual in folklore and early literary monuments. Moscow, Nauka, 1988, 147 p. (In Russian).

The Codex Cumanicus: Polovetskie molitvy, gimny i zagadki XIII–XIV vv. / Podgotovil A. N. Garkavets [Polovtsian prayers, hymns and riddles of the 13th–14th centuries / Prepared by A. N. Garkavets]. Moscow, Russian Village, 2006, 88 p. (In Russian).

Ukachina K. E. Altaiskie narodnye zagadki [Altaic folk riddles]. Gorno-Altaysk, Altai Book Publishing House, 1981, 100 p. (In Altaic and Russian).

Zagadki. Uzbekskoe narodnoe iskusstvo. Mnogotomnik / Podgot. Z. Khusainova [Riddles. Uzbek folk art. Multi-volume / Prepared by Z. Khusainova]. Tashkent, Publishing House of Literature and Art, 1981, 365 p. (In Uzbek).

Zarifov H. On vsexh odevaet / Pol’kan-poet (issledovanie uzbekskogo narodnogo iskusstva) [He dresses everyone / Polkan-poet (research of Uzbek folk art)]. Book 4. Tashkent, Fan, 1976, p. 91. (In Uzbek).

ИССЛЕДОВАНИЕ ВАРИАНТОВ ЭПОСА «АЛПАМЫШ»

Д. А. Каландарова

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, пр-кт Бунёдкор, 27, Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; email: d.kalandarova2017@yandex.ru.

В данной статье анализируется научный вклад Карла Райхла в изучение и популяризацию устного народного творчества узбекского народа, в частности героического эпоса «Алпамыш». Его переводческая деятельность началась с перевода некоторых образцов узбекских сказок и поэм. Также Карл Райхл перевел на немецкий язык узбекские, а затем и каракалпакские, туркменские, уйгурские народные сказки. Переведенные материалы представлены в четырех книгах. Первая книга состоит из узбекских народных сказок, вторая – из каракалпакских народных сказок, третья – из туркменских народных сказок и четвертая – из устных сказок тюркских народов в Китае. Кроме того, он перевел один из вариантов эпоса «Алпамыш» с узбекского языка на немецкий, книга издана в Германии. Кроме переводов, он глубоко исследовал эпические традиции, мастерство исполнения бахши, композиционное строение эпоса, мотивы и образы, поэтику эпоса.

Ключевые слова: Карл Райхл, устное народное поэтическое творчество, эпос, сказитель, эпическая традиция, жанры фольклора, переводы, оригинал.

RESEARCH OF VERSIONS OF EPIC «ALPAMYSH»

Dilafruz Ab. Kalandarova

Nizami State Pedagogical University of Tashkent, 27 Bunyodkor Ave., Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan; email: d.kalandarova2017@yandex.ru

This article analyzes the scientific contribution of Karl Reichl in the study and promotion of the oral folk art of the Uzbek people, in particular the heroic epic «Alpamysh». His translation activity began with the translation of some samples from Uzbek fairy tales and poems. Karl Reichl also translated Uzbek, and then Karakalpak, Turkmen, and Uighur folk tales into German. The translated materials are presented in four books. The first consists of Uzbek folk tales, the second – of Karakalpak folk tales, the third – of Turkmen folk tales, and the fourth – of oral tales of the Turkic peoples in China. In addition, he translated one of the versions of epic «Alpamysh» from Uzbek into German; the book was published in Germany. In addition to translations, he profoundly researched epic traditions, the mastery of the performance of bakhshi, the compositional structure of the epic, motifs and images, the poetics of the epic.

Keywords: Karl Reichl, oral folk poetry, epic, storyteller, epic tradition, folklore genres, translations, original.

Введение

В мировой фольклористике исследования, направленные на раскрытие генетической связи, взаимодействия, жанрового состава образцов народного устного художественного творчества с эпическими традициями тюркских и других народов, некоторых общих и дифференциальных признаков в структуре сюжета, мотива и образов, привлекают внимание с точки зрения утверждения отдельного места узбекского фольклора в общемировой цивилизации.

В мировой фольклористике сравнительная фольклористика является одной из самосто-

ятельных теоретически и практически развивающихся направлений. Ее характерной особенностью является изучение вопросов по сравнительному анализу материалов фольклора, системы сюжета и мотивов общеславянских образцов, сходства, типологических и частных признаков в поэтической структуре, анализа эпического текста, литературных связей, отношения устного творчества и письменной литературы. Все это предопределяет необходимость исследования научного вклада ученых, специально занимающихся переводом и исследованием образцов узбекского устного народного творчества. В данной статье анализируется научный вклад Карла Райхла

в изучении и популяризации устного народного творчества узбекского народа, в частности героического эпоса «Алпамыш», а также изучение переводческих и научных работ ученого, осуществленных на немецком и английском языках.

Основная часть

Сегодня в Узбекистане высоко ценится внимание к изучению устного народного творчества – основы национального самосознания и духовных ценностей.

«...Именно фольклорное искусство является источником всех созданных человечеством бесценных сокровищ культуры. Искусство сказителей-бахши, отражающее национальную самобытность разных народов, их язык, образ жизни, обычаи и традиции, имеет особое значение как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры» [Мирзиев, 2019, с. 2]. К одной из таких важных проблем следует отнести изучение научных исканий, переводов немецкого ученого Карла Райхля в области передачи узбекского фольклора немецкому и англоязычным народам и определения свойственных ему поэтических традиций в контексте с фольклором тюркских народов. В этом ключе важным представляются переводы образцов устного поэтического творчества узбекского народа, сделанные немецким ученым Карлом Райхлом для ознакомления с эпической традицией тюркских народов. Анализ данных переводов и научных изысканий ученого в аспекте сравнительной фольклористики позволит внести новые положения и выводы и в узбекской фольклористике.

Изучение и перевод отдельных жанров узбекского фольклора на другие иностранные языки имеют свою давнюю историю. Большая заслуга принадлежит Герману Вамбери, который перевел образцы узбекского фольклора на европейские языки. В 1867 году в Лейпциге был издан «Учебник чагатайского языка». Книга состоит из трех частей: исследовательской, хрестоматийной и словарной. Исследовательская часть посвящена грамматике тюркских языков и вопросу о литературных связях. «... Ученый впервые опубликовал такие, непо-

средственно связанные с Хорезмом, дастаны, как «Юсуф и Ахмед», «Хурилик и Хамро», «Ашик Айдын», «Хирман Дали», и привел множество ценных сведений об этих дастанах и отдельных пословицах. Во второй, хрестоматийной, части книги, даются отрывки из таких произведений, как «Пословицы» (стр. 45–58), «Бурк девона» («Юродивый Бурк», стр. 59–70), «Мерожнома» («Книга о вознесении», стр. 71–84), «Саид Ваккас» (стр. 84–94), «Заркум» (стр. 144–150), «Юсуф и Ахмед» (стр. 94–114), «Сайфул мулук» (стр. 187–193), помимо этого, в книге в форме приложения приводятся образцы из творчества ряда известных поэтов, в частности А. Навои, Машраба, Равнака, Шайдои, Суфи Аллаяра. В исследовательской части книги «Учебник чагатайского языка» Г. Вамбери особое внимание уделяется вопросу о литературных связях. Основной акцент в указанной части ученый-востоковед делает в освещении вопросов их формирования и этапов развития» [Рузимбаев, 2021, с. 227–229]. Данная работа до сих пор не теряет своей актуальности.

Со второй половины прошлого века начинается новый этап перевода образцов узбекского фольклора на европейские языки. Этот период связан с именем известного тюрколога, переводчика Карла Райхля. Он является переводчиком на немецкий и английский языки образцов устного народного поэтического творчества узбекского народа и исследователем узбекского фольклора. Начиная свою переводческую деятельность, ученый определил для себя важные критерии:

- 1) перед тем приступить к переводам, он самостоятельно изучал язык источника перевода;
- 2) переводы осуществлял непосредственно с оригинала;
- 3) переводы он использовал в качестве источника для своих исследований;
- 4) знания по фольклору разных народов закреплял посредством переводческих произведений.

Карл Райхл начинал с переводов некоторых образцов узбекских сказок и поэм. В 1978 г. он перевел на немецкий язык узбекские, а затем и каракалпакские, туркменские,

уйгурские народные сказки. В последующие годы собранные сказки были изданы на разных языках: «Узбекские сказки на немецком и узбекском языках» (1978), «Туркменские народные сказки» (1982), «Каракалпакские народные сказки» (1984), «Узбекская народная поэма «Равшан» (1985), «Уйгурские народные сказки» (1986). Данные труды опубликованы в виде четырех книг. Первая состоит из узбекских народных сказок, вторая – из каракалпакских народных сказок, третья – из туркменских народных сказок и четвертая – из устных сказок тюркских народов в Китае.

Осуществив перевод поэмы «Равшан», Карл Райхл отправил рукопись в Гарвардский университет профессору славистики и сравнительного литературоведения А. Б. Лорду, чтобы узнать мнение специалиста в области эпической литературы. Ознакомившись с данным переводом, Альберт Лорд написал положительный отзыв. Впоследствии А. Лорд в своей книге «*Central Asiatic and Balkan Epic*» («Эпос среднеазиатских и балканских народов») приведет примеры из эпосов «Равшан» и «Алпамыш» и напишет: «... бахши, который не воспевал «Алпамыш», не бахши, а ученый, который не изучал «Алпамыш», не является ученым» [Lord, 1987. pp. 321–350].

Презентация монографии Карла Райхла об «Алпамыше» и его научного перевода состоялась в декабре 2002 г. в Боннском университете. В этой презентации принимали участие фольклористы Т. Мирзаев и Ж. Эшанкулов, а также бахши Шоберди Болтаев. Карл Райхл издал фольклорные произведения на узбекско-немецком и узбекско-английском языках.

Научные изыскания профессора Карла Райхла об известном героическом эпосе узбекского народа «Алпамыш», в частности изданный в 2001 г. его фундаментальный труд «Узбекский героический эпос «Алпамыш»: исследование, текст, перевод» («*Das usbekische Helden epos Alpomish: Einführung, Text, Übersetzung*»), монография «Устный эпос тюркских народов: традиция, формы, поэтическая структура» («*Turkic Oral Epic Poetry: Traditions, Forms, Poetic Structure*») значимы тем, что посвящены изучению корон-

ного жанра устного народного творчества узбекского народа. В своих научных трудах он пристальное внимание уделял актуальным проблемам современного эпосоведения, мастерству, вариантам повествования, мотивам, формулам и стилю эпоса, передачи эпической традиции.

Карл Райхл изучал героический эпос «Алпамыш» на языке оригинала (узбекском, каракалпакском, туркменском, казахском, уйгурском, таджикском). Также он перевел один из вариантов «Алпамыш» с узбекского языка на немецкий. Он активно занимался популяризацией данного эпоса в Германии, привлекая общественность, заинтересованных читателей. Его научные статьи и монографии по эпосу позволили зарубежным ученым-фольклористам проводить сравнительно-сопоставительные исследования в области эпосоведения.

Первоначально объектом специального исследования стали два варианта эпоса «Алпамыш»: первый, записанный от известного бахши Фазила Юлдаша углы, и второй, записанный от сказителя Саидмурада Паноха углы. Для перевода был выбран вариант, записанный от сказителя Саидмурада Паноха углы, потому что он был меньше по объему, но, несмотря на это, являлся высокохудожественным образцом.

Карл Райхл, исследуя героический эпос «Алпамыш», старался всесторонне раскрыть и сделать доступным и узнаваемым всемирно известный эпос. Он описал отличительные особенности узбекских народных эпических традиций, искусство бахши и их место в культурной жизни, рассмотрел композиционное строение эпоса, основные мотивы, провел анализ версий и вариантов данного эпоса.

Заключение

Научный вклад Карла Райхла в изучение и популяризацию устного народного творчества узбекского народа, в частности героического эпоса «Алпамыш», а также изучение переводческих и научных работ ученого, осуществленных на немецком и английском языках, очень значим для сравнительной

фольклористики. Изучение вопросов по сравнительному анализу материалов фольклора, системы сюжета и мотивов, типологических и частных признаков в поэтической структуре, анализа эпического текста – все это предопределяет необходимость исследования научного вклада ученых, специально занимающихся переводом и исследованием образов узбекского устного народного творчества. Карл Райхл, исследуя героический эпос «Алпамыш», старался всесторонне раскрыть и сделать доступным и узнаваемым всемирно известный эпос. Он описал отличительные особенности узбекских народных эпических традиций, искусство бахши и их место в культурной жизни, рассмотрел композиционное строение эпоса, основные мотивы, провел анализ версий и вариантов данного эпоса.

Литература

Мирзиев Ш. Церемония открытия Международного фестиваля искусства дарения // Народное слово. Ташкент, 2019. № 68. С. 2.

Рузимбаев Х.С. Герман Вамberi и фольклор Хорезма // Молодой ученый. 2021. № 1 (343). С. 227–229. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/343/77194/> (дата обращения: 08.09.2023).

Lord A.B. Central Asiatic and Balkan Epic. Heissig, 1987. Pp. 321–350.

References

Lord A.B. Central Asiatic and Balkan Epic. Heissig, 1987, pp. 321–350. (In English).

Mirzиеv Sh. Tseremoniya otkrytiya Mezhdunarodnogo festivalya iskusstva dareniya [The opening ceremony of the International Festival of the Giving Art]. In: The Folk Word. Tashkent, 2019, no. 68, p. 2. (In Uzbek).

Ruzimbaev H.S. German Vamberi i fol'klor Khorezma [German Vamberi and folklore of Khorezm]. *The Young Scholar*, 2021, no. 1 (343), pp. 227–229. URL: <https://moluch.ru/archive/343/77194/> (accessed on September 8, 2023). (In Russian).

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ Б. ХОВЕНМЕЯ

Ш. Ю. Кужугет

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, ул. Кочетова, 4, Кызыл, 667000, Россия; email: shenne.kuzhuget.87@mail.ru

Статья посвящена творчеству классика тувинской литературы Б. Д. Ховенмея, в котором особое место занимают сатирические произведения, обличающие и высмеивающие человеческие пороки и недостатки общества. Материалом исследования стали стихи-памфлеты «Чөнээн доктаал» («Устаревшее постановление», 1953), «Хурал-ла хурал» («Заседательская суета», 1953), «Бодун боду» («Сам себя», 1953), «Дүштеки чемде» («Во время обеда», 1953), в которых Б. Д. Ховенмей поднимает острые проблемы современной действительности. Автор, очеловечивая животных и неживых существ, высмеивает жадность, хитрость, ложь, лень чиновников, казнокрадов, недобросовестных работников. Рассмотрена структура стихов-памфлетов, состоящих из описания имеющихся недостатков и резюме-морали. Особое внимание уделено обращению писателя-сатирика Б. Д. Ховенмея к диалогу как средству создания и характеристики литературного персонажа, а также комических образов парных героев: заведующего столовой и его жены, начальника Бюрбю и его секретарши, ревизора и «говорящего постановления», торопившегося на собрание сотрудника и секретарши. Язык его сатирических произведений прост, доступен и понятен. Автор статьи приходит к выводу, что Б. Д. Ховенмей внес большой вклад в формирование и развитие тувинской литературы. Его можно считать мастером диалога, положившим начало тувинской сатирической поэзии. Первое его сатирическое стихотворение – «Потерянная надежда», написанное в годы Великой Отечественной войны, является самым сильным сатирическим произведением тувинской поэзии.

Ключевые слова: Ховенмей, сатирическая поэзия, смех, диалог, парные герои, монолог, олицетворение.

B. KHOVENMEI'S SATIRICAL POETRY

Shenne Yu. Kuzhuget

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Studies, 4 Kochetov Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: shenne.kuzhuget.87@mail.ru

The article is devoted to the work of the classic of Tuvan literature B. D. Khovenmei, in which a special place is occupied by satirical pieces of work that expose and ridicule human vices and shortcomings of society. The study material was the pamphlet poems «Choneen Doktaal» («The Outdated Resolution», 1953), «Khural-la khural» («Court fuss», 1953), «Bodun bodu» («Himself», 1953), «Dyshteki chemde» («During lunch», 1953), in which B. D. Khovenmei raises acute problems of modern reality. The author, humanizing animals and inanimate creatures, ridicules the greed, cunning, lies, laziness of officials, embezzlers, unscrupulous workers. The structure of pamphlet poems consisting of a description of the existing shortcomings and a summary of morality is considered. Special attention is paid to the satirical writer B. D. Khovenmei's appeal to dialogue as a means of creating and characterizing a literary character, as well as comic images of paired heroes: the canteen manager and his wife, the boss Byurbyu and his secretary, the auditor and the «talking resolution», the employee hurrying to a meeting and the secretary. The language of his satirical works is simple, accessible and understandable. The author of the article comes to the conclusion that B. D. Khovenmei made a great contribution to the formation and development of Tuvan literature. He can be considered a master of dialogue, who laid the foundation of Tuvan satirical poetry. His first satirical poem, «Lost Hope», written during the Great Patriotic War, is the strongest satirical work of Tuvan poetry.

Keywords: Khovenmei, satirical poetry, laughter, dialogue, paired heroes, monologue, personification.

Введение

Один из зачинателей тувинской литературы Б. Д. Ховенмей (1915–1972) начал свой творческий путь в начале 1930-х годов, когда зарождались тувинская письменность и тувинская национальная литература. Его первые произведения были напечатаны латинской графикой в газетах «Şып» («Правда»), «Агеуе şып» («Правда революционного союза молодежи»), «Хостуq arat» («Свободный арат»), в журнале «Arattyп амьдырал» («Жизнь арата») и др. Отдельными изданиями вышли в свет 8 книг Б. Ховенмея: «Өңнүктер-биле кады» («Вместе с друзьями»: стихи, 1955), «Улуглар болгаш уруглар» («Взрослые и дети»: рассказы, 1963), «Азияның чүрээ» («Сердце Азии»: рассказы, стихи, 1965), «Октябрьдан октаргайже» («Из Октября в космос»: стихи, 1968), «Шүлүктер» («Стихотворения»: стихи, 1973), «Чогаалдар чыындызы» («Собрание сочинений»: избранное, 1976), «Чаартылга» («Обновление»: публицистические статьи, 1983), «Кым улугул?» («Кто важнее?»: рассказы, очерки, 1995). В данной статье мы оцениваем его как писателя, который стоял у истоков тувинской сатирической поэзии.

Основная часть

Б. Д. Ховенмей внес большой вклад в формирование и развитие тувинской литературы. Особый талант писателя проявился в жанрах сатиры. Его имя значится среди зачинателей тувинской сатиры: В. Ш. Кок-оола, А. А. Пальмбаха, С. К. Тока. Именно с его первых сатирических стихотворений, стихов-памфлетов начинается становление сатиры в тувинской литературе.

Б. Ховенмей известен прежде всего как мастер диалогической формы. Первое его сатирическое стихотворение «Идегели оскундурган» («Потерянная надежда») вышло в свет в 1942 году. Произведение полностью построено в форме диалога немецких захватчиков: ненасытного людоеда-фашиста Гитлера, высокомерного генерала, полковника-подхалима и трусливого офицера.

*Германияны тамаа суккан Гитлерниң
Генералы штавынга олурган...
Бачым сүрээ чүрээ долган полковник
Падын-барап коргуп, сүртеп айыткаан:
– Чарлык болган дужаалыңар ёзугаар
Чаа келген солдаттарны дужаагаи,
Удур шавар халдаашкынче киирдим – деп,
Улаан ыт дег, кургамзыдыр илеткээн.
Орустарның талазынче кире бээр,
Ойтур, дедир сывыртап кел, шымда! – деп,
Боозун арнып, дужаал берип олурда,
Полковниктиң офицери хап келген:
– Чуге келдиң, румыннарың кайдал? – деп,
– Кулугурлар орустарда каттышты,
Куруг калгаи, тыным менди келдим – дээн
[Ховенмей, 1976, с. 27–28].*

Опустивший Германию в яму Гитлер.
В штабе сидел его генерал...
С сердцем, наполненным суетой, полковник
Доклаживал ему от страха и волнения:
– Согласно Вашему приказу
Гонял я новых солдат
Против наступления –
Как бродячая собака рыча, невыразительно он
сказал.
– Они могут присоединиться к русским,
Быстрее, отбивай их и догоняй! – закричал,
Замахнувшись ружьем, генерал дал ему поручение.
Приходит офицер полковника:
– Негодяи примкнули к русским,
Ни с чем остался, еле живым пришел
(здесь и далее подстр. пер. наш – Ш. К.).

В тувинской сатире мало таких произведений, в которых удачно использован прием диалога, как в этом стихотворении. Автор с помощью разговора главнокомандующих гитлеровских войск раскрывает их характеры, действия, образы. Он высмеивает их трусость, недружелюбие, подхалимство. Через насмешки он изобразил образы жадных, жестоких, но бессильных завоевателей.

В работе известного теоретика литературы М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» подчеркивается, что именно смех освобождал мир от всего страшного и пугающего [Бахтин, 1990, с. 104]. В свое время стихотворение «Потерянная надежда» Б. Ховенмея поднимало дух советских людей в борьбе

с немецкими захватчиками. Это стихотворение считалось самым сильным сатирическим произведением, показывающим низкие моральные качества немецких фашистов.

В послевоенный период, 1946–1956-е годы, в тувинской поэзии активно развиваются жанры сатиры [Тыва литератураның төөгүзүнүн очерктери, 1975, с. 110]. В этом направлении ведущую роль сыграл Б. Ховенмей, поэтическое мастерство которого пришлось на начало 1950-х годов.

Одним из художественно зрелых его сатирических произведений является «Инектин хомудалы» («Жалоба коровы»), состоящее из двух строф. Через монолог голодной коровы автор разоблачает лицемерие и пустозвонство современных чиновников. Создавая образ коровы, писатель пытается достучаться до безразличных чиновников:

*Даргавыстың аазашкыны
Тааланчыг эки турган.
Кукуруза силозу-даа,
Куттулуп кээр деп-ле турган.
Дараазында күүселдези –
Дайнам безин четпес болду.
Элбек чемни бербес боорга,
Эътти, сүттү канчап бээр бис*
[Ховенмей, 1976, с. 49–50].

Обещание начальника
Было славно и приятно.
Говорил, что силос кукурузный
Будет литься бесконечным потоком.
В дальнейшем же – исполнения
Хватило лишь на кусочек.
Если не будет достаточно корма,
Откуда же будут мясо и молоко.

В монологе коровы раскрывается жадность и бесчестность начальника. Из-за его лживых обещаний страдают работники фермы и скот. Б. Ховенмеем создаются образы сытого начальника фермы и голодающих работников и фермерского скота. Автор использовал прием олицетворения, изобразив корову размышляющей, сочувствующей, как человек. Голодает не только она, но и все остальные, кроме жадного, лицемерного заведующего. Так, автор обращает внимание на тех руководителей, которые, используя свою власть, присваивают государственные деньги. Эти

проблемы злободневны и в наше время, поэтому сатирические стихи, стихи-памфлеты Б. Ховенмея до сих пор актуальны и играют важную роль в воспитании молодежи.

Начиная с 1950-х годов в тувинской литературе было написано немало басен. Баснописцами были: С. Серен («Ном биле Портфель» – «Книга и Портфель»), С. Сюрюн-оол («Аът биле Оор» – «Лошадь и Вор»), О. Сувакпит («Дилги биле Адыг» – «Лисица и Медведь», «Үгү» – «Сова», «Өшкү биле Хек» – «Козел и Кукушка») и другие. Одновременно с вышеназванными баснями появляются, по определению профессора Д. С. Куулара, стихи-памфлеты Б. Ховенмея: «Чөнээн доктаал» («Устаревшее постановление», 1953), «Хурал-ла хурал» («Заседательская суета», 1953), «Бодун боду» («Сам себя», 1953), «Дүштеки чемде» («Во время обеда», 1953). Стихи-памфлеты состояли из двух частей: описания имеющихся недостатков и резюме-морали. «Такая особенность их композиции, – как считает исследователь, – является своеобразной трансформацией басенной традиции» [Куулар, 1970, с. 94–95].

Б. Ховенмей в своей сатире поднимает острые вопросы современной действительности. Язык его поэзии прост, понятен, доступен и одновременно образен. Так как поэт часто обращается к приему диалога, то повествование, как правило, ведется разговорной речью. Вместе с тем его главные герои – простые люди, такие как высокомерный заведующий столовой, некомпетентный председатель профкома, жадный заведующий фермой, алчный начальник и его секретарь, равнодушный ревизор и другие, поэтому и язык его сатиры близок народу. Например, в стихе-памфлете «Устаревшее постановление» также удачно использован прием диалога между ревизором и «говорящим постановлением». Ревизор, увидев «дряхлое постановление», обращается к нему с просьбой:

*– Назы-харын улгаткан-дыр
Намдарынны соглеп бер...*
[Ховенмей, 1976, с. 50–51].

– Ты, старец, теперь
Расскажи-ка о себе...

«Говорящее постановление» жалуется на своего начальника, халатно относящегося к делу, и обвиняет самого ревизора:

– Мээн даргам адын салгаш,
Ол-ла ояар уттувуткан.
Мени хынаар силер база
Ону билбээн чоенчиг-дир
[Ховенмей, 1976, с. 51].

Мой начальник, поставив подпись,
Так и обо мне давно забыл.
Проверяющий, и вы тоже
Не заметили меня, я разочарован.

Здесь использование приема олицетворения направлено на показ некачественной работы начальника. Поэт через жалобу «говорящего постановления» о халатности, безответственности чиновников раскрывает главную причину возникновения общественных проблем. Если чиновники не могут выполнять свои обязанности и функции, то страдает все общество, оно не будет развиваться, наоборот, в дальнейшем жизнь народа будет трудней – именно эту мысль автор передал через образ «говорящего постановления».

В данном стихотворении писатель показывает равнодушие чиновников и их бюрократизм при помощи диалога между «говорящим постановлением» и прибывшим с проверкой чиновником. «Говорящее постановление» утверждает, что его давно позабыли, и обвиняет в безнадзорности всех чиновников.

Здесь смех (*каткы*) и насмешка (*шоодуг*) вызывают у читателя чувство тревоги за будущее. Автор при помощи приема олицетворения сумел создать художественный образ «говорящего постановления». Интересны две последние строфы с нравоучением как в басне.

Б. Ховенмей любил применять прием диалога, поэтому в его сатирических произведениях часто появляются парные герои: заведующий столовой и его жена, начальник Бюрбю и его секретарь, ревизор и «говорящее постановление», городской парень и девушка с деревни, торопившийся на собрание сотрудник и секретарь и т. д.

В стихотворении «Сам себя» есть два героя – начальник Бюрбю и его секретарша.

Секретарша приносит ему поступившее давно письмо и спрашивает:

– Билдиришишкин шагда келген,
Даарта харыы бижиир бе?
[Ховенмей, 1976, с. 53].

– Заявление давно поступило,
Когда отправим его ответ?

В ответ он говорит:

– Кажан ээзи чедип кээрге,
Аас-биле харыылаай-ла,
Концеляржып тургаш чоор
[Ховенмей, 1976, с. 53].

– Если придет заявитель сам,
Тогда и ответим,
Зачем же нам «канцелярничать».

В образе начальника Бюрбю автор бичует беспринципность, душевную пустоту, любовь к власти, халатное отношение к своей работе некоторых чиновников. Для него ничего не значат интересы жителей и их условия жизни, ему важны лишь власть и деньги. Бюрбю – недобросовестный, не знающий своего дела начальник, но все же он не уступает своего места профессионалам, ответственным сотрудникам.

Также в стихотворении «Заседательская суэта» в конце рабочего дня сотрудник спешил на совещание и, войдя, сразу спросил у секретаря:

– Ээ халак, саадаан-дыр мен,
Улус шупту кээпкен бе?
[Ховенмей, 1976, с. 52].

– Ээ увы, я опоздал,
Все уже собрались?
Секретарь успокаивает его:

– «Элек» дидир, девидеве,
Эртенги-ле хурал-дыр.
Эртенгизи доосту бээрге,
Кежээкизи эгелээр
[Ховенмей, 1976, с. 52].

– Не беспокойтесь, еще не начали,
Это утреннее заседание.
После утреннего собрания
И вечернее начнем.

При помощи диалога между торопившимся на собрание сотрудником и секретарем автор критикует руководящие лица, которые постоянно проводят совещания. Решение всех этих проблем, которые обсуждаются на собрании, все равно поручается руководством своим подчиненным. Но руководители не оставляют им времени ни для работы, ни для семьи. Б. Ховенмей – сатирик призывает всех руководителей обратить внимание на правильное деление рабочего дня, на то, чтобы служащие каждый день не сидели на бесконечных собраниях, а добросовестно выполняли свои обязанности.

В «Заседательской суете» начальник каждый день проводит собрание и не оставляет своим сотрудникам времени на работу. Также в стихе-памфлете «Сам себя» секретарь принес давно поступившее заявление к своему шефу Бюрбю. Он говорит, что на каждое обращение не стоит реагировать: если заявитель сам появится, тогда и следует отвечать. Так чиновник откладывает дела на следующий день. В этих произведениях автор показывает равнодушие, халатное отношение к своему труду, непрофессионализм, и при этом он дает понять читателю, что интеллигенция должна быть примером для подражания, ей не присущи безответственность и легкомыслие.

В сатире Б. Ховенмея при помощи приема диалога высмеиваются такие должности, как заведующий столовой, заведующий фермой, начальник, ревизор. Известный фольклорист В. Я. Пропп считает, что в сатирической литературе одним из популярных профессий является повар. В «Коляске» описана работа генерального повара, в «Шинели» – как готовит хозяйка: «Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже самих тараканов» [Пропп, 1976, с. 60]. А в стихотворении «Во время обеда» Б. Ховенмея описывается формальное отношение заведующего столовой к своей работе. Он, поев супу, который подали ему жена, спрашивает: *Бочул, чем бе, чуундубе?* 'Это что, еда или помой?' [Ховенмей, 1976, с. 54]. Жена объясняет мужу:

– *Бөгүн печка үрелгештиң
Бодум чем-даа кылбайн,
Сээң ол столоваяңдан
Сеңээ чемни эккелдим*
[Ховенмей, 1976, с. 54].

– Из-за неисправленной печки
Сегодня ничего не готовила,
Для тебя еду принесла
Из твоей же столовой.

Здесь автор тоже применяет прием диалога – разговор между заведующим столовой и его женой. Заведующий столовой пришел домой пообедать. Жена накрывает ему стол, а он, поев супу, начинает ее упрекать в том, что обед оказался безвкусным. Жена объясняет мужу, что она не готовила дома из-за неисправленной печки, а обед принесла из столовой, где работает муж. Услышав это, заведующий столовой раскаивается и понимает, что он плохо работает. Недобросовестное отношение к своему труду высмеивается поэтом в этом стихотворении.

В стихотворении высмеивается заведующий столовой, который, не подозревая о своей плохой работе, любит критиковать других. Автор комически описывает неловкую ситуацию, в которую попал сам заведующий столовой.

Заключение

Сатирическая поэзия Б. Ховенмея построена на приеме диалога между заведующим столовой и его женой, начальником Бюрбю и его секретаршей, ревизором и «говорящим постановлением», торопившимся на собрание сотрудником и секретаршей и т. д. Его герои всегда парные. В их речи нет сложных слов, язык героев прост. Только в стихотворении «Жалоба коровы» писатель применил прием монолога голодной коровы. Автор удачно использовал прием олицетворения, который очеловечивает животных и неживых существ. Он сумел ярко выразить жалобы голодной коровы и черты «дряхлого постановления»: жадность, хитрость, ложь, недобросовестное отношение чиновников к своему делу, казнокрадства. Также в стихах писателя сильно

выражена насмешка. Именно с этим приемом он разоблачает темные стороны жизни. Наряду с насмешкой Б. Ховенмей обращается к приему смеха. Первое его стихотворение «Потерянная надежда», написанное в годы Великой Отечественной войны, считалось самым сильным сатирическим произведением тувинской поэзии.

Литература

- Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- Куулар Д. С.** Тувинская поэзия. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1970. 140 с.
- Пропп В. Я.** Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 184 с.
- Тыва литератураның төөгүзүнүн очерктери / А. К. Калзан, Д. С. Куулар, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1975. 332 с.

Хөвөңмей Б. Д. Чогаалдар чыындызы. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1976. 252 с.

References

- Bakhtin M. M.** Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. The 2nd edition. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990, 543 p. (In Russian).
- Khovengmei B. D.** Chogaaldar chyindyzy. Kyzyl, Tyvanyng nom ündürer cheri, 1976, 252 p. (In Tuvan).
- Kuular D. S.** Tuvinskaya poeziya [Tuvan poetry]. Kyzyl, Tuvan Book House, 1970, 140 p. (In Russian).
- Propp V. Ya.** Problemy komizma i smekha [Problems of comedy and laughter]. Moscow, Iskusstvo, 1976, 184 p. (In Russian).
- Tyva literaturanyng töögüzününg ocherkteri / A. K. Kalzan, D. S. Kuular, M. A. Khadakhane. Kyzyl, Tyvanyng nom ündürer cheri, 1975, 332 p. (In Tuvan).

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ОГНЯ В ХАКАССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

А. С. Чочиева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: chochieva-1977@mail.ru; ORCID: 0000–0002–5697–7721

Цель исследования – раскрыть и описать систему символических образов в хакасской поэзии на примере поэтических произведений классика хакасской литературы М. Кильчичакова, поэта с душой философа М. Баинова и поэта лирического склада В. Майнашева. Задачами исследования являются изучение тенденций развития и рассмотрение синтеза традиционных и авторских символических образов в произведениях хакасских поэтов второй половины XX в. Методы исследования обусловлены комплексным подходом, основанным на целостном анализе поэтического текста и сочетающим историко-типологический, мифопоэтический, сравнительно-семантический методы изучения художественного мира поэта. Также привлекается биографический метод, позволяющий интерпретировать произведения хакасских поэтов в свете их личного жизненного опыта. В статье представлено описание символа огня в эпической поэме «Алып Пил Тараан» М. Кильчичакова, лирическом стихотворении «Из нежных слов был соткан весь я...» и лиро-эпической поэме «Путешествие во времени» М. Баинова, лирических стихотворениях «Приметы», «Песня о друге» В. Майнашева. Научная новизна обусловлена рассмотрением традиционных символических образов, а также выявлением авторских символических образов в контексте национального мышления. В результате было доказано, что поэты XX века через обращение к традиционным образам-символам обогащают литературу созданием авторского (индивидуального) символа огня как покровителя семьи, спутника и помощника людей при раскрытии понятий домашнего очага, темы любви к женщине, дружбы людей, гостеприимства хакасского народа.

Ключевые слова: хакасская литература, хакасская поэзия, символ, огонь, традиция, новаторство.

THE SYMBOLIC IMAGE OF FIRE IN KHAKASS POETRY IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Alyona S. Chochieva

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., 655017, Russia; email: chochieva-1977@mail.ru; ORCID: 0000–0002–5697–7721

The research purpose is to reveal and describe the system of symbolic images in Khakass poetry on the example of poetic works of the classic of Khakass literature M. Kilchichakov, the poet with a philosopher's soul M. Bainov and the lyrical poet V. Mainashev. The research objectives are to study the development trends and consider the synthesis of traditional and author's symbolic images in works of Khakass poets of the second half of the 20th century. The research methods are determined by a comprehensive approach which is based on a holistic analysis of the poetic text and combines historical-typological, mytho-poetic, comparative-semantic methods of studying the poet's artistic world. The biographical method is also involved, which allows interpreting works of Khakass poets in the light of their personal life experience. The article presents the description of the symbol of fire in the epic poem "Alyp Pil Taraan" by M. Kilchichakov, the lyrical poem "The whole of me was woven from tender words ..." and the lyric-epic poem "Time Travel" by M. Bainov, the lyrical poems "Omens", "Song about the Friend" by V. Mainashev. The scientific novelty is due to the consideration of traditional symbolic images, as well as the identification of author's symbolic images in the context of the national way of thinking. As a result, it was proved that the poets of the 20th century, through the appeal to traditional images-symbols, enrich literature with the creation of an author's (individual) symbol of fire as a patron of the family, a companion and a helper of people in revealing the concepts of the hearth, the theme of love for a woman, friendship of people, hospitality of the Khakass people.

Keywords: Khakass literature, Khakass poetry, symbol, fire, tradition, innovation.

Введение

Исследование системы символических образов позволит раскрыть идейно-художественные особенности хакасской поэзии. Символический образ дает возможность увидеть специфику развития хакасской поэзии, скрытый смысл художественных средств. Художественная система символических образов в хакасской поэзии, эволюция традиционных образов остаются малоизученными вопросами литературоведения, что и определяет актуальность данной темы.

Основная часть

При определении художественной модели мира поэта, обусловленной спецификой символического образа, мы опираемся на работы А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева, в которых анализ символа дается в различных аспектах.

Ю. М. Лотман исследовал символ в семиологическом аспекте: «Символ, представляя собой законченный текст, может не включаться в какой-либо синтагматический ряд, а если и включится в него, то сохраняет при этом смысловую и структурную самостоятельность» [Лотман, 1992, с. 192]. Ученый отмечает древность символа, которая отражается в памяти прошлого и находит активное воплощение в будущем.

С. С. Аверинцев называет в качестве одной из функций символа многозначность и функциональность: «Переходя в символ, образ становится «прозрачным», смысл «просвечивает» сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива» [Аверинцев, 1971, с. 826].

А. Ф. Лосев отмечает исторический характер и сущность символа: «Под символом <...> понимают известного рода отражение, но уже в сознании и мышлении, а не просто в самой же физической или физиологической действительности» [Лосев, 1995, с. 20].

Символ является одним из важнейших компонентов в структуре художественной модели мира. Он обогащает идейное содержание и художественную форму хакасской поэзии. Многообразие значения символического

образа в хакасской поэзии второй половины XX века рассмотрим на примере огня.

В литературе образ огня давно перешел в масштабное понятие символа, который имеет невероятную многозначность. С одной стороны, со стихией огня связано очищение, возрождение, любовное влечение, богатство и защита жизни человека. С другой стороны, стихия огня связана с разрушительной силой, несущей хаос и дисгармонию в жизнь людей. Итак, огонь занимает важное место в мировоззрении народа, уходящем в глубокую древность.

В хакасской эпической поэме «Алып Пил Тараан» М. Кильчичакова [Кильчичаков, 1983, с. 63–106] символ огня выполняет композиционную роль. После нашествия воинов-врагов Тас Чурека и Пус Чурека будущий богатырь увидел потушенный очаг, равнозначный разорению дома. Видя вокруг себя разрушенные жилища, остывшие пепелища, богатырь идет освободить свой народ из плена. События складываются таким образом, что с рождения он начинает противостоять злему миру. И только благодаря силе, уму он ведет борьбу с ведьмами и чудовищами.

Потушенный очаг в поэме символизирует разоренные жилища, хаос вокруг дома, потерю людей, олицетворяет начало войны, т. е. дисгармонию.

Из распахнутых дверей
Ладных юрт берестяных
Лишь очажная зола
Вылетает ветру вслед
[Кильчичаков, 1983, с. 66].

В поэме «Алып Пил Тараан» М. Кильчичаков описал традиционный символический образ огня. В народном сознании огонь связывается с жизнью, теплом, светом, домашним очагом, а потушенный очаг символизирует трудности и лишения, которые постигают людей.

М. Баинов – поэт с ярко выраженной позицией, демонстрирующей любовь к национальной истории и культуре. В его поэтическом творчестве органично соединены индивидуальные особенности композиции стихотворения с традициями богатого фольклора хакасов и философским началом.

Стихотворение «Из нежных слов был соткан весь я...» М. Баинова [Баинов, 2000, с. 21–22] в переводе Н. Закусиной представляет яркий пример любовной лирики: в ее основу положены душевные переживания лирического героя. Произведение воспевают страстную любовь, сравнимую с пламенем, огнем.

В стихотворении поэт весьма оригинально и необычно описывает огонь. В тексте нигде не упоминается словом, только по признакам этого явления можно узнать, что поэт любовь сравнивает с огнем, используя лексемы *искорка, пламя, стрела* и описывая характерные действия огня: *стрелой взмывала, и я взлетел, на горизонте догорит*. Одна из главных функций огня как стихии, несущей людям свет, тепло, добро, любовь, просматривается в образе, наделенном символикой неугасимой духовной силы.

Композиционно стихотворение состоит из двух противоположных чувств, отражающих переживания влюбленного человека. Лирический герой М. Баинова часто переживает несчастную, неразделенную любовь, поэтому налицо – чувство тоски и подавленного состояния:

В тоске по небу,
не в обиде,
Я плакал, слёзы лил
в траву.
И я себя возненавидел
За то, что до сих пор живу.
День своего рожденья проклял,
Людей забыть не захотел
[Баинов, 2000, с. 22].

Звучит мотив грусти, изображающий чувство страха от безответной любви. Но строка «*Людей забыть не захотел*» передает ожидание чуда, которое произойдет с лирическим героем. Оно наступает и выражает светлое доброе чувство, которое неожиданно испытывает герой.

И ветер светлый снова поднял
Мою любовь. И я взлетел.
Летел я млечными путями
И миру ясному внимал,
Чужих любовей видел пламя,

Ни искорки не занимал
[Баинов, 2000, с. 22].

Любовь, возвышающая лирического героя, сравнивается с огнем. Этот авторский образ М. Баинов представляет как символ творческого подъема, помогающего обрести гармонию в ее восточном понимании. Огонь дает жизненную силу и любовь к жизни.

Индивидуально-авторский образ-символ огня создается в стихотворении М. Баинова «Из нежных слов был соткан весь я...». Огонь стал символом жизни, проявившимся в активном творческом процессе, воспевающим умиротворенное и внутреннее спокойствие лирического героя:

Благодарю
За щедрость солнечную эту,
Мне путь открывшую к добру.
Не скоро солнца свет чудесный
На горизонте догорит.
И пусть моя степная песня
Ту красоту благодарит
[Баинов, 2000, с. 22].

Символичен огонь при создании образа спутника жизни человека. Это понятие представлено в поэме М. Баинова «Путешествие во времени» [Баинов, 1976, с. 19–45], где четко прослеживается триада – кочевник-путь-огонь:

Прошли пожары низовые –
Сухая выжжена трава.
Гудят просторы ветровые
Степей.
И наша детвора
Уходит с табуном в ночное.
Там звезды,
воля и костры,
Травы мерцанье под луною
И сказки, что, как степь, стары
[Баинов, 1976, с. 21–22].

Если ночь застала путника в открытом пространстве, то, устроившись в степи на ночь, прежде всего люди разжигали костер. Огонь не дает ощущения оторванности от родного дома, от близких людей.

Итак, традиционный символический образ огня в стихотворении М. Баинова «Из нежных слов был соткан весь я...» раскрывает тему любви. Лирический герой к любви приходит

через чувство страдания, но оно не растеряло красоту любви, стремления к жизни. Традиционные символы дают возможность создать индивидуальные символы. Авторский символ огня М. Баинова свидетельствует о богатом внутреннем мире творческой личности.

Символический образ огня в поэтическом наследии удивительного поэта, тонко чувствовавшего душу народа, В. Майнашева проанализируем в стихотворениях «Приметы» [Майнашев, 1995, с. 64] и «Песня о друге» [Майнашев, 1995, с. 15], в которые органично включены приметы, бытующие в сознании народа. В. Майнашев с детства вобрал в себя народные знания, передаваемые из поколения в поколение, транслирующие неповторимость, уникальность, самобытность народа и нашедшие воплощение в художественной литературе. Вопрос включения такого жанра народного творчества, как примета, в художественное произведение остается актуальным в хакасской литературе. Человек является частицей природы, и многие природные явления он пытался объяснить посредством примет. Приметы и поверья передаются посредством художественного образа, концепта, символа. О. Б. Грязнова отмечает, что «концепты – понятия, образы, символы, отражающие различные культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Концепты сохраняют в своем значении опыт народа, его нравственную позицию, его менталитет» [Грязнова, 2010, с. 125]. Итак, основу символа составляет значимое для человека определенной культуры понятие.

В стихотворении «Приметы» описано несколько примет, но нам интересна в содержательном плане примета, связанная с огнем:

Если пламя в печи запищит –
Не иначе, как гость к нам спешит...
[Майнашев, 1995, с. 64].

В народе считается, если гудит или, как в стихотворении, «пищит» огонь, т. е. издает непривычные для слуха человека звуки, то нужно покормить хозяйку огня. Издавна люди верили: «Если свищет огонь, это свищет хозяин (бог) огня. Поэтому люди бросают в огонь – толокно, муку и сало. Если не покормить бога огня, то человек лишается счастья»

[Катанов, 1907, с. 454]. Символ выступает защитником семьи и дома: «Огонь особо почитался у народов Саяно-Алтая. Он являлся оберегом семьи и дома. Огонь представляли в образе пожилой женщины, которую называли «от инезі» (букв. «мать огня»). Ее обязательно кормили перед каждым приемом пищи. <...> Утром, пока в огонь не бросят несколько кусочков пищи или не брызнут айраном, из дома не выходили» [Бутанаев, 1996, с. 61].

В. Майнашев на основе традиционного символа выстраивает индивидуальный образ-символ. Лирический герой с матерью считает, что в дом спешит гость, которому хозяин дома всячески помогает преодолеть пространство. Вера поэта в то, что в дороге путнику оказывают поддержку, свидетельствует о характере самого автора, готового бескорыстно помогать другим людям.

«Значит, кто-то к нам в гости спешит...
Как бы ни был от нас далеко,
Пусть в пути не томится наш гость»
[Майнашев, 1995, с. 15].

Связанная с образом огня примета более полно и красочно, как размышление о взаимопомощи и дружбе, находит продолжение в стихотворении «Песня о друге».

Далее поэт описывает обряд кормления огня:

Ты плесни рюмку водки в огонь,
Хлеб и сала кусочек подбрось
[Майнашев, 1995, с. 15].

Автор рисует картину ожидания друга. Лирический герой В. Майнашева верит, что путь, который проходит гость, будет без препятствий, если хозяева дома накормят огонь. Образ огня выступает символом крепкой, настоящей дружбы друзей. Традиционный обряд кормления огня направлен на раскрытие авторского символа дружбы друзей:

Снова в печку я дров подкладу,
Посижу при веселом огне.
Днем и ночью я жду не дождусь,
Когда друг постучится ко мне
[Майнашев, 1995, с. 15].

При описании огня поэт использует множество художественных приемов, в том числе: сравнение (*будто рыжий разбойник свистит*),

олицетворение (*огонь не унять; огонь тишит; огонь свистит*), эпитеты (*веселый; теплый*) и т. д.

Итак, В. Майнашев, опираясь на традиционный образ-символ огня, обогащает художественную литературу индивидуально-авторским символом огня, раскрывающим тему дружбы, взаимовыручки и гостеприимства хакасского народа.

Выводы

Таким образом, хакасские поэты придерживаются значений традиционных символов при раскрытии понятия домашнего очага, символа и покровителя семьи, спутника и помощника людей, любви к женщине. Использование опыта прошлого через включение традиционных символических образов обогащает художественный мир поэтов.

Самобытность и уникальность хакасской поэзии создают поэты с особым видением и тонким восприятием мира. Они формируют индивидуальный стиль в произведениях путем включения авторских символов, обогащающих не только литературу, но и культуру народа. Авторские символы использованы в их творчестве при раскрытии дружбы людей, гостеприимства хакасского народа и выступают символом возрождения.

Литература

- Аверинцев С. С.** Символ // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 826–831.
- Баинов М.** Дорога – вечная тревога. Стихи и поэмы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2000. 128 с.
- Баинов М.** Текущие реки. Стихи и поэмы. М.: Современник, 1976. 61 с.
- Бутанаев В. Я.** Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Грязнова О. Б.** Концепт *Байкал* в прозе К. Балкова // Филологические чтения памяти А. Б. Соктоева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2010. С. 124–131.
- Катанов Н. Ф.** Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, ч. IX. СПб. 1907. 514 с.

- Кильчичаков М. Е.** Ожившие камни: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1983. 222 с.
- Лосев А. Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.
- Лотман Ю. М.** Избранные статьи // Символ в системе культуры. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 191–199.
- Майнашев В.** Крашенные ковыли: стихи и поэмы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1995. 112 с.

References

- Averintsev S. S.** Simvol [The symbol]. In: Brief Literary Encyclopedia. Editor-in-Chief A. A. Surkov. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1971, pp. 826–831. (In Russian).
- Bainov M.** Doroga – vechnaya trevoga. Stikhi i poetry [The road is an eternal worry. Verses and poems]. Abakan, Khakass Book Publishing House, 2000, 128 p. (In Russian).
- Bainov M.** Tekushchie reki. Stikhi i poetry [Flowing rivers. Verses and poems]. Moscow, Sovremennik, 1976, 61 p. (In Russian).
- Butanaev V. Ya.** Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov [The Khakass' traditional culture and life]. Abakan, Khakass Book Publishing House, 1996, 224 p. (In Russian).
- Gryaznova O. B.** Kontsept *Baikal* v proze K. Balkova [The concept of Baikal in K. Balkov's prose]. In: Philological Readings in Memory of A. B. Soktoev. Ulan-Ude, Buryat State University Publishing, 2010, pp. 124–131. (In Russian).
- Katanov N. F.** Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym, ch. IX [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov, part 9]. Saint Petersburg, 1907, 514 p. (In Russian).
- Kilchichakov M. E.** Ozhivshie kamni: Stikhotvoreniya i poetry [Revived Stones: Verses and Poems]. Moscow, Sovremennik, 1983, 222 p. (In Russian).
- Losev A. F.** Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. 2-e izd., ispr. [Problem of a symbol and realistic art]. Moscow, Art, 1995, 320 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M.** Izbrannye stat'i [The selected articles]. In: Symbol in the Cultural System. Vol. 1. Tallin, Aleksandra, 1992, pp. 191–199. (In Russian).
- Mainashev V.** Krashenye kovyli: stikhi i poetry [Painted hobbles: verses and poems]. Abakan, Khakass Book Publishing House, 1995, 112 p. (In Russian).

М. Д. ЧЕРТЫКОВА – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХАКАССКОЙ ЛЕКСИКИ

И. М. Чебочакова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: irina.chebochakova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6408-8457

Статья посвящена научной деятельности известного лексиколога, доктора филологических наук М. Д. Чертыковой. В ней представлены сведения об основных этапах ее биографии, освещены аспекты ее деятельности, вклад исследователя в хакасское языкознание. М. Д. Чертыкова является автором около 300 научных и методических трудов. Тематика ее научных интересов связана с изучением проблем устройства лексической системы хакасского языка, глагольных лексико-семантических групп, отражением принципов антропоцентризма, языковой картины мира хакасского народа в языке. Ученым впервые обследовано большое количество лексико-семантических групп глаголов, тематических групп слов, произведена их классификация с точки зрения структуры, семантики. Наиболее ярко теоретические взгляды М. Д. Чертыковой представлены в ее монографиях: ее перу принадлежат 11 монографии. Мария Дмитриевна является одним из основоположников хакасской лингвофольклористики, нового направления фундаментального характера на стыке лингвистики и фольклористики. Большой вклад вносит исследователь в развитие хакасской лексикографии, она является автором и соавтором семи словарей, в том числе новых для хакасской прикладной лингвистики идеографических. Исследователь внесла и вносит большой вклад в развитие хакасского языка и сибирской тюркологии через свою научную деятельность. Результаты научных исследований М. Д. Чертыковой успешно внедряются в учебный процесс в вузе и школе. Другими областями применения знаний ученого являются научно-организаторская, экспертная, редакционная, общественная сферы.

Ключевые слова: М. Д. Чертыкова, хакасский язык, лексикология, лексикография, лексико-семантическая группа, лексема, словарь.

M. D. CHERTYKOVA – RESEARCHER OF KHAKASS VOCABULARY

Irina M. Chebochakova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: irina.chebochakova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6408-8457

The article is devoted to the scientific work of the famous lexicologist, Doctor of Philology, M. D. Chertykova. It provides information about the main stages of her biography, highlights aspects of her activities, the researcher's contribution to Khakass linguistics. M. D. Chertykova is the author of about 300 scientific and methodological works. The subject of her research interests is related to the study of the problems of the structure of the lexical system of the Khakass language, verbal lexico-semantic groups, the reflection of the principles of anthropocentrism, the linguistic picture of the world of the Khakass people in the language. For the first time, scientists examined a large number of lexical and semantic groups of verbs, thematic groups of words, and made their classification in terms of structure and semantics. M. D. Chertykova's theoretical views are most vividly presented in her monographs: 4 individual monographs and 7 collective ones belong to her pen. Maria Chertykova is one of the founders of Khakass linguo-folkloristics, a new area of a fundamental nature at the junction of linguistics and folklore studies. The researcher makes a great contribution to the development of Khakass lexicography – she is the author and co-author of seven dictionaries, including ideographic ones new to Khakass applied linguistics. The researcher has made and is making a great contribution to the development of the Khakass language and Siberian Turkology through her scientific activities. The results of M. D. Chertykova's scientific research are successfully implemented in the educational process at university and school. Other areas of application of the scientist's knowledge are scientific and organizational, expert, editorial, and public spheres.

Keywords: M. D. Chertykova, Khakass language, lexicology, lexicography, lexico-semantic group, lexeme, dictionary.

Мария Дмитриевна Чертыкова родилась 15 апреля 1963 года в деревне Казановка Аскизского района Хакасской автономной области в крестьянской семье.

Интерес к красоте и глубине хакасского слова у Марии Дмитриевны проявился еще в детстве. Будучи ученицей Казановской восьмилетней школы, она публиковала свои стихи в областной газете «Ленин чолы», на уроках хакасского языка писала сочинения в стихотворной форме на любые заданные темы. После окончания Калининской средней школы перед юной Марией не стоял вопрос выбора учебного заведения и профессии, поскольку она знала, что нужно продолжать изучать хакасский язык, а такая возможность предоставлялась только на отделении хакасского языка и литературы филологического факультета Абаканского государственного педагогического института. После окончания данного института в 1986 году ей, можно сказать, улыбнулась судьба, открыв дорогу в мир науки: в это время проходил набор молодых кадров в ХакНИИЯЛИ, и она была принята на работу в сектор языка на должность младшего научного сотрудника. Помимо сбора материала для дальнейших научных исследований, ей со старшими коллегами приходилось ездить по деревням Хакасии с целью сбора диалектного материала по программе ДАТЯС (Диалектологический атлас тюркских языков Сибири). Данный проект осуществлялся в рамках сотрудничества с Институтом филологии СО РАН. На основе собранного языкового материала и под чутким руководством заведующего

сектором языка, кандидата филологических наук Дарьей Федоровной Патачаковой была написана первая статья [Чертыкова, 1992].

С 1989 по 1991 годы Мария Дмитриевна проходит очную стажировку на кафедре общего языкознания Новосибирского государственного университета. Ее научным руководителем стала доктор филологических наук, профессор Майя Ивановна Черемисина – ученый с мировым именем, основатель новосибирской синтаксической школы. Затем, в 1991–1995 годах М. Д. Чертыкова обучалась в очной аспирантуре. Это была блестящая школа, оставившая незабываемый след в жизни каждого ученика: сильные учителя и наставники, базовые дисциплины по русистике и тюркологии, общение с тюркскими студентами и аспирантами, конференции, семинары, индивидуальные консультации и встречи с руководителем, после которых ощущалось, что у тебя выросли крылья. Представители новосибирской научной школы в настоящее время занимаются научной и преподавательской деятельностью в различных регионах нашей страны и за рубежом, однако в каждом из них живет чувство единства и принадлежности к большой научной семье, привитое им великими Учителями: М.И. Черемисиной, Н.Н. Широковой, И.Я. Селютиной, Н.А. Лукьяновой и др. Мария Дмитриевна считает большим везением то, что она обучалась в этой школе и встретила настоящих ученых, которые являются примером для своих учеников и в науке, и в жизни. В 1996 году после успешной защиты кандидатской диссертации на тему «Глаголы говорения на хакасском языке (системно-семантический аспект)» на заседании диссертационного совета в Институте филологии СО РАН Мария Дмитриевна продолжила работу в ХакНИИЯЛИ в должности научного сотрудника, а затем – старшего научного сотрудника. Тематика ее научных исследований перекликалась с темой диссертации и была продолжением изучения других глагольных лексико-семантических групп (далее ЛСГ), поскольку их границы размыты. В рамках этой тематики она выявила, что чаще с ЛСГ глаголов говорения соприкасаются глаголы эмоции, мышления, физического

действия, звучания, мимики, жеста, телодвижения, которые переходят в ЛСГ глаголов говорения путем сочетания с прямой речью.

Мария Дмитриевна с 2012 года, с момента создания Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова, и по сей день занимает должность ведущего научного сотрудника. Все эти годы она успешно занимается исследованием лексической системы хакасского языка. Она одной из первых в хакасском языкознании стала применять методы лингвокультурологии, лингвофольклористики, когнитивной лингвистики по отношению к языковому материалу. Известно, что развитие данных лингвистических направлений в тюркских языках опирается на разработки русистики. М. Д. Чертыкова, следуя методам и принципам исследования антропоцентричности в языке в трудах известных лингвистов Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, А. А. Зализняк, Анны Вежибицкой и др., приходит к выводу, что все многообразие окружающей действительности находит воплощение в языковой системе. Тем самым, все системные лексические группировки языка базируются на представлении этноса о реальной действительности. Соответственно, семантические группы глагольной лексики любого языка являются идеальным фрагментом для исследования национальной картины мира в аспекте языкового отображения.

В 2016 году Мария Дмитриевна защищает диссертацию на соискание научной степени доктора филологических наук в диссертационном совете Института языкознания РАН по теме «Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке (системно-семантический аспект)». Научным консультантом выступил доктор филологических наук, профессор Псянчин Юлай Валиевич.

М. Д. Чертыкова впервые в хакасском языкознании провела исследование глагольной лексики со значением психической деятельности в хакасском языке. В рамках диссертации в функционально-семантическом, семантико-когнитивном аспектах были рассмотрены глаголы пяти лексико-семантических

групп: глаголы говорения, эмоции, поведения, восприятия, мышления. В ходе их анализа автор приходит к выводу, что степень участия этих глаголов в описании национального мировоззрения достаточно высока. В численном отношении ментальные глаголы хакасского языка, как и в других тюркских языках, уступают многим разрядам семантических групп. Малочисленность этих глаголов компенсируется многозначностью их семантики, следовательно, явление глагольной многозначности охватывает почти всю структуру ЛСГ хакасских ментальных глаголов, например, **пiл-** «1) знать что-л.; владеть информацией; 2) уметь делать что-л., иметь навык к чему-л.; 3) понимать; 4) помнить; 5) знать кого-л., быть знакомым с кем-л.; в отриц. форме: не признавать»; **онна-** «1) понимать; 2) постигать; 3) помнить; 4) замечать; 5) уметь» и др. Так же основные эмоции человека, как печаль, радость, страх, раздражение, гнев, называемые в психологии базовыми, проявляют активность и в языковом выражении. В семантической классификации ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке наиболее многочисленными оказались подгруппы глаголов с отрицательной эмотивной семантикой. Таким образом, хакасская языковая картина мира характеризуется большей сосредоточенностью на выражении «негативной семантики»: основная часть глаголов поведения выражают отрицательную оценку говорящего лица. Среди глаголов говорения глаголов со значением положительного отношения насчитывается лишь три: **махта-** «1) хвалить (за что-л.); 2) одобрять»; **махтан-** «хвалиться»; 3) **чаксыла-** «хорошо отзываться о ком-, чем-л.». Одной из главных причин скромного количества глагольной лексики с положительной семантикой в хакасской языковой системе М. Д. Чертыкова считает веками сложившиеся особенности национального характера, что находит подтверждение в трудах философов и этнографов [Анжиганова 1997; Катанов 1893 и др.]. Преобладание слов с отрицательным оценочным признаком исследователи отмечают и в других тюркских языках.

Лексикографическая деятельность Марии Дмитриевны сопутствует исследовательской,

поскольку функционально-семантический анализ лексики, как правило, открывает их глубинные особенности, которые должны находить отражение в словарях. Она является автором и соавтором семи словарей (шесть из них – в соавторстве). Во время работы в ХакНИИЯЛИ М.Д. Чертыкова работала в рабочей группе по подготовке «Хакасско-русского словаря» [2006], где она получила первые опыты и навыки лексикографической работы рядом со старшими коллегами: крупным ученым-лингвистом Дарьей Фёдоровной Патачаковой и с не менее основательными исследователями хакасского языка Ольгой Васильевной Субраковой, Ольгой Петровной Ажигановой.

В 2013 году Мария Дмитриевна в соавторстве с доктором филологических наук А.Н. Чугуновой подготовила и издала словарь-справочник, который отражает результаты семантической классификации глаголов говорения и движения. Он был составлен на основании семантической общности категориально-лексического и дифференциального характера. Он стал первым в тюркской лексикографии словарём, представившим систематизацию двух глагольных лексико-семантических групп.

В 2014 году ею в соавторстве с И.Л. Кызласовой был издан словарь синонимов хакасского языка, который содержит 760 синонимических рядов, в структуру которых входят стилистические и грамматические уточнения, а также иллюстративный материал. Словарь дополнен русско-хакасской частью, облегчающей поиск соответствующего синонимического ряда и адресован широкому кругу читателей – языковедам, преподавателям, студентам и аспирантам, а также всем, кто интересуется лексикой хакасского языка [Кызласова, Чертыкова, 2014]. Первый в хакасской лексикографии краткий словарь синонимов был подготовлен Д.И. Чанковым [Чанков, 1999].

В 2016 году издан словарь-справочник «Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности)», где в парадигматической структуре представлен фактический

материал, использованный при исследовании семантического поля глаголов со значением психической деятельности хакасского языка. В нем отражены результаты классификации хакасской глагольной лексики, составленной на основании семантической общности категориально-лексического и дифференциального характера. По общности дифференциальных признаков глаголы объединяются в микрогруппы, подгруппы или синонимические ряды, возглавляемые базовыми глаголами [Чертыкова, 2016]. В поле глаголов психической деятельности автор включает пять ЛСГ глаголов со значениями говорения, эмоции, мышления, поведения, восприятия. Описание глагольной лексики данного поля ведётся с учетом антропоцентрического аспекта. Как пишет М.Д. Чертыкова: «Антропоцентрический аспект исследований предполагает, что все многообразие объективной действительности, получившее выражение в языковой системе, связано с той или иной деятельностью человека. Например, ментальные глаголы, называя ментальные действия и состояния, являются важным материалом в описании одного из аспектов мировоззрения – ментальности языковой личности. А семантика глаголов со значением эмоции включает позицию причины (стимула) эмоционального переживания, что дает возможность проследить связь между человеком (или живым существом) и окружающей его действительностью, реакцию субъекта на определенные стимуляторы. Таким образом, поле глаголов психической деятельности состоит из лексических единиц, называющих действия и состояния, которое включает в себя человеческий фактор» [Чертыкова, 2016, с. 7].

В 2020 году в соавторстве с А.Д. Каксиным М.Д. Чертыкова подготовила первый в хакасской лексикографии «Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь», который претерпел два издания в силу востребованности в образовательной, научной и общественной сферах.

В данный словарь вошло около 7500 слов и словосочетаний. В нём выделяются тематические классы в двух разделах: «Человек» и «Флора и фауна», внутри которых

лексика по общности семантических признаков дробится на более мелкие группировки, например, «Части тела человека», «Профессии. Хобби. Род занятий», «Семья и родственники», «Растения», «Дикие животные», «Домашние животные», «Насекомые» и др. Тем самым, в данный словарь вошла базовая лексика, большая часть которой является принадлежностью общетюркского фонда. Значимость данного словаря неоспорима. Построенный по тематическому принципу словарь отвечает коммуникативным потребностям усвоения лексического материала интересующихся богатством хакасского языка и способствует формированию их двуязычной речевой деятельности. Также он помогает решать вопросы, связанные с совершенствованием обучения учащейся молодежи родному языку, поскольку является хорошим подспорьем в практике обучения хакасскому языку, и тем, для кого он является неродным, а также для углубления языковой компетенции обучающихся, хорошо владеющих хакасским языком. Одновременное представление хакасско-русского и русского-хакасского вариантов словаря будет удобным и эффективным способом быстро находить нужное слово как в русском, так и в хакасском языках.

В продолжение антропоцентрического направления лексикографической практики М. Д. Чертыкова в соавторстве с ведущим научным сотрудником Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, доктором филологических наук Б. Д. Цыреновым, ведущим научным сотрудником Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, доктором филологических наук А. Д. Каксиным подготовила «Идеографический словарь синонимов хакасского, бурятского и хантыйского языков (языковая модель человека)» [Чертыкова, Цыренов, Каксин, 2021], который стал одним из крупных результатов проекта «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)»,

поддержанного РФФИ. Как известно, идеографические словари отличаются от остальных способом организации словарного материала, размещением слов по смысловой близости, соответствующим лексической системе языка. Помимо построения словарных статей, состоящих из нескольких этапов, лексикографическая деятельность, в первую очередь, состоит из исследовательской работы, включающей теоретические знания в определенных областях лингвистики и компонентный, функционально-семантический и лингвокультурологический анализы каждого слова. При этом немаловажным условием для создания словарей является преданность общему делу, хорошее знание языка и хорошая лингвистическая подготовка каждого члена авторского коллектива. Как пишет М. Д. Чертыкова: «Основным критерием при составлении словарных статей идеографического словаря является не само слово, а его смысловое содержание, заключенное в совокупность слов, т. е. решение лексикографических задач исходит от понятия к его языковому выражению. Парадигматическое расположение слов по общности значения пересекается с проблемой синонимии, антонимии, тематической классификации слов, а также общности их сочетаемостных моделей» [Чертыкова, Цыренов, Каксин, 2021, с. 6].

Как видим, М. Д. Чертыкова подготовила благодатные условия в хакасской лексикографии для создания более крупных объемных словарей идеографического толка. В тюркских языках данная тематика является перспективной, и разработки Марии Дмитриевны в этом направлении являются большим стимулом для дальнейших работ во благо развития хакасской лексикографии.

М. Д. Чертыкова – автор научных монографий, в которых системно описаны глаголы говорения [Чертыкова, 2005], глаголы со значением эмоции [Чертыкова, 2005], глаголы со значением восприятия [Чертыкова, 2019], глаголы со значением мышления [Чертыкова, 2021]. Помимо того, Мария Дмитриевна является автором глав/разделов семи коллективных монографий, написанные ею главы и разделы посвящены различным вопросам хакасской лексической системы.

В последние годы Мария Дмитриевна проводит исследования базовых лингвокультурологических концептов, детальный семантико-когнитивный анализ которых способствует выявлению национально-культурной специфики в мировоззрении хакасского народа, например, концепты *часка* «счастье», *киртинис* «вера», *чүрек* «сердце», *хыныс* «любовь», *уйат* «стыд, стыдиться» и др.

Другая ипостась научной деятельности юбиляра – язык хакасских героических сказаний. Специфика языка фольклора определяется его традиционностью и архаизмом, его связью с диалектной речью, поскольку творцы фольклора – это народ, говорящий на определенном диалекте. Тем самым язык фольклора – это сложная живая система, закодировавшая информацию о человеческом бытии, традициях и культуре этноса. Как часто отмечает Мария Дмитриевна, «мы получили от далеких предков великое фольклорное наследие только благодаря языку. Не было бы языка, не было бы ни фольклора, ни культуры». Также она считает очень важным и необходимым системное и тщательное изучение языка фольклора. Он находится на другом уровне языковой системы и хранит в себе элементы архаического мышления, эмпирические знания, мифологические представления о мире наших предков [Чертыкова, 2022]. Серия статей автора, посвященная языку героических сказаний, опубликована в ведущих российских журналах из перечня ВАК РФ и WS. Тем самым Мария Дмитриевна является одним из основоположников хакасской лингвофольклористики, направления на стыке фольклористики и лингвистики, характеризующейся продуктивными научными изысканиями на материале фольклорных текстов.

Хакасское слово хранит в себе много тайн и нужен кропотливый труд лингвистов – современников и потомков – для того, чтобы раскрыть их. Перед хакасской лингвистикой стоит еще много нерешенных задач. Несмотря на свою немногочисленность, хакасские лингвисты трудятся, не считаясь со временем. Среди них и М. Д. Чертыкова. Судя по тому, сколько ею сделано, можно считать ее вклад

в развитие хакасской лексикологии и лексикографии плодотворным и весомым.

Всего М. Д. Чертыкова имеет около 300 научных публикаций, среди них – 11 монографий (из них 4 – единоличные), семь словарей (из них шесть – в соавторстве), 3 учебных пособия, 22 статьи в журналах Web of Science и Scopus.

Чертыкова Мария Дмитриевна за десятилетие работы в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова показала высокие результаты в научно-исследовательской, научно-организационной и учебно-методической деятельности. Итоги ее научных исследований получают апробацию на научно-практических конференциях и симпозиумах, проводимых в Абакане и других городах РФ, а также в ведущих научных журналах и в сборниках зарубежных и международных конференций (Москва, Новосибирск, Якутск, Кемерово, Улан-Удэ, Томск, Баку, Бишкек, Анкара и др.). Изданные под единоличным авторством М. Д. Чертыковой четыре монографии, два учебных пособия и семь словарей успешно внедрены в практику преподавания учебных дисциплин на уровне бакалавриата и магистратуры в Институте филологии и искусств Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Только за последние пять лет М. Д. Чертыкова опубликовала 13 статей в журналах, включенных в ядро РИНЦ, а также 25 статей в российских журналах из перечня ВАК РФ.

Актуальность и востребованность научных исследований М. Д. Чертыковой убедительно подтверждаются грантовой поддержкой РФФИ и хозяйственным договором с Тувинским госуниверситетом с общим объемом финансирования 3200000 руб. Их выполнение принесло значимые результаты. Основным результатом последнего проекта РФФИ стал «Идеографический словарь синонимов хакасского, бурятского и хантыйского языков (языковая модель человека)» (2021).

М. Д. Чертыкова ведет большую научно-организационную работу, являясь автором многочисленных отзывов на кандидатские, докторские диссертации, авторефераты,

рецензий на научные статьи, монографии и выпускные квалификационные работы студентов и магистрантов.

Мария Дмитриевна внесла существенный личный вклад в организацию ряда конференций, проведенных в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова: Международной конференции «Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России» (2016), Международной научно-практической конференции «Наследие Н. Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения)» (2012), IV Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (2020) и др. Также она постоянно выступает членом редколлегий научных журналов и сборников конференций.

Мария Дмитриевна принимает активное участие в общественной жизни Республики Хакасия через сотрудничество с государственными структурами и общественными организациями (Министерством образования и науки Республики Хакасия, Министерством национальной и территориальной политики Республики Хакасия, Региональной общественной организацией по сохранению и развитию хакасского языка «Ине тілі» и др.). Периодически выступает членом жюри олимпиад и конкурсов по хакасскому языку среди детей и взрослых: ежегодной Межрегиональной научно-практической конференции имени Л. Р. Кызласова среди обучающихся образовательных организаций (2020), Республиканского фестиваля-конкурса среди школьников по сохранению и популяризации хакасского языка и эпического наследия народа (2018, 2019, 2020, 2021); Республиканского конкурса на знание хакасского языка среди представителей нехакасской национальности (2022) и др. Являясь членом научно-методического совета по учебным пособиям при МОН РХ, М. Д. Чертыкова участвовала в экспертизе учебников «Хакасский язык» и «Хакасская литература» для 5–9 классов, методических рекомендаций по составлению рабочих программ по этим учебным предметам, которые вошли в федеральный перечень учебников (2018); учебных

пособий «Хакас тілі», «Хыгырчан кинде» и «Хакас литературасы» для 3–6 классов для общеобразовательных учреждений с русским языком обучения (2021), учебника «Математика на хакасском языке» для 1 класса (2022) и др.

В целях популяризации языка и культуры хакасского народа М. Д. Чертыкова систематически участвует в радио-проекте «Хакас тілі», в цикле научно-популярных лекций на хакасском языке в Национальной библиотеке им. Н. Г. Доможакова (организатор – Региональная общественная организация по сохранению и развитию хакасского языка «Ине тілі»). Также Мария Дмитриевна борется за формирование положительного имиджа своего института и университета, неоднократно выступая в СМИ и выезжая с лекциями в школы республики (Казановская общеобразовательная школа, 2022; Аршановская средняя школа, 2023). Ее выступления всегда вызывают живой отклик, привлекают интерес к изучению родного языка и родного края. Ее статьи по различным вопросам лексики хакасского языка регулярно появляются в республиканской газете «Хакас чирі».

М. Д. Чертыкова за профессиональное мастерство, многолетний добросовестный труд и личный вклад в развитие хакасского языкознания в 2018 году награждена почетной грамотой Министерства образования и науки Республики Хакасия, а в 2021 году – благодарностью главы Республики Хакасия. В 2022 году за успехи в научной и образовательной деятельности ее кандидатура была представлена на Доску почета Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова «Ими гордится университет».

Как человек с высоким уровнем ответственности и целеустремленности, добросовестного отношения к труду Мария Дмитриевна пользуется заслуженным уважением среди коллег и студентов.

Ученый-лексиколог и лексикограф Мария Дмитриевна Чертыкова внесла и вносит большой вклад в развитие хакасского языка и сибирской тюркологии через свою научную деятельность. Надеемся, что исследова-

тель в своих новых трудах раскроет и опишет пока еще не полностью изученные проблемы хакасской лексикологии, пополнив тем самым базу знаний хакасского языкознания. Коллеги Марии Дмитриевны сердечно поздравляют ее с юбилеем и желают ей доброго здоровья, осуществления творческих замыслов и дальнейшей плодотворной работы в области исследования хакасского языка.

Литература

- Анжиганова Л. В.** Традиционная культура как основа этнопедагогики хакасского народа // Традиционная народная культура: региональные проблемы поддержки и развития. Новосибирск: Сибирское научное изд-во, 2009. С. 164–172.
- Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргояков М. И., Инкижекова-Грекул А. И., Патачкова Д. Ф., Субракова О. В., Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д.** Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Каксин А. Д., Чертыкова М. Д.** Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна»). Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2020. 224 с.
- Катанов Н. Ф.** Среди тюркских племен // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1893. Т. XXIX. Санкт-Петербург: [б. и.]. С. 519–541.
- Кызласова И. Л., Чертыкова М. Д.** Словарь синонимов хакасского языка. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2014. 228 с.
- Чанков Д. И.** Краткий словарь синонимов хакасского языка. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1999. 38 с.
- Чертыкова М. Д.** Аффиксы сказуемости в говоре населения улуса Верх-Киндирла // Хакасская диалектология. Абакан: [б. и.], 1992. С. 65–71.
- Чертыкова М. Д.** Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Научный редактор М. И. Черемисина. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2005. 180 с.
- Чертыкова М. Д.** Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2015. 160 с.
- Чертыкова М. Д.** Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности): учебно-методический комплекс по дисциплине. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2016. 172 с.
- Чертыкова М. Д.** Лексико-семантические группы хакасских глаголов: учебно-методический комплекс по дисциплине. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2014. 100 с.
- Чертыкова М. Д.** Ментальные глаголы в хакасском языке. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2021. 160 с.
- Чертыкова М. Д.** Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением восприятия и их лексических соответствий в других тюркских языках. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2019. 160 с.
- Чертыкова М. Д., Каксин А. Д.** Глагольная репрезентация речи богатырей (на материале хакасского героического сказания «Албынчы») // Вестн. Северо-Восточного федерального ун-та им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2022. № 2 (26). С. 5–16.
- Чертыкова М. Д., Цыренов Б. Д., Каксин А. Д.** Идеографический словарь синонимов хакасского, бурятского и хантыйского языков (языковая модель человека). Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2021. 204 с.

References

- Anzhiganova L. V.** Traditsionnaya kul'tura kak osnova etnopedagogiki khakasskogo Naroda [Traditional culture as the basis of ethnopedagogy of the Khakass people]. In: Traditional folk culture: regional support and development issues. Novosibirsk, Siberian Scientific Publishing House, 2009, pp. 164–172. (In Russian).
- Anzhiganova O. P., Baskakov N. A., Borgoyakov M. I., Inkizheкова-Grekul A. I., Patachakova D. F., Subrakova O. V., Beloglazov P. E., Kaskarakova Z. E., Kyzlasov A. S., Sunchugashev R. D., Chertykova M. D.** Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass and Russian).
- Chankov D. I.** Kratkii slovar' sinonimov khakasskogo yazyka [Synonyms of the Khakass Language. Concise Dictionary]. Abakan, N.F. Katanov Khakass State University Publ., 1999, 38 p. (In Khakass).
- Chertykova M. D.** Affiksy skazuemosti v govore naseleniya ulusa Verkh-Kindirla [Predicate affixes

- in the dialect of the population of Verkh-Kindirl ulus]. In: *Khakass Dialectology*. Abakan, [without a publisher], 1992, pp. 65–71. (In Russian).
- Chertykova M. D.** Glagoly govoreniya v khakasskom yazyke (sistemno-semanticheskii aspekt) [Verbs of speaking in the Khakass language (system-semantic aspect)]. Scientific editor M. I. Cheremisina. Abakan, Khakass Book Publishing House, 2005, 180 p. (In Russian).
- Chertykova M. D.** Glagoly so znacheniem emotsii v khakasskom yazyke: paradigmatica i sintagmatika [Verbs with the meaning of emotion in the Khakass language: paradigmatics and syntagmatics]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2015, 160 p. (In Khakass and Russian).
- Chertykova M. D.** Leksiko-semanticheskie gruppy glagolov khakasskogo yazyka (glagoly so znacheniem psikhicheskoi deyatel'nosti): uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline [Lexico-semantic groups of verbs of the Khakass language (verbs with the meaning of mental activity): educational and methodological complex for the discipline]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2016, 172 p. (In Khakass and Russian).
- Chertykova M. D.** Leksiko-semanticheskie gruppy khakasskikh glagolov: uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline [Lexico-semantic groups of Khakass verbs: an educational and methodological complex for the discipline]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2014, 100 p. (In Khakass and Russian).
- Chertykova M. D.** Mental'nye glagoly v khakasskom yazyke [Mental verbs in the Khakass language]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2021, 160 p. (In Russian).
- Chertykova M. D.** Semantiko-kognitivnaya kharakteristika khakasskikh glagolov so znacheniem vospriyatiya i ikh leksicheskikh sootvetstviy v drugikh tyurkskikh yazykakh [Semantic and cognitive characteristics of Khakass verbs with the meaning of perception and their lexical correspondences in other Turkic languages]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2019, 160 p. (In Russian).
- Chertykova M. D., Kaksin A. D.** Glagol'naya reprezentatsiya rechi bogatyrei (na materiale khakasskogo geroicheskogo skazaniya «Albynchy») [Verbal representation of the heroes' speech (based on the material of the Khakass heroic legend «Albynchy»)]. *Bulletin of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Series: Epic Studies*, 2022, no. 2 (26), pp. 5–16. (In Russian).
- Chertykova M. D., Tsyrenov B. D., Kaksin A. D.** Ideograficheskii slovar' sinonimov khakasskogo, buryatskogo i khantyiskogo yazykov (yazykovaya model' cheloveka) [Ideographic dictionary of synonyms of Khakass, Buryat, and Khanty languages (human language model)]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2021, 204 p. (In Russian, Khakass, Buryat, and Khanty).
- Kaksin A. D., Chertykova M. D.** Khakassko-russkii i russko-khakasskii tematicheskii slovar' (razdely «Chelovek», «Flora i fauna») [Khakass-Russian and Russian-Khakass Thematic Dictionary (sections «Man», «Flora and Fauna»)]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2020, 224 p. (In Khakass and Russian).
- Katanov N. F.** Sredi tyurkskikh plemen [Among the Turkic tribes]. In: *Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. 29. Saint-Peterburg, [without a publisher], 1893, pp. 519–541. (In Russian).
- Kyzlasova I. L., Chertykova M. D.** Slovar' sinonimov khakasskogo yazyka [Dictionary of synonyms of the Khakass language]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2014, 228 p. (In Khakass and Russian).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А.Г. КЫЗЛАСОВОЙ

Л. В. Челтыгмашева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: cheltygmasheval@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9476-0611

Данная публикация приурочена к 90-летию со дня рождения известного хакасского литературоведа, кандидата филологических наук, активного участника литературного процесса Хакасии в 1970–1980 гг. – Анны Герасимовны Кызласовой (1933–2006). Рассматривается ее значимый вклад в развитие хакасского литературоведения. Научные статьи А.Г. Кызласовой, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Зарождение и развитие хакасской прозы» представляют собой первый опыт целостного исследования художественной эволюции хакасской прозы, посвящены изучению литературного наследия В. Кобякова, Н. Доможакова, М. Чебодаева, С. Чаркова, И. Костякова, Т. Балтыжакова, Г. Топанова, Н. Тюкпиекова, К. Нербышева, Г. Казачиновой, Ф. Бурнакова, Н. Тиникова, Митхаса Турана. Она является автором коллективного труда «Очерки истории хакасской советской литературы», составителем первого русско-хакасского словаря литературоведческих терминов «Литература науказы терминнериниң орыс-хакас сөстигі», учебников и учебных пособий по хакасской литературе.

Автором статьи обосновывается вывод о том, что научные труды А.Г. Кызласовой направлены на тематико-содержательный анализ произведений хакасской литературы, выявление их структурно-композиционных и художественных особенностей, стилового своеобразия, нравственно-философских, мифологических и других факторов освоения поэтики устно-поэтического наследия народа. Работы А.Г. Кызласовой, отличающиеся глубоким аналитическим содержанием и актуальностью изучаемых вопросов литературы, заложили основы дальнейшего научного исследования хакасской литературы, становления и развития прозаических жанров, творчества хакасских писателей в историко-культурном контексте.

Ключевые слова: А.Г. Кызласова, национальное литературоведение, хакасская литература, хакасская проза, художественное произведение.

A. G. KYZLASOVA'S LITERARY HERITAGE

Larisa V. Cheltygmasheva

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., 655017, Russia; email: cheltygmasheval@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9476-0611

This publication is dedicated to the 90th anniversary of the birth of the famous Khakass literary critic, Candidate of Philological Sciences, an active participant in the literary process of Khakassia in 1970–1980 – Anna Gerasimovna Kyzlasova (1933–2006). It considers her significant contribution to the development of Khakass literary criticism. Scientific articles by A. G. Kyzlasova, a thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences «The origin and development of Khakass prose» represent the first experience of a holistic study of the artistic evolution of Khakass prose, devoted to the study of the literary heritage of V. Kobayakov, N. Domozhakov, M. Chebodaev, S. Charkov, I. Kostyakov, T. Baltyzhakov, G. Topanov, N. Tyukpiekov, K. Nerbyshiev, G. Kazachinova, F. Burnakov, N. Tinikov, Mitkhas Turan. She is the author of the collective work «Essays on the history of Khakass Soviet literature», the compiler of the first Russian-Khakass dictionary of literary terms «Literatura naukazy terminnerinin orys-khakas sostigi», Khakass literature textbooks and manuals.

The author of the article substantiates the conclusion that A. G. Kyzlasova's scientific works are aimed at thematic and substantive analysis of the works of Khakass literature, identification of their structural, compositional and artistic features, stylistic originality, moral, philosophical, mythological and other factors of mastering the poetics of the oral and poetic heritage of the people. A. G. Kyzlasova's works, distinguished by their deep analytical content and relevance of the literature issues under study, laid the foundations for further scientific research of Khakass literature, the formation and development of prose genres, the creative work of Khakass writers in the historical and cultural context.

Keywords: A. G. Kyzlasova, national literary studies, Khakass literature, Khakass prose, piece of fiction.

Введение

Наука о художественной литературе, изданной на хакасском языке, ее происхождении и развитии берет начало с 1950-х годов и тесно связана с историей Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). Первыми профессиональными литературоведами были научные сотрудники сектора фольклора и литературы П. А. Трояков, М. А. Унгвицкая, У. Н. Кирбижекова, Т. Г. Тачеева. Их публикации сначала в газетах «Ленин чолы», «Советская Хакасия» и художественно-публицистических альманахах «Хакасия оттары», «Абакан», а затем и в «Ученых записках ХакНИИЯЛИ» касались исследования закономерностей развития хакасской литературы, литературно-критического анализа художественных произведений основоположников хакасской литературы и современных писателей. В 1970-е годы в число литературоведов вошла Анна Герасимовна Кызласова.

Основная часть

В 1963 г. при поступлении на работу в ХакНИИЯЛИ в автобиографии Анна Герасимовна пишет: «Я, Кызласова Анна Герасимовна, родилась 19 декабря 1933 года в селе Шурышево Усть-Уйбатского сельсовета Хакасской Автономной области, в семье крестьянина. В 1940/41 учебном году поступила в Шурышевскую начальную школу и в 1945 году окончила начальную школу в селе Доможаково. С 1945 по 1952 год училась в Хакас-

ской национальной школе в Абакане. 1948 г. Здесь вступила в комсомол. В 1952 г. поступила в Абаканский педагогический институт, на литературный факультет. По окончании института с 3 сентября 1956 года по 21 мая 1964 года работала в Хакасском книжном издательстве редактором детской литературы. С 6 декабря 1963 г. работаю зав. библиотекой ХакНИИЯЛИ»¹.

В 1969 году А. Кызласова решением Ученого совета ХакНИИЯЛИ была избрана по конкурсу на должность младшего научного сотрудника сектора литературы и фольклора. В данном секторе она проработала до перехода в 1982 году в Абаканский педагогический институт. В 1994–1996 годы Анна Герасимовна совмещала работу заведующего сектором литературы с преподавательской деятельностью в Хакасском государственном университете имени Н. Ф. Катанова.

Сферу научных интересов А. Кызласовой составляли литературоведение, история хакасской литературы, развитие хакасской прозы, фольклорные традиции в литературе, творчество хакасских писателей. Она является автором статьи о хакасской литературе, вошедшей в восьмой том «Краткой литературной энциклопедии», изданной в 1975 году в издательстве «Советская энциклопедия» [Кызласова, 1975]. В 1970–1980-е годы публикуются научные статьи о хакасской литературе, ее истории и современности: «Основные проблемы хакасского рассказа последнего десятилетия» [Кызласова, 1972], «И. М. Костяковтың чоохтары» [Кызласова, 1973], «Критика о романе Н. Г. Доможакова «В далеком аале» [Кызласова, 1976], а также литературно-критические статьи в национальной газете «Ленин чолы» и литературно-художественном альманахе «Ах тасхыл» [Кызласова, 1970; 1971; 1976].

Рассматривая произведения современных авторов как художественное целое, характеризуя тематику и основные проблемы хакасского рассказа 1960-х годов, А. Кызласова выявляет обогащение хакасской литературы новыми темами и героями. Анализируя рассказы М. Чебодаева, И. Костякова, Н. Нер-

¹ Кызласова А. Г. // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Л. Д. 117. Л. 5.

бышева, А. Черпакова, Г. Топанова, Ф. Буринакова, Ф. Бытотова, приходит к выводу, что основной темой малого прозаического жанра рассматриваемого периода стали «проблемы развития сельского хозяйства, роста новых взаимоотношений, новых морально-этических норм в быту, проблемы войны и мира, дружбы народов» [Кызласова, 1972, с. 118]. Указав на недостатки хакасских новеллистов, а именно: поверхностное отношение к вопросам воспитания, неумение создавать глубоко типизированный образ положительного героя, слабость художественного обобщения, неумение отбирать наиболее характерные, яркие факты действительности, узость тематики, ограничение сугубо местными рамками – Анна Герасимовна вместе с тем отмечает умение писателей психологически верно показать состояние, душевные искания героев, природу, сопутствующую их настроению, стремление к обобщению богатого жизненного материала и заключает, что хакасская малая проза находится на пути к зрелости, преодолеет «болезнь роста» и станет разнообразнее, богаче [Кызласова, 1972, с. 125–126].

В статье, опубликованной в 1973 году в «Ученых записках ХакНИИЯЛИ», А. Г. Кызласова остановилась на более подробном раскрытии проблемно-тематических особенностей рассказов И. М. Костякова, изданных в 1971 году в сборнике «Миниң нанчыларым» («Мои друзья»). По определению Анны Герасимовны, охотничьи рассказы, вошедшие в данный сборник, близки к новеллистическому жанру. Рассказы «Палыҕлыҕ аҕны істезіп» («По следу раненого зверя»), «Атыҕчы Ирмей» («Стрелок Ирмей»), «Харах чох аңчының чооғы» («Рассказ слепого охотника»), «Аба теерізі» («Медвежья шкура»), «Сыын мүүзінде хозаннар» («Заяц на маралых рогах») построены как устные народные рассказы, остросюжетные небольшие истории, развивающиеся вокруг одного необычного события. Раскрытию образа советского человека – воина-защитника, строителя новой жизни, передовика производства – посвящены другие рассказы этого же сборника И. М. Костякова: «Палыҕлыҕ хас» («Раненый гусь»), «Манидек», «Хара Хыс»,

«Тас үстүндегі сом» («Снимок на камне»). По наблюдениям А. Кызласовой, рассказы И. Костякова привлекают внимание интересными сюжетами, богатым выразительным языком, отображением в героях черт национального характера.

В 1980 г. Анна Герасимовна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Зарождение и развитие хакасской прозы» в диссертационном совете при Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября (г. Уфа). Ею впервые были исследованы особенности зарождения и формирования хакасской прозы, рассмотрена художественная эволюция прозаических жанров – от первых очерков-зарисовок и рассказов-миниатюр до современных повестей и романов на примере произведений прозаиков 1930-х годов Г. Н. Кучендаева, А. И. Кузугашева, В. А. Кобякова, М. С. Кокова и 1950–1960-х годов – М. Н. Чебодаева, И. М. Костякова, Г. Ф. Топанова, Т. Н. Балтыжакова.

Отдельная глава в диссертации А. Г. Кызласовой была посвящена идейно-художественному исследованию первого хакасского романа «Ыраххы аалда» («В далеком аале») Н. Г. Доможакова.

Первый критический анализ романа был проведен П. А. Трояковым в статье «Аар пазыҕдаң позаанда, арҕа чон усхунҕан (Н. Г. Доможаковтың «Ыраххы аалда» романын үзүрчөбіс)», опубликованной в национальной газете «Ленин чолы» от 9 декабря 1961 года. В дальнейшем более расширенный анализ достоинств и недостатков романа был представлен как в статье «Первый хакасский роман (о романе Н. Доможакова «В далеком аале»)» в сборнике «Литература Советской Хакасии» (1962) и книге «Очерки развития хакасской литературы» (1963) П. А. Троякова, так и статьях «Н. Г. Доможаковтың «Ыраххы аал» романынаңар» в сборнике «Хакас тілінеңер паза литературадаңар» (1967) У. Н. Кирбижековой, «Роман Н. Г. Доможакова «В далеком аале»» в сборнике «В братской семье народов» (1968) К. Ф. Антошина, а также были рецензии и научные публикации, связанные в основном с решением отдельных

литературоведческих проблем, таких критиков и литературоведов, как С. В. Сартаков, Г. И. Ломидзе, И. П. Захорошко, Л. А. Теракопьян, Л. Г. Якименко, С. И. Гармаева, Л. П. Якимова и др. А. Г. Кызласовой же был впервые проведен целостный идейно-художественный анализ романа «В далеком аале»: сначала в кандидатской диссертации, а затем и в «Очерках истории хакасской советской литературы» (1985). Более полно и глубоко исследовав образную систему романа, проследив судьбы героев, она отмечает мастерство Доможакова-прозаика в многостороннем раскрытии характеров: «Доможаков достиг определенных успехов в глубоком психологическом раскрытии характеров героев, наметившегося в творчестве предшественников (В. Кобякова, А. Кузугашева и др.)» [Кызласова, 1980, с. 15]. Особое внимание исследователь уделяет анализу создания и раскрытия образов положительных героев романа (деда Хоортая, Домны, Сагдая, Сабиса и др.), через которые Н. Доможаков стремился показать «типично народный склад мышления», «глубоко типичные национальные характеры людей», воплощающие в себе народные нравственно-этические идеалы. Не менее пристальный интерес вызывают у А. Г. Кызласовой способы раскрытия Н. Доможаковым отрицательных героев (Пичона Почкаева, бая Хапына и его семейства, бандита Сеерге, шамана Аларчона): портрет, речь, манера вести себя, приемы изображения людей со сложной человеческой судьбой. Анна Герасимовна отмечает: «Если в рассказах и повестях предшественников Н. Доможакова отрицательные типы предстают таковыми уже с первых страниц, то в романе эти характеры познаются на протяжении всего повествования. Многообразные стороны характеров врагов Советской власти раскрываются постепенно в различных столкновениях, противоречиях и поступках» [Очерки истории хакасской..., 1985, с. 140].

Подчеркивая важную роль традиций фольклора в формировании идейно-эстетической структуры романа, А. Кызласова говорит о том, что традиционные формы и приемы отображения национальных черт творчески трансформированы Н. Доможаковым. Инте-

рес писателя к фольклору, глубокое знание им народного творчества заметны и в структуре, и в стилистике первого профессионального романа. А. Кызласова писала: «Фольклор пересмыслен и обогащен опытом социалистического реализма, отдельные компоненты фольклора искусно впаяны в сложную структуру произведения. Народно-поэтические художественные средства в описании портрета, в языке персонажей, в использовании сказочных образов и преданий нередко на протяжении всего повествования» [Очерки истории хакасской..., 1985, с. 141]. Особенности стиля романа «В далеком аале», как подчеркивала А. Кызласова, являются: речевая характеристика героев; пейзаж как один из приемов раскрытия характера героя, его внутреннего мира; символичность образов, идущая от эстетики фольклора: «бег косяка», «глоток воды», «образ русского кузнеца Федора Полынцева», «образ цветка шиповника»; обостренное внимание писателя к бытовым деталям, к этнографическим приметам, которые «придают рассказываемому национальный колорит, позволяют создать достоверные картины хакасского быта, являются необходимым художественным компонентом в отображении национального характера, сообщают произведению особую достоверность» [Очерки истории хакасской..., 1985, с. 141].

В 1976 году в XX выпуске «Ученых записок ХакНИИЯЛИ» вышла статья «Критика о романе Н. Доможакова «В далёком аале»», в которой Анной Герасимовной было представлено мнение критиков о жанре первого хакасского романа. К. Ф. Антошин в книге «Жизнь молодой литературы» (1967) жанр романа «В далеком аале» в подстрочном переводе на русский язык определил как социально-бытовой, а в следующей своей работе – «Время добрых надежд» (1975) – художественно переработанный русскоязычный вариант романа относит к социально-психологическому жанру. Не во всем соглашаясь с К. Ф. Антошиным, А. Г. Кызласова отмечает, что «Н. Доможаков ставил целью показать историю становления характера не отдельной личности, а приобщение всего хакасского народа к социалистической действительности».

сти. Поэтому в романе нет глубокого психологического анализа отдельных персонажей» [Кызласова, 1976, с. 53]. В социально-психологическом романе обстоятельно повествуется о жизни главного героя на широком социальном фоне, психологически исследуются сложные характеры героев, их действия, поступки, взаимоотношения с окружающими. При том, что в романе Н. Доможакова характеры героев раскрываются психологически достаточно убедительно, но психологическая характеристика одной личности, исследование ее духовного мира не занимают доминирующего положения, что не дает основания говорить о романе «В далёком аале» как о социально-психологической разновидности романного жанра. Вызывает возражение у А. Г. Кызласовой вывод К. Ф. Антошина о нечеткой, слабой индивидуализации характеров героев. Особо отмечая более яркое раскрытие характеров в тексте оригинала, чем в переводе романа, она пишет: «В хакасском варианте, кроме всех приемов индивидуализации образов, применяемых автором, более глубокому раскрытию образов героев способствует их речевая характеристика» [Кызласова, 1976, с. 61]. Если в хакасском романе каждый персонаж говорит своеобразным языком, употребляет только свойственные его характеру слова и выражения, то в переводе речевая индивидуализация, национальный колорит несколько размыты.

А. Кызласова считает безосновательным считать роман Н. Доможакова историко-революционным, каковым определяют его М. А. Унгвицкая и Р. Г. Бикмухаметов. События, составляющие сюжет романа, основаны на исторических фактах и реальных лицах и охватывают послереволюционный период: установление советской власти на территории Хакасии, борьба партизанских отрядов во главе с Кравченко и Щетинкиным против колчаковщины, создание отрядов милиции П. И. Огарковым, первых коллективных хозяйств, беспартийный съезд хакасской бедноты и др. По мнению А. Кызласовой, в романе не показано широкого участия хакасов в подготовке и свершении революции, хотя «становление Советской власти на территории Хакасии и привлечение хакасского народа

к обновлению жизни тоже своего рода революция, перевернувшая всю жизнь народа» [Кызласова, 1976, с. 53]. Дискутируя с критиками и литературоведами, она в диссертации обосновывает справедливое утверждение считать «В далёком аале» Н. Доможакова историко-социальным романом.

В 1985 году в свет вышла книга «Очерки истории хакасской советской литературы», представляющая собой первое обобщенное исследование процессов становления и развития хакасской литературы. Книга была подготовлена коллективом литературоведов Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Абаканского педагогического института. Анной Герасимовной написаны разделы по прозе к главам «Хакасская советская литература 20–30-х годов», «Хакасская советская литература 50–60-х годов», «Хакасская советская литература 70–80-х годов», а также «Хроника литературной жизни» (начиная с 1917 года до 1984 года) и «Библиография». В «Очерках...» впервые в хакасском литературоведении был прослежен путь развития хакасской прозы от первых хакасских повестей, рассказов и очерков: повести «Майорның өскені» («Жизнь Майора», 1932) и очерков «Ударница» (1933), «Тимір хус» («Железная птица», 1933) Г. Н. Кучендаева, повести «Айдо» (1934), рассказов «Мылтых табызы» («Выстрел», 1935), «Казан» (1935), «Бандиттарның унадылган штабы» («Разгромленный штаб бандитов», 1935), «Пасха кізі аңмары» («Чужой амбар»), «Кірөске түзіргені» («Крещение»), «Сүген» («Верша») и очерка «Партизан күннері» («Партизанские дни») В. А. Кобякова, повести «Өөрліг пүүрлер» («Волчья стая», 1935) А. И. Кузугашева, очерков «Аңчылар» (1940), «Абду» (1940) и повести «Өріністіг тоғазыг» («Радостная встреча», 1940) М. С. Кокова – до романов «Ыраххы аалда» («В далёком аале», 1960) Н. Г. Доможакова, «Чібек хур» («Шелковый пояс», 1966) И. М. Костякова, «Көгім хорымнарда» («У синих утесов», 1983) К. Т. Нербышева.

А. Г. Кызласова – автор учебных хрестоматий «Хакасская литература» и «Литература Хакасии», учебных программ по литературе

для школ Хакасии. Она является одним из авторов-составителей первого русско-хакасского словаря литературоведческих терминов [Литература науказы терминнерінің..., 1984; Литература науказы терминнерінің..., 1997]. Словарь, представляющий собой пособие для учителей национальных школ по использованию литературоведческих терминов на хакасском языке, в 1984 году включал 200 словарных статей. В 1997 году он, переработанный и дополненный, состоял из 260 слов. Здесь, кроме перевода терминов, представлены теоретический материал и сведения из истории хакасской литературы, приведен краткий анализ понятий с примерами из фольклора и хакасской литературы, что дает возможность использовать словарь как учебное пособие для школ.

Заключение

А. Г. Кызласова является первым исследователем хакасской прозы, чьи работы были направлены не только на тематико-содержательный анализ, но и на изучение структурно-композиционных особенностей, стилового своеобразия и поэтики произведений. В ее научных статьях о хакасской прозе и «Очерках истории хакасской советской литературы», в кандидатской диссертации «Зарождение и развитие хакасской прозы» прозаические произведения рассматривались в содержательном плане и на уровне художественной формы, эстетической природы текста, нравственно-философских, мифологических и других факторов освоения поэтики устно-поэтического наследия народа, функциональной значимости традиций фольклора в сюжетостроении, освещении общечеловеческих проблем.

Анна Герасимовна внесла значимый вклад в науку о хакасской литературе: ее работы содержат глубокий содержательный анализ произведений хакасской литературы, представляют собой первый опыт комплексного исследования закономерностей развития прозаических жанров, изучения творчества хакасских писателей в историко-культурном контексте. Научное наследие А. Г. Кызласовой

заложило основу для дальнейшего изучения хакасской литературы, ее истории и теоретических вопросов, особенностей современного литературного процесса.

Литература

- Кызласова А. Г.** Зарождение и развитие хакасской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1980. 17 с.
- Кызласова А. Г. И. М. Костяковтың чоохтары** // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XVIII. 1973. С. 123–127.
- Кызласова А. Г.** Кавристің көглері. Н. Тиниковтың повезін үзүріп // Ленин чолы. 1976. 6 апр.
- Кызласова А. Г.** Критика о романе Н. Г. Доможакова «В далёком аале» // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XX. 1976. С. 52–62.
- Кызласова А. Г.** Минің нанчыларым. И. Костяковтың наа сборнигінеңер // Ленин чолы. 1971. 22 мая.
- Кызласова А. Г.** Основные проблемы хакасского рассказа последнего десятилетия // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XVII. 1972. С. 117–126.
- Кызласова А. Г.** Пүүңгі матырдаңар наа книга сагыпчабыс. М. Чебодаевтің чоохтарынаңар хай пірее сагыстар // Ленин чолы. 1970. 27 окт.
- Кызласова А. Г.** Хакасская литература // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 194.
- Литература науказы терминнерінің орыс-хакас сөстігі = Словарь литературоведческих терминов / А. Г. Кызласова, В. Е. Майногашева, С. А. Майнагашев. 2-е изд., перераб. и доп. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1997. 56 с.
- Литература науказы терминнерінің орыс-хакас сөстігі = Русско-хакасский словарь литературоведческих терминов / А. Г. Кызласова, В. Е. Майногашева. Абакан: [б. и.], 1984. 44 с.
- Очерки истории хакасской советской литературы. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1985. 288 с.

References

- Kyzlasova A. G. I. M. Kostyakovtyng chookhtary.** In: Scientific Notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Issue 18, 1973, pp. 123–127. (In Khakass).
- Kyzlasova A. G. Kavristing kögleri. N. Tinikovtyng povezin üzürüp.** In: Lenin choly, April 6, 1976. (In Khakass).

- Kyzlasova A. G.** Khakasskaya literatura [Khakass literature]. In: Brief Literary Encyclopedia. Vol. 8. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1975, p. 194. (In Russian).
- Kyzlasova A. G.** Kritika o romane N. G. Domozhakova “V dalekom aale” [Criticism of N. G. Domozhakov’s novel “In the Distant Aal”]. In: Scientific Notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Issue 20, 1976, pp. 52–62. (In Russian).
- Kyzlasova A. G.** Mining nanjylarym. I. Kostyakovtyng naa sborniginenger. In: Lenin choly, May 22, 1971. (In Khakass).
- Kyzlasova A. G.** Osnovnye problemy khakasskogo rasskaza poslednego desyatiletia [The main problems of the Khakass story for the last decade]. In: Scientific Notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Issue 17, 1972, pp. 117–126. (In Russian).
- Kyzlasova A. G.** Püüngi matyrdangar naa kniga saghypchabys. M. Chebodaevting chookhtarynangar khai piree saghystar. In: Lenin choly, October 27, 1970. (In Khakass).
- Kyzlasova A. G.** Zarozhdenie i razvitie khakasskoi prozy [The origin and development of Khakass prose]. The author’s summary of the thesis for the degree of Candidate of Philology. Ufa, 1980, 17 p. (In Russian).
- Literatura naukazy terminnerining orys-khakas söstigi = Slovar’ literaturovedcheskikh terminov [Dictionary of Literary Terms] / A. G. Kyzlasova, V. E. Mainogasheva, S. A. Mainagashev. The 2nd edition, revised and expanded. Abakan, Khakass Book House, 1997, 56 p. (In Russian and Khakass).
- Literatura naukazy terminnerining orys-khakas söstigi = Russko-khakasskii slovar’ literaturovedcheskikh terminov [Russian-Khakass Dictionary of literary terms] / A. G. Kyzlasova, V. E. Mainogasheva. Abakan, [without a publisher], 1984, 44 p. (In Russian and Khakass).
- Ocherki istorii khakasskoi sovetskoi literatury [Essays on the History of Khakass Soviet Literature]. Abakan, the Khakass Branch of Krasnoyarsk Book House, 1985, 288 p. (In Russian).

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№ 3(39) 2023

Исторические науки / Historical sciences
Филологические науки / Philological sciences

Корректор *К. В. Кулумаева*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *С. И. Тюкпиековой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел./факс: +(3902) 244-354, 243-039
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 17.12.2023.
Формат 60 х 84 1/8.
Печ. л. 13,0. Усл. печ. л. 12,09.
Тираж 200 экз. Заказ № 457.
Дата выхода в свет 21.12.2023. [F] [SEP]

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.